

РАССКАЗЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Дядя Фил и телевизор

РАССКАЗЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Джон Б. Пристли. *Дядя Фил и телевизор*
Джордж Микеш. *Похвальное слово телевидению*
Фред Хойл. *Шантаж*
Ситон Маккетриг. *Передышка*
Аврам Дэвидсон. *Эту штуку называют любовью*
Дональд Уэстлейк. *Всего хорошего, доброй ночи!*
Х.-А. Харгривс. *И в небе, и в земле сокрыто больше...*
Бад Шульберг. *С приветом к вам из Арканзаса*
С.-Т. Корнблат. *Пришествие по двенадцатому каналу*
Гюнтер и Иоганна Браун. *Возвращение блудного сына*
Курт Давид. *Как мы смотрели телевизор*
Гейнц Knobloch. *Хотелось бы мне знать*
Альфонсо Альварес Вильяр. *Супруги, любившие уединение*
Стефания Гродзенська. *Супружество и телевидение*
Йозеф Рединг. *Стареешь, Джек!*
Гюнтер Хербургер. *Для маленьких и для больших*
Бенгт Даниельссон. *Гость телевидения*
Артур Лундквист. *Стреляй! Стреляй!*
Цуцуи Ясутака. *Муниципальный пандемониум*

*Дядя Фил
и телевизор*

Москва
«Искусство»
1974

Сб 3
Д 99

Составил Р. Рыбкин
Предисловие М. Стуруа

© Перевод на русский язык. Издательство «Искусство», 1974 г.

Д 80107-124
Д 025(01)-74   **141-74**

Ящик Пандоры

Рассказы, собранные в этой книге, в большинстве своем смешные. Но суть дела, о котором они трактуют, совсем не смешна.

Телевизор — ящик Пандоры века электроники. Древнегреческий поэт Гесиод в поэме «Труды и дни» повествует о том, как Зевс, разгневанный своеволием Прометея, похитившего у богов огонь, ниспослал на землю красавицу Пандору. Вместо сумочки с косметическими принадлежностями, которую обычно носят представительницы прекрасного пола в наше время, Пандора была экипирована волшебным ларцом. В нем дремали все несчастья рода человеческого. Движимая любопытством — в этом женщины всех веков одинаковы, — Пандора открыла ларец и высыпала его роковое содержимое на головы людей, живущих доселе в благословенном отсутствии бед, включая болезни и старость.

Телевизор пострашнее мифологического ящика Пандоры. Он грозит, как это ни парадоксально, убить в человеке одно из его величайших динамических качеств — любопытство. Зачем выходить в мир, если сам мир входит в твой дом и ты можешь разыгрывать из себя Колумба, не снимая ночных туфель и халата, погрузившись в мягкое оцепенение глубокого кресла.

Конечно, сам телевизор тут ни при чем. Сам он добро и зло внимает равнодушно. Как аукнется, так и откликнется. Корень зла — в аukaющих. Не в ящике Пандоры и даже не в самой Пандоре, а в Зевсе.

Если продолжить нашу аналогию между телевизором и ящиком Пандоры применительно к капиталистическому обществу, то в роли Зевса выступают его правящие круги,

а в роли Пандоры — их дипломированные лакеи, манипулирующие посредством голубого экрана общественным мнением, сбывающие ему духовные ценности и материальные продукты, необходимые для функционирования частного Олимпа. Духовные ценности, как правило, сомнительные; материальные продукты — всех цветов коммерческой радуги — от жизнеопасных до жизненно необходимых. Но и те и другие намертво приковывают человека к образу жизни, выгодному и удобному монополистическим зевсам...

Я почти пять лет прожил в Соединенных Штатах Америки, где телевизор в качестве верховного технического божества потеснил даже автомобиль. Власть телевизора над американцем настолько велика, что в нее трудно поверить понаслышке, не убедившись в этом феномене, так сказать, «собственноглазно». Телевидение создает и свергает кумиров — политических и артистических. Здесь на память невольно приходят слова из знаменитого шансона Вертинского: «Я могу из падали создавать поэмы, я могу из горничных делать королев». Все эти метаморфозы и миллионы иных не менее удивительных и отвратительных подвластны американскому телевидению. (Разумеется, не отполированному ящику, а тем, кто им жонглирует на расстоянии.)

В данном сборнике читатель найдет рассказ американского сатирика Бада Шульберга «С приветом к вам из Арканзаса». Герой рассказа — Одиночка Родс, нахал и невежда из «паршивого городишка Риддла», становится с помощью радио и телевидения всеамериканским кумиром. Шульберг, конечно, иронизирует, но отнюдь не гипертрофирует. Вымышленный Одиночка Родс как две капли воды похож на реального Джонни Карсона, самого популярного сейчас в Соединенных Штатах телеболтуна. Этот подделывающийся под рубаху-парня, под среднего американца актер-делец получает в год заработную плату в два с половиной миллиона долларов! Поначалу диву даешься, как могут нравиться зрителям его плоские шуточки и как можно платить за них столь умопомрачительные гонорары. Но со временем ты с ужасом обнаруживаешь, что тоже начинаешь глупо ухмыляться, как только на экране появляется самодовольная физиономия Джонни. А он ведь еще и рта не успел открыть! И тебя уже не удивляет, что старина Карсон объявляет забастовку, требуя увеличения зарплаты еще на полмиллиона долларов «в связи с ростом стоимости жизни». Ваша реакция: каков нахал? Нет. Вот это моло-

дец! Недаром даже кандидаты в президенты норовят выступить в телевизионном шоу Джонни Карсона, покрасоваться перед честным народом рядом с ним.

Рассказ «С приветом к вам из Арканзаса» не исключение. Буквально каждый рассказ этого сборника имеет контрпарта в жизни. Вот, к примеру, «Стреляй! Стреляй!» шведского писателя Артура Лундквиста. Сейчас уже мало кто сомневается в прямой связи между ростом преступности, особенно среди малолетних, и пропагандой насилия по телевидению. Гангстеры, ковбои, детективы не сходят с экранов, которые, хотя их и принято величать голубыми, все чаще окрашиваются в цвет крови. Витийствуют социологи, возмущаются родители. Но воз и ныне там. Почему? Продюсеры прикрываются рекламой и одновременно валят вину на публику. Вы, мол, сами любите насилие, и поэтому рекламодатели покупают время между убийством и изнасилованием, втискивая в образовавшийся просвет свою продукцию — от зубной пасты до «кадиллаков». Да, реклама на Западе и тем более в Соединенных Штатах всеильна. Американцы шутят, что телефильм и вообще любая телепередача — это всего лишь пауза между рекламными роликами, тонкая начинка толстого рекламного сэндвича.

Но как ни ужасна пропаганда насилия, питающаяся рекламой и питающая преступность, главное зло буржуазного телевидения не в этом. Английский сатирик Джордж Микеш пишет, что телевидение «загубило искусство вести разговор». Фред Хойл в рассказе «Шантаж» описывает шум животных, которых «лишили их интеллектуальной пищи», поскольку вышел из строя очередной телевизор. Более лобовое проклятие телевидению, доведенное до абсурда, хотя и логического, шлет японский писатель Ясутака Муцуи в фантазмагории, озаглавленной «Муниципальный пандемониум». О чем здесь речь? О том, что телевидение, став идеологическим оружием отживающей социальной системы, используется для духовной трепанации человека. Его последовательно оглушают, программируют ла скотство, уводят в так называемый мир грез.

Когда-то Джордж Оруэлл, пытаясь дискредитировать социализм, в своих политико-фантастических памфлетах малевал «фермы зверей» и всевидящее око «Большого брата», следящее за любым и каждым. Он даже датировал свои прорицания 1984 годом. Прорицания Оруэлла сбываются уже сейчас, по с одной «маленькой» поправкой. Общественной камерой-обскурой оказался не социализм, а капита-

лизм, и именно телевидение нагляднее всего демонстрирует эту деградацию буржуазного миропорядка.

Ученые уже доказали теоретически, что при определенной «стыковке» частот телевизионных волн и человеческого мозга можно влиять на подсознание и дирижировать поступками людей. На Западе эта проблема давно перекочевала со страниц научно-фантастических романов в газетные колонки. Кое-кто бьет тревогу. Кое-кто предлагает разбивать телевизоры, выступая в роли своеобразных луддитов-интеллектуалов. Мне самому довелось участвовать в эксперименте, который проводился в Нью-Йорке для выявления действенности рекламы, в эксперименте, основывавшемся на интоксикации зрителя при посредстве «мелькательной подачи» рекламируемого продукта в, казалось бы, совершенно отвлеченном сюжете. Результат эксперимента был весьма впечатляющим. Слава богу, рекламировались товары народного потребления. Но ведь можно рекламировать и идеи народного истребления! Впрочем, это уже делается, правда, пока еще «дедовскими методами».

Миф о Прометее, наказанном богами за то, что он дал людям огонь, трактуется по-разному. Одна из трактовок гласит: гнев богов был вызван их заботой о людях; Прометей слишком рано приобщил род человеческий к огню; люди еще не доросли до искусства пользоваться им; он мог не согреть, а спалить их. Некоторые современные интерпретаторы видят неопровержимое подтверждение этой трактовки в научно-техническом прогрессе, и в первую очередь в открытии атомной энергии и изобретении телевидения. Но кроме научно-технического прогресса существует и социальный прогресс. Расщепленный атом и голубой экран могут служить не только силам разрушения, но и силам созидания. Именно так оно и происходит в странах, где труд-Прометей сбросил оковы рабства, стал свободным.

Что же касается тех западных луддитов-интеллектуалов, которые предлагают разбивать электронные ящики Пандоры, то им можно ответить словами старой народной мудрости: «неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

М. Стурюа

Гиакса и Гиакса

Годенц де Колана
Д-р юр. п., адвокат
и нотариус
Санкт-Мориц, 13.VI.1938 г.

Господину К. Гиаксе
Радкерсбург
Германия (Остмарк)

Мой драгоценный Косто!

В сладостной надежде, что ты и твоя супруга пребываете и полном здравии, хочу, порядка ради, довести до вашего сведения, что собираюсь отбыть на Хвар. У нас в горах, как нам известно, в начале июля открывается курортный сезон; к тому времени мне, по профессиональным соображениям, следует вернуться из прекрасной Далмации. Жду, что и ты вместе с твоей глубокоуважаемой супругой придете туда не позднее 19-го с. м.; будучи твердо уверен в твоем согласии, я резервировал в гостинице Душана комнаты для вас и для себя. Отказа твоего, извини, я никоим образом принять не могу. Повторяю: никоим образом. Стало быть, никаких отговорок!

До радостного свидания.

Почтительно приветствует тебя старинный почитатель

д-р Год. де Колана

Несмотря на славяно-гермапо романские влияния, благодаря которым любители морфологии определяли Гиаксу при случае как помесь Гарибальди с Бисмарком, в облике

этого невысокого человека было что-то ветхозаветное; казалось, он принадлежит к куда более древнему народу, чем, скажем, евреи. Несмотря на раздвоенный подбородок, свидетельствующий о неиссякаемой энергии, едва ли не шаровидная форма носа и кустистые брови придавали ему неуловимое сходство с первобытным человеком, или, говоря языком мифологии, нечто кентаврообразное, что он и сам прекрасно сознавал и что лежало в основе одной из его терпких острот: «После моей кончины прошу снабдить мой череп эмалированной визитной карточкой — «Гиакса»; вовсе не желаю, чтобы спустя тридцать лет меня откопали как неандертальца номер два».

Десятки раз в различных городах Европы я заходил в его уборную то в цирке, то в варьете... Гиакса, как правило, являлся за час до начала своего номера, чтобы «рот-мистр» Магруч, в остальное время радевший о безупречной форме другого Гиаксы, а именно липицанского жеребца, мог без спешки сделать ему массаж, а сам Гиакса — сосредоточиться. В эти минуты он любил общество членов семьи или своего импресарио, одного из друзей по цирку или критика, заглянувшего с просьбой об интервью. Когда я впервые посетил Гиаксу в венском цирке Ренца, ему было около пятидесяти пяти, и моя старая приятельница Пола Полари, которая, собственно, и ввела меня в святилище, доверительно шепнула мне, что непосредственно после выступления, обычно длящегося 35—40 минут, Гиакса никого не хочет видеть, кроме Магруча и костюмера, даже жену или дочь: он испытывал потребность без свидетелей осилить усталость, равно как и боли в спине, вспыхивающие часто, а с возрастом едва ли не регулярно после выхода. У Гиаксы, надо сказать, было свое «слабое место» — тяжелая травма, полученная им в армии еще на рубеже нового века, когда ремонтный жеребец лягнул его в позвоночник; «нокаут», нанесенный конем, решил окончательно вопрос его перевода в резерв. Когда я входил в уборную, Гиакса, сидя перед зеркалом, тщательно покрывал фиолетовой краской нос, смахивающий на половинку граната и отличную вешалку для ярко-оранжевых, неестественно громадных усов, торчащих двумя лисьими хвостами. На соседнем стуле висел наготове мундир Полковника Полковина. Гиакса сидел, обнажив корпус, накинув на плечи махровое полотенце; меня неизменно вновь и вновь повергала в изумление не выправка и мускулатура стареющего артиста, а его белокурая с проседью растительность. Его грудь, сильные руки, лопатки густо покрывала поросль осенней

окраски с золотистым оттенком, сквозь которую голубела разбросанная повсюду, и даже на спине, исполненная шрифтами различной величины и рисунка несмыслаемая татуировка: «Аида».

Неизменно возвращался Гиакса па свой родной остров, где его друг детства Душан Млич впоследствии открыл опрятную гостиницу без единого клопика.

Когда великий Гиакса пребывал на Хваре, островитяне не слишком-то с ним носились: делов-то, наш местный хочет отдохнуть. Но в июле 1936 года из Венеции на остров приехал один из величайших артистов — Паоло Фрателлине, — а по пути в Дубровник остановилась, желая приветствовать Гиаксу и почтить его исполнением ночной серенады, цыганская капелла лилипутов из Загреба под управлением Хуссейндиновича. Сидя в лоджии гостиницы «Сплит», Гиакса слушал концерт в свою честь бок о бок с Паоло, а на берегу росла толпа, пока лилипуты вынимали инструменты — четвертушечные скрипки, крошечные, как скрипка Грока¹, которой он выпиликал себе мировую славу, виолончель размером с альт, детский ксилофон. Меня глубоко изумило фортиссимо, которое удавалось извлекать малюткам из своих инструментов.

Под вечер следующего дня Гиакса, Млич, лилипуты и я предприняли небольшую прогулку на яхте. Паоло с нами не поехал, — известный библиофил, он пытался раздобыть инкунабулу хорватского гуманиста Ганнибала Лучима. Гиакса, с необычной для него экстравагантностью, украсил себя вишнево-красным герцеговинским беретом, точно воспоминанием о своем далеком островном детстве. Яхта оставила позади себя Пальмицан и устремилась на всех парусах к Иеролиму, на берегу которого паслось большое стадо овец. Гиакса поднял на руки протестующего Хуссейндиновича, первую скрипку цыганской капеллы, и прыгнул на берег. В оливковую рошу, по которой пробегал ручеек, снесли две корзины с закусками — маринованные стручки, жареных цыплят, печеную каракатицу, овечий сыр, халву; батарею бутылок белого вина поставили и холодный источник, присоединив к ним водку разных сортов. По хорватскому обычаю, Душан провозгласил Гиаксу и меня тамадами.

— Позволь, милый Треблиан, — так порой называл меня Гиакса, — позволь, дорогой, взять тебя bras-dessus —

¹ Г р о к — псевдоним Адриена Веттаха (род. в 1880 г. в Швейцарии), пользующегося мировой известностью клоуна со скрипкой.

bras-dessou¹, — он редко брал кого-нибудь под руку, — и покинем-ка на четверть часика наш цирк.

Шагая сквозь редкую рожицу олив и ясеней, мы срезали угол островка. Вдали, на мраморной гальке, одна выделяясь на фоне белоснежной скалистой отмели, как вкопанная стояла белая лошадь. Она словно застыла и на расстоянии сотни шагов казалась наскальным рисунком — древнейшим в мире изображением лошади.

Мы прохрустели по гальке, подходя к отмели, и Гиакса, остановившись, позвал неподражаемым, глубоким на низких тонах и хрипловато-гнусавым на высоких, голосом — точно подал фаготом команду; отрывистая или протяжная, но всегда резкая, она звучала под куполами не одних только европейских цирков:

— Аргон!

Лошадь, едва очерченная на мраморном фоне отмели, силуэт, высеченный на камне рукой доисторического художника, не шелохнулась.

— Аргон! — позвал Гиакса, придавая голосу резкость Полковника Полковина.

Лошадь едва заметно приподняла голову. В двадцати шагах от нее я счел, что предо мной необычайно благородный, по величине и контурам чистокровный, еще молодой конь, неприрученный, пожалуй, едва прирученный белый жеребец. Не ускачет ли он в следующую секунду, выбивая копытами искры из гальки?

— Аргон? — спросил я, поглупевший от *dolce far niente*² жаркого вечера. — Ты его знаешь?

Гиакса поначалу не дал мне ответа. Когда же мы, соблюдая известную осторожность, приблизились к лошади, причем я невольно подражал Гиаксе, мне стало ясно, что мой правый, слабовидящий глаз здорово меня подвел: ухоженная старая коняга, которую возраст не в состоянии был лишить благородства, кляча, исполненная иллюзорной красоты.

— Мне ли не знать моего Аргона. Гиакса Пятый, — представил его Гиакса. — Липицанский жеребец на пенсии. Пенсионер номер шесть три года назад сломал себе, как ты, верно, помнишь, здесь на Хваре ногу, пришлось его умертвить. А это номер пять, мой липицанец времен инфляции. Перед выходом иной раз чуть нервничал. Я, впрочем, тоже, когда вспоминал, что мой гонорар за ве-

¹ Под руку (*франц.*).

² Сладостного безделья (*итал.*).

чернее представление утром наполовину обесценится. Обитает ныне здесь, на Иеролиме, вместе с овцами. Душан ежедневно справляются о нем... Аргон, — шептал Гиакса древней коняге — тот точно оцепенел, приподняв невзнузданную голову, и едва шевелил ушами — и ласково трепал его по нижней челюсти. — Да-да-да, мой милый, не нерв- - - - - нет, не нервничай, нет-нет-нет.

Мы возвращались, хрустя по гальке, одолели небольшую дюну, на которой раскинули свои мечеподобные листья агавы, увидели по другую ее сторону толчею любопытных овец, еще раз оглянулись и увидели: дряхлый ли-ицанец удаляется на одеревеневших ногах. Но вдруг он остановился, поднял голову, медленно повернул ее, застыл в этой позе, словно глядел единственным зрячим глазом в нашу сторону, и так, не отрывая от нас взгляда, он внезапно издал дрожащее, почти растворившееся в едва ваметном шуме прибоя ржание.

— Черт побери, — тихо проговорил Гиакса. — Точно из иного мира донеслось.

Еще не достигши восемнадцати лет, Константин Гиакса поступил в качестве одногодичника-вольноопределяющегося унтер-канонира в императорский и королевский полк артиллерийского корпуса принца фон Лобковица № 13 в Аграме. Капитан его батареи — Венцель Грубаски.

«Всякий, кому случалось иметь дело с Венцелем Грубаски, мог быть уверен заранее, что сведет знакомство с профосом. Восемьдесят дней ареста ежедневно записывались в приказ и без разбора распределялись на восемьдесят одногодичников, и неизменно в строжайших условиях. Их отсиживали на нарах в арестантской, сущем клоповнике, а то и в «карцере», где на шесть часов надевали наручники и правую руку крепили к левой лодыжке».

(Из мемуаров Гиаксы
«Клоун-наездник»)

Как не утеснял капитан Грубаски Гиаксу, однако ж ничего поделать не мог, когда спустя год того отправили в Грац на экзамен офицеров запаса и он вернулся оттуда в первом офицерском чине — «одногодичник-вольноопределяющийся взводный командир, фейерверкер, намеченный к испытанию на практике с целью перевода в

кадровые офицеры». И все-таки Грубаски сорвал его производство в лейтенанты, аттестовав его только как «пригодно-го» вместо «особливо пригодного». Но Косто взял отпуск и отправился к Янко Пеячевичу, под командованием которого служил его отец. Тот похлопотал за него перед двумя своими венскими кузенами, фельдмаршал-лейтенантом графом Юкскюл-Гилленбаидом и викарным епископом («перед Икспуп-пластырьбаптом и блудливым епископом»). С подобной протекцией сын капрала был произведен в артиллерийские лейтенанты, а капитан Грубаски к тому времени получил чин майора.

«Майор Грубаски — истязатель, лиходей и служака, сорокасемилетний старикан с короткой рыжей с проседью бородой для прикрытия зоба, красным бугристым носом, что вовсе не было следствием алкоголизма, и густым басом, срывающимся в команде на фальцет, — одним словом, дубина стоеросовая».

После императорских маневров в Беловаре лейтенант Гиакса сменил артиллерию на верховую езду и выиграл первые скачки в Сисанской степи, а его рыжий жеребец Кад стал победителем в охотничьем паркуре.

Удовольствие службы в аграмском гарнизоне Гиаксе отравила любовная драма; он просил о переводе в венскую императорско-королевскую тренерскую школу верховой езды и фехтования в районе Нейштадта — младшим тренером.

— Езжайте с богом, — проворчал майор Грубаски на прощание.

А был у него пунктик — он требовал от подчиненных дословного повторения своих приказов, и потому Гиакса рявкнул в ответ:

— Слушаюсь, ехать с богом!

Глаза майора застыли в две грязные ледышки.

Следующим летом в Пратере живую изгородь кафе «Зимородок» перемахнул всадник в мундире, увенчав свой прыжок в гущу испуганно заахавших и тут же разразившихся аплодисментами посетителей — среди которых сидел и брат директора будапештского цирка Ратай — превосходно выполненной левадой.

— Господин лейтенант, если когда-нибудь вы будете поставлены перед необходимостью уйти в отставку, приходите к нам, — обратился к нему прославленный артист, — Ратай сделает из вас «звезду» цирка.

Гиакса задумчиво усмехнулся и, пустив лошадь рысью, выехал на аллеи Пратера.

Со временем он вернулся в свой полк уже обер-лейтенантом (между тем как Венцель Грубаски остался, как и был, майором), сократив дистанцию между чинами, что Грубаски счел непозволительной дерзостью. Этажом выше прежней квартиры Гиаксы поселился тем временем чахоточный преподаватель гимназии, с которым Гиакса любил при случае поболтать о Лукиане. Однажды ночью пьяная орава офицеров, зафрахтовавшая цыганскую капеллу, ввалилась к Гиаксе, дурачась и распевая песни; вспугнутый со сна педагог, высунувшись из окна, пожелал всей этой солдатне провалиться в преисподнюю.

«Офицер, оскорбленный в присутствии третьего лица слонем или действием, обязан незамедлительно отомстить за оскорбление имеющимся у него холодным оружием».

Оснащенный подобным кодексом чести, капитан, старший по званию в этой пьяной компании, обнажил саблю. Гиакса, удержав его, рекомендовал возмущенному педагогу тотчас извиниться. Что тот, заикаясь, и поспешил сделать. Инцидент казался исчерпанным, однако он дал майору Грубаски желанный повод созвать полковой суд чести. Против обер-лейтенанта Константина Гиаксы было возбуждено «дело» в связи с тем, что он воспрепятствовал старшему по чину осуществить право на «оборону чести».

Гиакса «держался перед судом чести как клоун», был уволен из армии и переведен в резерв. Казалось, Венцель Грубаски торжествовал победу.

Год и три месяца спустя в Аграм, проведя часть отпуска в Будапеште, возвратился уланский ротмистр и, хохоча, рассказал в казино о новехоньком аттракционе, который публика ежевечерне встречает с восторгом и который ему также довелось лицезреть в цирке Ратай: клоун-наездник, именующий себя «Полковник Полковин». Нос артиста величиной с кулак, размалеван фиолетовой краской, пышные рыжие усы скрывают огромный зуб, исполинская сабля и фантастическая форма чертовски смахивают — кивером, увенчанным метровым черным конским хвостом, кофейного цвета мундиром и небесно-голубыми шароварами — на форму 13-го артиллерийского корпуса Лобковица. Конь его выступает с чрезвычайной важностью, но внезапно резко спотыкается о саблю. Клоун взлетает вверх и, совершив сальто, вновь оказывается в седле. Натужась, он хрипло-гнусава, фаготным басом бранится до тех пор, пока не лопаются его зоб — обычный воздушный шар. В подсумках его жеребца припрятан реквизит: труба, головные уборы и знаки различия разных чинов. Да, он не только

«полковник», но и полковой трубач, так фальшиво трубивший к атаке, что полковника трясло от ярости. Он канонир, который вместо орудийного выстрела добывается лишь трезвона будильника. Он канонир, капрал, лейтенант, капитан, майор и полковник в одном лице, и ему удается не только самого себя ругать ругательски то визгливым стакато фагота, то громовыми раскатами трубы — нет, ему удается даже величайший трюк иллюзионистов — перед самим собой вытянуться по стойке «смирно».

Но при всех его коленцах и кувырках он показывает совершенное искусство верховой езды, высшую школу, какую и в Вене, в Императорской придворной школе верховой езды, показать не стыдно. Аграмский ротмистр ни на секунду не усомнился: это Косто Гиакса. Но когда он после циркового представления пожелал узнать подлинное имя клоуна и навестить его, ему, как он ни скандалил, было и в том и в другом отказано.

Майора Грубаски, когда до него дошел этот слух, едва удар не хватил. Он поднял ужасный крик, дошел до военного министерства. Но выгнать из армии резервиста потому только, что тот избрал себе артистическую профессию, едва ли было допустимо. Да и за его прозвание, за бессмысленно искаженного «полковника», этого «Полковина», тоже, пожалуй, не накажешь. Ибо Венцель Грубаски, суть которого в столь фантастической форме была высмеяна в номере Гиаксы, вовсе не был полковником, — напротив, он остался майором (ежели не принимать во внимание повышение его в следующий чин клоуном цирка Ратай). Тем не менее суд чести вынес решение: разжаловать.

Однако один из старых полковых приятелей своевременно дал о том знать Косто, который успел уже перекочевать в Мюнхен — в те времена цитадель свободомыслящих художников — и выступал там с номером «Гиакса и Гиакса» в цирке Кроне. Когда ему вручили заказное письмо с решением суда, он ухитрился не принять его. Военное министерство забросало его двадцатью заказными письмами — двадцать раз он отказывался принимать письма. В конце концов документ погряз по нерадению чиновников в казенной пыли.

...А что Гиакса в 1908 году рассорился с Альбертом Шуманом (его цирк был в те времена знаменитейшим в Европе) и перешел к его злейшему конкуренту, Бушу, вышло не случайно. Посвятить лошадь в тайны «высшей школы» — для этого надобно от шести месяцев до полутора

лет. Если новоприобретенная красавица — тех, что имели успех, Шуман нежил, словно содержанок, — не обнаруживала способностей, он приговаривал ее к смертной казни: задешево сбывал торговцу кониной; с этим Гиакса не желал мириться. Своих партнеров (все липицанцы белой масти) Гиаксу Первого, Второго и Третьего он купил на придворном императорско-королевском конном заводе под Триестом; Гиаксу Четвертого, Пятого, Шестого и Седьмого, после кончины австро-венгерской монархии, — в Штирии. Всех их, достигших «преклонных лет», кроме Гиаксы Седьмого, прозванного «Гиакса Последний», он посылал на «заслуженный отдых» на Хвар.

...Когда разразилась первая мировая война, грубаски сочли, что пробил час отмщения. Кентавро-клоун, ходили слухи, будет призван в конную артиллерию рядовым и послан с маршевым батальоном на Восточный фронт. Вот уж истинно австрийская ситуация — с Балхаусплаца выпалили по Сербии объявлением войны, а венские газеты дискутировали, можно ли такого артиста, как Гиакса, отдать на произвол нескольких мстительных военных бюрократов. Одним из его почитателей был генерал Хен — начальник только что созданного военного управления печати при ставке; и так как артист с «офицерским прошлым», одаренный многими способностями, обладал и бойким пером, генерал без дальних слов вытребовал Гиаксу и качестве военного корреспондента, оскорбив смертельно всех грубаски. Либеральная газета «Нейс фрейе пресе» заручилась его сотрудничеством. Два года разъезжал Гиакса верхом — зимой в громадной меховой шапке — по передней линии восточного театра военных действий. Однажды он телеграфировал в редакцию целиком весь «Колокол» Шиллера, чтобы занять телеграф и чтобы его газета могла сообщить о падении Лемберга (Львова) на час раньше специальных выпусков конкурирующих газет. Но вот что с неудовольствием отмечали «наверху»: он не утаивал в своих сообщениях достоинств врага, писал, что русские мужики-солдаты предпочитают подставить грудь под пулю противника, но не вытопчут ниву, ища укрытия, писал, что австрийцы, точно одержимые, вешают без разбора сербов штатских, подозревая в каждом шпиона. К тому же он довольно скоро перестал скрывать от читателей свой пессимизм касательно исхода войны. А на третий военный год разразился крупный скандал.

Одна из статей Гиаксы вышла под заголовком «Долго ли еще продлится война? — Народ остался без подтяжек».

И хотя заголовок был взят в кавычки, а из текста следовало, что передавал он всего-навсего горестные раздумья бравого ездового, у которого фронтовой корреспондент взял интервью, грубаски, чуя близкий конец их власти, подняли истошный крик, слившийся с пронзительными ура-воплями, испускаемыми над человеческой бойней. Левое крыло венских социал-демократов, памятуя об Аустерлице, воодушевленное речами Либкнехта против военных кредитов в рейхстаге, подхватило лозунг о «подтяжках». Бенедикт, главный редактор «Нее фрее пресе» дрожал за свое место. А Гиакса вновь подвергся дисциплинарному взысканию: его лишили корреспондентского удостоверения. Дедушка Куят выхлопотал Гиаксе и его семье право убежища в Швейцарии.

...Я мысленно вижу Гиаксу с Гиаксой, ожидающих выхода, они стоят в усыпанном опилками проходе перед гигантским занавесом в цирке Фаверозинаги, в цирке Ренца или Гагенбека, Буша, Кроне или Кни, везде, где Гиакса выступал под именем Полковника Полковина. (В романских странах он гастролировал как командующий иностранным легионом полковник Дю-Совак, в англосаксонских — в шотландской национальной юбке, ниспадающей едва ли не до сапог, — как полковник Мак-Мак.) С высоты незримого из коридора балкона цирковой оркестр гремит выходной марш — пародийный сплав маршей Ракоши и Радецкого. Широčenные черные шаровары, лакированные сапоги со сверхъестественно огромными шутовскими шпорами, на левом боку болтается чуть не до полу палаш, черный кивер с медным четырехглавым орлом и черным султаном, кофейного цвета мундир с золотыми пуговицами, ярко-красные воротник и обшлага, нос-гранат, едва не скрытый кудлатыми рыжими усами, огненно-красные кустистые брови — в таком наряде клоун-наездник ждет выхода, ласково треплет шею своего липицанца и, прежде чем вскочить в седло, гладит его по холке. Оглушительный грохот барабанов, буря рукоплесканий встретят Гиаксу, когда он по всем правилам верховой школы выедет на манеж. В цирке не приходится ждать придворной чинности Императорской школы верховой езды, а породистые липицанцы — это не бельгийские тяжеловозы, они легко начинают волноваться. И потому эксцентрик-наездник заранее успокаивает своего белоснежного коня внушением.

Но вот он легко вскакивает в седло; один из служителей — по традиции чех — поддерживает его палаш. Сзади стоят в ожидании два арабских полукровка, чаще всего во-

роные, впряженные в бутафорские лафеты, на которых съезжались два ездых (куклы, чуть меньше человеческого роста). Гигантский, шитый золотом занавес пурпурного бархата распаивается. Небольшая кавалькада предстает взорам зрителей с номером «Гиакса и Гиакса».

«...Ксаночка, любимый мой соболеночек!

..„Думалось мне поначалу, лучше уж пусть твой муж сообщит тебе злую вест: они, как нарочно, реквизиовали нашего старого Гиаксу VII, да будто бы для нужд вермахта... Но когда я писала твоему мужу об этой напасти, то и в мыслях не держала, какое в миллион раз большее несчастье обрушится на нас в пятницу... а может быть, все-таки держала?

Вместо того чтобы тотчас обратиться по этому делу к одному из знаменитых грацких адвокатов, твой отец, — а ты знаешь его внезапные приступы ярости — учинил чудовищный скандал... И вот в пятницу ни свет ни заря к нам и двух черных мерседесах пожаловали гестаповцы и забрали его; но тут-то Гиакса был спокоен, как никогда.

...Ты спросишь, моя единственная, любимая Ксаночка, что же я решила предпринять. Бежать топиться в Мур или глаза себе выплакать — толку мало... И я послала три телеграммы. Одну — президенту Франклину Делано Рузвельту... вторую — английскому королю и третью — Михаилу Ивановичу Калинин, Председателю Президиума Верховного Совета, причем сослалась на то обстоятельство, что Гиакса был знаком с Лениным — это ведь должно возыметь действие. Я слышала, что Советы обменивают у нацистов политических заключенных, и я — если нам иначе не выцарапать Гиаксу — вижу в этом надежду на успех, хоть он и не коммунист, но во внимание к его славе и благотворительным представлениям, которые он давал в свое время в пользу ленинского кружка в Цюрихе...»

Однако, как справедливо заметил дедушка Куят, у Гиаксы и без Гиаксы рыльце, по нацистским понятиям, было в пушку: в 1933 году он опубликовал во всей заграничной прессе свой отказ «когда-либо выступить в тысячелетнем рейхе даже в том случае, если тот продержится более десяти лет».

Во вторник заместитель коменданта штандартенфюрер СС Гизельхер Либхеншль самолично изволил пожаловать на перекличку. Выдающееся ничтожество и пакостник. Ку-

да более мерзостный спесивец, чем сам комендант Дахау, который в этот день в Берлине, на Принц-Альбрехт-штрассе, получал инструкции; фат, любитель верховой езды, цветовод и эстет, он упивался «Экспромтом» Шопена в собственноручном исполнении, цитировал Д'Аннунцио и предпочитал гельголандских омаров свиным отбивным с клецками. Одним словом, как он сам любил говорить, олицетворял «нового германского человека старой западноевропейской культуры, преданного идее Вечной Римской империи германской нации, не знающего пощады к ее врагам».

Над трехтысячным каре наголо обритых, застывших в стойке смиренно заключенных (большая часть находится в этот час «на внешних работах») разносится визгливо-нагужный голос штандартенфюрера Либхеншля, срывающийся в напыщенное верещание:

— Завтра утром с восточным экспрессом — разумеется, в спальном вагоне первого класса — из Вены для пребывания на нашем курорте пожалует некая знаменитость. В лучшие свои годы знаменитость эта демонстрировала свой талант за деньги всему миру, — возможно, и кое-кому из собравшихся господ не раз доставляла удовольствие!

К остроумным причудам штандартенфюрера относилась и его манера титуловать арестантов то грязными свиньями, то господами.

— Но великая Германия, — звенит фальцетное верещание Гизельхера Либхеншля, сопровождаемое взмахами хлыста, — это вам не манеж для дряхлых шутов, разлагающих волю немецкого народа к победе! К счастью, у нас уже имеется парочка-другая профессиональных паяцев, хотя и меньшего калибра! Они-то и подготовят высокому гостю, который почитит нас завтра поутру, достойную встречу.

Шарфюрер Мерцхаз, выкликнув пять фамилий, приказывает названным выступить вперед; все пятеро венцы, трое из них иудейского вероисповедания: характерный актер немецкого Народного театра Нейгрешль; кабаретист Грюнцвейг из «Симпля»; Пауль Астор, вернее говоря, Ашкенази, во времена Веймарской республики стяжавший себе славу конференсье в берлинском «Кабаре комического актера». (В лагере Пауля Астора использовали в качестве носильщика трупов.) Четвертый, Леопольд Хабингер, помощник режиссера в Театре оперетты, имел несчастье принадлежать к секте «свидетелей Иеговы», а на

Яна Койршика, служителя цирка, чеха, донесли как на коммуниста.

— Гляди-ка, — Верещал штандартенфюрер. — Три жидовские свиньи, большевистская да иеговистская свинья, вот так «комитет» по приему почетного гостя, вот так будит потеха!

Вечером всем пятерым приказано явиться в служебную квартиру Либхеншля, и вскоре весь лагерь слышит как он барабанит на своем «бехштейне» знаменитую кантату из третьего акта комической оперы «Царь и плотник» Лорцинга, а ему неуверенно подтягивает хор...

На следующий день все «внешние команды» задержаны и лагере. Всем приказано собраться на чрезвычайную переключку. После нескольких дождливых дней в среду утром как-то нерешительно начало светлеть. Но клубы тумана еще висят над Дахаускими болотами. Строй ожидающих на аппельплаце, тысячи серополосатых фигур, наголо бритых голов; сквозь двойную ограду с колючей проволокой и проводами под током высокого напряжения они икорные за много дней вновь видят пакостника-штандартенфюрера, совершающего утреннюю верховую прогулку. Напраженная фигура всадника, точно он вцепился в своего буланого жеребца Мьельнира, расплывается в белесом тумане.

Дна часа заставляют стоять ожидающих, пи один человек — такого напустил Либхеншль туману — пи малейшего представления не имеет, кого ожидают здесь на коварную потеху. В концлагере есть два въезда: один — за крематорием, второй, главный, украшенный девизом «Труд освобождает», — со стороны города. Но вот наконец штандартенфюрер возвращается с прогулки. Он приказывает — видимо в качестве реквизита к намеченной потехе — подать свой розоватый, шитый дубовыми листьями парадный мундир и встает в центре открытого в сторону аллеи каре заключенных, сам себе конная статуя.

Шарфюрер Мерцхаз, долговязый нескладень, над кем на неотесанность постоянно издевались начальники, а он отыгрывался за это на заключенных, приказывает Грюнцвейгу, Астору, Кейршику и Нейгрешлю выстроиться под самой мордой драгоценного тракенского жеребца Мьельнира. (Поставь он их вплотную за лошадью, быть бы им, видимо, трупами.) Хабингер должен встать, вытянувшись, лицом к ним. Мерцхаз сует ему в руку резиновую дубинку. Слышно, как Хабингер спрашивает:

— Извините, мне что, дубинкой?..

Ответом ему служит здоровенный удар каблуком по ноге.

Длинная улица тянется между бараками к обширному апельплацу, а к пей, точно идилический подъезд к поместью (из такового и был создан лагерь), ведет липовая аллея. В конце аллеи едва видны в тумане главные ворота. Вот они раскрываются. Поначалу там едва различимы какие-то тени: часовые перед воротами, затем пятеро эсэсовцев с карабинами через плечо, которые вводят в ворота троих штатских.

Восемь человек двигаются по аллее к апельплацу. Наконец удается разглядеть: два новичка идут в наручниках, третий без них.

Аллея высоченных лип тянется несколько сот метров. Эсэсовцы вместе с двумя заключенными в наручниках сворачивают за один из бункеров, исчезают из виду. Третий остается на аллее один.

И тут белесое, точно непропеченная лепешка, лицо штандартенфюрера Либхеншля искривляется в ухмылке. Ухмылке, точно говорящей: отлично вытанцовывается потеха. Пробиваясь сквозь густой туман, лучи июньского солнца быстро пригревают; потный жеребец отливает золотом, он пережевывает пену на губах, и она хлопьями падает на плечи «арестантского жида» Грюнцвейга. Но тот не смеет шелохнуться.

— Все — и выстроенная в каре многотысячная армия затерзанных, и несколько сотен их терзателей, и даже пулеметчики-часовые на вышках, — все неотрывно глядят на Одного. Он идет, будто прогуливается, да, прогуливается совсем один по липовой аллее. Изящный, невысокий человек — быть может, он кажется таким между огромными лицами, — не приземистый, а именно среднего роста, стройный, с непокрытой головой, без галстука, в застиранной синей штирийской куртке, бриджах и серых замшевых полусапожках. Вот он приблизился к «комитету», осталось не более двадцати шагов, и все еще никто из заключенных его не узнал. Судя по моложавой фигуре и по изборожденному морщинами лицу, ему могло быть и пятьдесят пять и шестьдесят пять. И хотя был куда мельче и жилистее, но лицом напоминал Бисмарка: мясистый нос, пронзительный взгляд, кустистые брови. И одновременно — истинного ученого.

Первым, да, первым узнает его Кейршик, служитель цирка. От удивления он не в силах совладать с собой, и... имя произнесено, но тут же он — раз! — и получает от

шарфюрера Мерцхаза такой пинок, что едва не грохается наземь. И тотчас вспышкой пробегает по рядам шепот: — Кто это? Не может быть! Исключено! Гиакса в Да--у? Гиакса и Гиакса? Гиакса без Гиаксы?

«День блаженный, день счастливый,
К нам явился ты сюда.
Дидельдум, дидельдит, дидельда!
Это ведь только игра», —

поют пятеро членов «комитета»...

«Дидельдум, дидельдит, дидельда!
Это ведь только игра».

Горячей струей бьет моча. Пауль Астор, он стоит под самым боком жеребца, Пауль Астор, конферансье, которому некогда бурно аплодировали больше за элегантность, чем за остроумие, до пояса залит конской мочой (но и на шаг не смеет он отстраниться, отстраниться запрещено под угрозой наказания).

«Ах, давно мы не видались,
Не припомним, с каких пор,
Дидельдум, дидельдум, дидельда!
День блаженный, день счастливый,
К нам явился ты сюда».

Вот она, вот она задуманная штандартенфюрером Гизельхером Либхеншлем потеха. Эсэсовцы хихикают, вслед за ними, ради опыта, кое-кто из команды капо, составленной в основном из «зеленых» (профессиональные преступники). Любхеншль, эта конная статуя, впервые оглядывается назад. Шепоток «...акса... акса...» замирает па губах заключенных. Ни один из них не улыбается, ни намека на смешок, не говоря о хохоте. А ведь капо как подопытные хихикалы доказали, что в этом особом случае смех разнообразия ради не воспрещен. Не только поощрительная, нет, поощряющая, одобряющая ухмылка штандартенфюрера, казалось, говорит: эй вы, враги народа, грязные свиньи, на сей раз разрешаю, хохочите, хохочите во всю вашу тысячекратную глотку. Но вместо этого над плацем царит великое молчание, и даже у эсэсовцев из дивизии «мертвая голова» что-то точно застревает в глотке: их собственный смех. А им бы по долгу службы досыта нахохотаться над самолично комендантом задуманной потехой; да вот потеха из-за чего-то не клеится. Да. из-за самообладания. Самообладания, которое сохра-

няет не переодетый, не пронумерованный повичок, заключенный номер Икс. И, как нарочно, номер Икс именно с певца Нейгрешля, с его разбитой в кровь физиономии, смахивающей на топорный грим клоуна, не сводит глаз. Номер Икс, которого все знают и которого почти никто не видел без грима. Номер Икс с его характерным, изборожденным глубокими морщинами лицом неутомимого ученого и обликом скромного помещика, номер Икс, в котором ровным счетом ничего не напоминает клоуна.

С высоты своего коня штандартенфюрер демонстративно громко осведомляется:

— Ну, господин Гиакса и Гиакса и Гиакса и Гиакса, по вкусу ли вам пришелся музыкальный номер, подготовленный для вас на нашем курорте вашими менее знаменитыми коллегами? Не правда ли, разве это не мило с их стороны?

Лагерфюрер обратился па «вы» к заключенному! Однако номер Икс и не смотрит на всадника, нет, он смотрит на лошадь. И отвечает, как тугоухий тугоухому, тем самым хрипло-рыкающим голосом, каким Полковник Полковин гремел свои команды на манеже:

— Буланый остынет, нужно обтереть!

Шарфюрер Мерцхаз дернулся было, чтобы вмешаться, по Либхеншль взмахом хлыста удержал его, соскочил; широким шагом на негнущихся ногах, подражая тем самым своему фюреру, приблизился к номеру Икс и визгливо предложил:

— А что, если бы вы — известный знаток лошадей — проделали это собственноручно!

— Почему нет! — рявкает номер Икс. — Вот господин Кейршик, мой знакомый по цирку Ребернига, может мне помочь! Сервус, господин Кейршик!

— Се-ервус, гос-с-с-подин Ги-ги-акса, — заикается побледневший заключенный № 4329.

Опять Мерцхаз, долговязый выродок, скорчив злобную гримасу, пытается вмешаться. И опять Либхеншль небрежно отмахивается.

— Прекрасно! Почему бы номеру сорок три двадцать девять ему не помочь? Скребницу для Мьельнира!

В мгновение ока все подано.

Восьмилетний жеребец — неоднократно премированный участник скачек — опасно своенравный конь. Исключая штандартенфюрера, к которому он привык, и заклю-

ченного-конюха, он никому не дает сесть в седло. Он не кусает, он взлетает на дыбы и мощно бьет копытами; в полном смысле слова коварный, он бешено лягает, если кто-нибудь приближается к его задку. Уже трижды ничего не подозревающим новичкам отдавался злодейски задуманный приказ — проверить заднее копыто Мьельнира. Два новичка получили смертельные удары в живот, третья жертва была отправлена в лазарет с тяжелым повреждением позвоночника...

Номер Икс и номер 4329 снимают с Мьельнира седло. Заключенному Кейршику известна «скверная привычка» жеребца. По его лицу можно прочесть, что сейчас он попытается предостеречь новичка. Но прежде чем он успевает открыть рот, шарфюрер Мерцхаз рывкает:

— Молчать!

Кейршик бледнеет еще больше. Однако Гиакса уже почувствовал нервное «подергивание» жеребца и выразительно вскинул кустистые брови. Краска понемногу возвращается на щеки Кейршика.

Конюх притащил два ведра воды. Гиакса держит жеребца на коротком поводу, Кейршик окатывает водой его спину. Опытный конюх, он надевает скребницу, как перчатку, чистит шею, правый бок, холку до крупа, плечо, и Мьельнир, которого крепко держит Гиакса, стоит не шелохнувшись.

И еще некто стоит не шелохнувшись. Мерцхаз. Не распространяя на себя его приказ, Гиакса, бесперерывно вполголоса уговаривая Мьельнира, все время дает указания бывшему служителю цирка. А Мерцхаз не вмешивается. Неотесанный грубиян шарфюрер Мерцхаз — вот уж неожиданное открытие! — в конце концов тоже человек. Его родные или знакомые (а может быть, и сам он ребенком) во все глаза глазели в Мюнхенском цирке Кроне на великого эксцентрика, хохотали над его номерами до упаду, бурно аплодировали ему, восхищались им, память об этом так просто — раз-два! со счетов не сбросить, и она, видимо, дает себя знать, несмотря на муштру. На вопросительный взгляд, который он бросает лагерфюреру, он не получает ответа. С небрежным вниманием, точно выродившийся Цезарь Август, следящий за боем гладиаторов со смертельным, по всей вероятности, исходом, наблюдает Либхеншль эту сцену.

А сцену эту надо себе точно представить: выстроенная в каре серая армия «зрителей из-под палки», в их рядах и конюх и члены «комитета», кроме Яна Кейршика;

тот — полосатый, обритый — чистит под наблюдением Гиаксы скребницей желтого коня — точно самый обычный каторжник, переданный в распоряжение помещика в синей куртке для работы по хозяйству. И задник к этой сцене — липовая аллея едва ли, да, едва ли не идиллического поместья...

Мельнир позволяет номеру 4329 чистить себя вплоть до крупа, но тут вновь начинается «подергивание». Номер Икс подзывает коллегу, и, растолковав, как держать поводья, набрасывает на коня попону, сам надевает скребницу, и, тяжело переступая, проходит к конскому заду и начинает (не укрылось ли в складках его изборожденного морщинами лица слабое предчувствие улыбки или это лишь кажется?) чистить ему задние ноги, от хвоста вниз до копыта.

Дважды взбрыкивает Мельнир. Но Кейршик железной хваткой держит его морду и тем лишает копыта смертельной мощности. К тому же Гиакса, стоя вплотную к животному, с поразительной для его возраста ловкостью уклоняется от копыт, точно матадор.

И тут происходит нечто заранее не предусмотренное. Язвительное хихиканье эсэсовцев замирает. Зато в рядах армии затерзанных вспыхивает невольный смех; подавить его нет сил, ибо рожден он редкостным до ужаса мгновением счастья.

— Тихо! — пронзительно вопит Либхеншль, наливаясь от натуги кровью. Задуманная потеха, видимо, не увенчалась успехом.

— Тихо! — рычит, точно эхо, Мерцхаз; и эхо прокатывается над апельплацем, его тысячекратный отклик гудит из барачных проулков: «и-хо, и-хо, и-хо!!!», гудит, прорезая глубокую тишину, мгновенно воцарившуюся за оборванным смехом.

— Кто смеялся? — визжит лагерфюрер.

Великое молчание. Наконец Мерцхаз докладывает:

— Вся висельная команда, мой штандартенфюрер!

— Так-так! — взрывается ларегфюрер. — Господа, кажется, полагают, что они в цирке? — Великое молчание.

А Кейршик между тем уже оседлал жеребца.

— В ци-ирке... — повторяет Либхеншль, внезапно изменившимся голосом. — Ведь это же... это же ваша профессия, не правда ли, господин Фрателлини и Фрателлини?

Жиденское хихиканье, явно по долгу службы, пз группы эсэсовцев. Шарфюрер приказывает номеру 4329 встать

в строй. Номер Икс остается один рядом с оседланным жеребцом.

А что, если... если вы покажете нам вашу легендарную «высшую школу»? Хотя такой заядлый враг народа едва ли достоин сидеть на моем несравненном Мьельнире — личном подарке рейхсшпортфюрера фон Чаммер унд Остена, — да, господин дезертир семнадцатого года! Видите, мы хорошо информированы! Не станете же вы отрицать, что дезертировали в семнадцатом?

— Должно это значить, — гремит Гиакса командирским тоном Полковника Полковина, — что я испугался ураганного огня?

У заключенных засосало под ложечкой. Но лагерфюреру вопрос, кажется, пришелся по душе, ответ его звучит высокопарно.

— Уклонившись — что самое позорное для бывшего кадрового офицера — от защиты с оружием в руках священных интересов рейха и его союзников, вы пребывали на фронте в качестве военного корреспондента одной еврейской газетенки! Но обратили свое перо в кинжал, дабы ударами в спину ослабить оборонную мощь кайзеровского рейха, за что были вновь подвергнуты дисциплинарному взысканию и разжалованы в солдаты. И тогда-то дезертировали в Швейцарию! Да, мы досконально изучили наши мемуары! И присоединились там к международной шайке пацифистов, сбежавшейся туда со всего света! И даже запели в Цюрихе знакомство со смертным врагом западноевропейской культуры, с Лениным! (Гиакса встретился с Лениным в Цюрихе не в семнадцатом, а в тысяча девятьсот десятом году, как заметил впоследствии дедушка Куят.)

— А теперь позабавьте-ка нас да покажите один из ваших хваленых трюков.

— Пожалуйста.

— Пожалуйста?!

— Пожалуйста.

— Ваша готовность льстит нам, господин Растелли и Растелли! — жиденькое одобрение эсэсовцев. — Но будьте начеку, чтобы мой великолепный конь, победитель десятка скачек и охотничьих конкурсов...

На какую-то долю секунды — внимательный наблюдатель мог бы заметить — Гиакса выпрямился столь же внезапно, сколь неуловимо.

— ...чтобы Мьельнир не уготовил вам кое-каких неприятностей! Вы далматинец — или кто вы там есть из

— Он таки назвал его, садовая ты голова! — рявкнул папа. Потом он повернулся к Джорджу: — А ты теперь, наверно, скажешь, что мы все вообразили это одновременно. Бррр!

— Это все его дьявольская злоба! — закричала мама, входя в комнату и присоединяясь к ним. — Он первый раз сегодня появился?

— Да нет, мама, — ответил Джордж и рассказал, что было со спортивным журналом.

— Теперь каждый раз личные выпады и оскорбления, — сказал папа с горечью.

— Пойдите, — сказал Эрнест с еще более ошеломленным видом, чем прежде, и продолжал, тщательно подбирая каждое слово: — Даже если бы он был жив, они не взяли бы его в «Злободневные разговоры». То есть, я хочу сказать, что они только...

— Ради бога, Эрнест! — воскликнула Уна. — Какой смысл в таких разговорах? Я сейчас зареву.

Мама сурово посмотрела на мужчин.

— Теперь, может, вы поверите мне, когда я расскажу вам, что было у нас с Уной и что случилось с бедным Стивом.

И им пришлось выслушать полный отчет о предыдущих появлениях дяди Фила с упоминаниями о его вечерашних проделках на экране. Это привело к весьма шумному продолжению метафизического спора Джорджа и папы о том, был ли дядя Фил там по-настоящему или он был спроектирован на экран их воображением. Когда спор стал невыносимо сложным, его весьма бесцеремонно прервали.

В комнату вошла небольшая процессия: Стив, при нем молодой человек его возраст и Джойс, бледная, но решительная, в сопровождении двух быстро лопочущих девиц с водянистыми глазами и одного испуганного юноши.

— Ну, что еще такое? — закричал папа, раздраженный тем, что ему пришлось замолчать.

— Мы поговорили, — сказала своенравная Джойс, — и теперь я хочу включить телевизор и посмотреть сама, и пусть мне никто не мешает. — У нее был такой свирепый вид, что никто и не пытался ей помешать. — Что сейчас будет?

— Очередная передача о нераскрытых преступлениях, — сказал Джордж, и она направилась к телевизору...

Все молча смотрели и слушали. На экране появилась разодетая дама, которая сказала:

— Итак, вот одна точка зрения. Теперь послушаем другую. Что вы думаете по этому поводу, инспектор Фергюссон?

— Сейчас, — пробормотал Джордж. — Ставлю гинею.

Все Григсоны шумно вздохнули. Ужасное острое лицо дяди Фила заполнило весь экран, и голос его был громче, чем раньше. На этот раз даже мама должна была слушать.

— Возьмем, например, такой случай, — говорил дядя Фил, уже сверкая глазами. — Старый человек с больным сердцем. Когда начинается приступ, ему надо сразу же сунуть в рот таблетку, иначе крышка. И предположим, что кто-то, например молодая племянница, нарочно ставит эти спасительные таблетки туда, где он не может их достать, так что во время приступа он погибает, пытаясь до них дотянуться. Ведь это же убийство!

— Ничего я нарочно не делала, старый паршивый вун! — завизжала Джойс и швырнула в экран табуреткой.

На следующее утро Альф Стокс был у них и смотрел на маму, качая головой.

— Какой же смысл говорить, что он был новенький и стоил сто двадцать фунтов. Ведь трубка разбита — вот в чем беда. Я могу вам предложить за него двадцать пять фунтов. Да, конечно, это несчастный случай, но некоторые несчастные случаи... — И тут, как мама потом рассказывала, он посмотрел на нее исподлобья, острым стариковским взглядом. — Некоторые несчастные случаи, как видите, обходятся недешево.

Джордж Микеш

*Похвальное слово телевидению*¹

Когда я впервые приехал в Англию, телевидение существовало всего лишь как вид развлечения. Тогда оно еще не стало национальным бедствием. В годы войны оно было изгнано из эфира полностью, но впоследствии появилось снова в огромном количестве и, так сказать, взяло свое.

Вот тогда-то телевидение и провело в английском обществе какую-то своеобразную разделительную черту. Англичане с яростной гордостью утверждали, что не могут себе позволить полпинты пива или новые шнурки для башмаков. Телевидение же они отвергали вообще. Никто ни от кого не слышал признания в том, что телевизор ему не по карману. Мечта не может быть «не по карману».

Телевидение отрицалось начисто как явление низшего порядка. Средний англичанин в равной мере гордился как отсутствием телевизора, так и незнанием иностранных языков. И все же телевизор медленно завоевывал — правда, в различной степени — все слои общества. И телевидение — независимо от того, хотели мы этого или нет, — привилось.

Мне довелось видеть огромное количество самых разнообразных телепрограмм, от самых плохих до высокопосредственных. Я видел на экране бесчисленное множество государственных деятелей, которые выходили из самолетов или влезали в них с многозначительными сосредоточенными лицами, и меня всегда удивляло, что одна и та же обыденность может быть выражена столь многообразно.

¹ Отрывок из книги «Как быть неподражаемым».

Во время периодически повторяющихся у нас в стране забастовок я внимал выступлениям профсоюзных лидеров, а также предпринимателей. По субботам, допустим, я узнавал, что во имя принципов нельзя идти ни на какие уступки, и бывал страшно поражен, когда в четверг мне говорили, что принципами надо поступиться, что именно в этом победа здравого смысла и истинное служение интересам общества.

Я слушал выступления бесчисленных политических деятелей от различных партий, которые утверждали, что поражение и есть настоящая победа и что сейчас самое время спасти цивилизацию путем восстановления виселиц и введения телесных наказаний.

Кроме того, меня всегда приводит в восторг вид кротких сконфуженных людей, которых интервьюеры хватают прямо на улицах или притаскивают в свои студии, чтобы обрушить на них шквал агрессивных вопросов. Я также обожаю их мозговой трест, его бардов и глашатаев, наделенных хорошо подвешенным языком и обладающих способностью молниеносно выдавать по любому вопросу на земле крайне весомое суждение.

Я очень люблю смотреть, как живут люди в Танганьике или на Мадагаскаре, как они ловят крыс, змей и червей, чтобы впоследствии приручать их, и как темнокожие леди с обнаженным бюстом стоят рядом и наблюдают за ними. (Я лично не возражал бы, чтобы темнокожие леди с обнаженным бюстом появлялись на моем телеэкране во всех программах.)

Основные и главные столпы, на которых держится искусство телевидения, — это телеиндивидуальности. Если вы хотите стать телеиндивидуальностью, вы должны быть личностью особого рода. Можно быть непривлекательным или просто отталкивающим, необходимо лишь наличие индивидуальности.

В целом же я очень люблю телевидение. И вот по каким причинам.

1. Телевидение — один из главных созидателей процветания. Некоторые телеиндивидуальности могут при малейшем намеке с очаровательной улыбкой отказаться от денег в вашу пользу. Дарить вам моторную лодку или холодильник просто вошло у них в привычку, это, так сказать, их вторая натура. А если вы еще, случаем, знаете столицу Франции или можете назвать имя человека с инициалами У. Ч., который был английским премьером в период второй мировой войны, или вам удастся поче-

сать левое ухо правой ногой, лежа на полу с закрытыми глазами на виду у десяти миллионов хохочущих зрителей, то можете быть уверены, что поездка на остров Майорку сроком на три недели вам обеспечена. А уж если вы в состоянии объяснить, означает ли слово «полигамия» что-то съедобное или что-то имеющее отношение к кокосовым пальмам, или же поведать об особенностях какого-нибудь четырехразрядного комика или пятиразрядного гитариста, то пожизненная рента у вас в кармане.

2. Телевидение — это также один из основных борцов с кризисом. Как-то в передаче на тему о биржевом кризисе один или два комментатора высказали очень осторожные замечания по поводу того, что бум на бирже не может длиться вечно, и припомнили кризис на Уолл-стрите, когда американцы выбрасывались из окон небоскребов. На следующий день толпы людей бросились продавать свои акции, вызвав этим такое падение цен на бирже, какого не видели со времени суэцкого кризиса. Дня через три банковский процент поднялся бы и мы стояли бы перед лицом огромной экономической катастрофы, если бы телевидение не выравнивало экономический баланс, раздав в качестве сувениров большое число стиральных машин, чайных сервизов и мини-автомобильчиков.

3. Телевидение объединило семью. Оно удерживает членов семейства дома, собирает их вокруг домашнего очага.

4. Телевидение вызывает больше трений в семейной жизни, чем какой-либо другой фактор, являя собой уникальную в своем роде почву для споров на тему, какую программу смотреть.

5. Необыкновенно высоко образовательное значение телевидения. Если вы еще молоды, оно научит вас, как а) убивать, б) грабить, в) растрачивать чужие деньги, г) стрелять, д) отравлять и, вообще говоря, е) как стать преступником со Среднего Запада или гангстером (к тому времени, как вы окончите школу).

6. Телевидение способствует снижению преступности, так как все грабители и воры, вместо того чтобы идти грабить и воровать, сидят дома и смотрят телепередачи.

7. Телевидение, безусловно, повысило общий уровень культуры по всей стране повсеместно. Некоторые, правда, утверждают, что оно уничтожило привычку читать и думать, но в этом нет ни грана правды. Я как-то встретил человека, который оставил систематическое изучение, скажем, ранней этрусской культуры, чтобы не пропускать воскресные вечерние эстрадно-развлекательные передачи

из лондонского «Палладиума», а другой перестал читать Пруста и Плутарха, потому что не мог оторваться от «Музыкальной викторины» и других телепередач.

Я же со своей стороны очень надеюсь, что в большинство случаев телезрители предпочтут смотреть комические передачи, чем заниматься разговорами.

Об искусстве вести разговор

Главное и самое восхитительное достижение телевидения в том, что оно загубило искусство вести разговор. И если подумать о тех разговорах, которые телевизор помог прикончить, то наша благодарность телевидению должна жить в веках. Все горе в том, что оно еще не полностью умертвило их. Некоторые еще живы и процветают в Англии.

Как-то мне пришлось часа два присутствовать при разговоре родственников, которые не виделись более десяти лет. Я слушал, слушал, а затем вскочил, бросился к телевизору и закричал: «Я жажду наслаждений чистого разума! Телепередачу мне! Телепередачу!»

О рекламе

Все рекламы здесь, в особенности телевизионные, в высшей степени и безнадежно неанглийские. Они слишком прямолинейны, чересчур навязчивы и не в меру хвастливы. Почему бы нам на телевидении не завести свой национальный английский стиль, вместо того чтобы рабски копировать американскую манеру этакого самодовольного превосходства со всеми их глупыми подтекстами?

— Покупайте наш шампунь, и вы выйдете замуж!

— Приобретайте только нашу парфюмерию, и за вами будут ходить толпы мужчин!

— Курите только наш трубочный табак, и вы станете бронзовокожим Адонисом!

Я уверен, что результат действия этих реклам можно значительно улучшить, надо только их сделать более английскими. Можно, например, привнести некоторый оттенок риска:

— ГРАПИЧЕКС может облегчить головную боль. Может и не облегчить. Кто знает! Попробуйте, может быть, вам повезет. Против вас три к одному!

Или так: — Попробуйте счастья с фруктовым соком БАМПЕКС! Большинство покупателей питает к нему отвращение. Может статься, вы будете исключением!

Или можно просто взывать к чувству порядочности англичанина: очаровательная полуобнаженная девица (без них не обойтись ни одной рекламе — ни американской, ни английской) жалобно взывает, обращаясь к зрителям:

— SOS! Дело плохо! Предприятие горит! Покупайте наши безопасные бритвы! Если по-честному, то они не намного хуже других!

Постарайтесь, чтобы язык рекламы был сдержаннее. Не делайте никаких экстравагантных заявлений, будьте неопределенны и непосредственны. Другими словами, будьте естественней!

Например, так:

— Шоколад ГРЭНФИЛД очень питателен! Вкус не имеет значения!

— Пейте пиво ДАНФОРД! Оно дешевле пареной репы, и к нему можно притерпеться!

— Можете ли вы сказать, чем отличается наш маргарин от нашего крема для волос? Мы не можем!

Фред Хойл

Шантаж

Ангус Каррузерс был гений своенравный и коварный. А гениальность — далеко не то же самое, что большие способности. Люди большого дарования обычно могут его применить — и часто весьма успешно — в самых разнообразных областях. Настоящий гений подчиняет все свое умение и энергию, весь свой интеллект некоей одной цели, к которой неуклонно стремится.

Еще будучи совсем молодым, Каррузерс усомнился в превосходстве человека над другими животными. Уже подростком он точно уяснил, чем люди отличаются от животных: разница между ними заключалась в способности людей хранить знания с помощью речи, а также обучать посредством речи молодежь. Проблема, бросавшая вызов его острому уму, была в том, чтобы найти систему коммуникаций, во всем столь же могущественную, сколь язык, которую можно было бы сделать пригодной для остальных высших животных. Главная мысль была не так уж оригинальна, новой была решимость довести идею до ее завершения. Много лет Каррузерс упрямо шел к своей цели.

Гасси не переносил людей, которые беседовали и болтали с животными. Если у животных есть способность понимать человеческий язык, говаривал он, неужели они бы не постигли его еще тысячи лет назад? Беседы были совершенно бессмысленны. Вы были последним болваном, если собирались научить английскому языку своего щенка или кошку. Что было необходимо — так это понять мир с точки зрения кота или собаки. Стоит проникнуть в их систему, и у вас будет много времени подумать над тем, как посвятить их в вашу.

У Гасси не было близких друзей. Наверное, я, больше чем все прочие, был ему другом, но и я виделся с ним примерно раз в полгода. Когда бы мне ни случилось его встретить, в нем всегда было что-то освежающе новое. Он мог отрастить черную окладистую бородку или постричься ежиком. Мог надеть мягкую кепку или облачиться в безупречно сшитый костюм с Бонд-стрит. Он всегда доверял мне настолько, что показывал свои последние эксперименты. Они были по меньшей мере замечательны, а вообще-то они превосходили все, что я когда-либо читал или слышал. На мои постоянные уговоры, что он просто обязан это «обнародовать», он обычно отвечал долгим хриплым смехом. Лично мне необходимость опубликовать его открытия казалась самоочевидной, хотя бы с целью добыть деньги для опытов. Но Гасси явно смотрел на вещи по-иному. Мне никогда не удавалось понять, как он устроивался с деньгами. Я подозревал, что у него есть частные доходы, и похоже, что так оно и было.

Однажды я получил письмо, в котором меня приглашали прибыть в субботу, около четырех часов дня по указанному адресу. В самом факте получения письма не было ничего необычного, так как Каррузерс уже несколько раз связывался со мной подобным образом. Меня поразил адрес — дом в окрестностях Кройдона. До сих пор он вызывал меня в какой-то ветхий сарай в самой отдаленной части Хертфордшира. В моем представлении Гасси и Кройдон как-то не увязывались. Я был настолько заинтригован, что отложил все назначенные дела и как на крыльях поспешил туда к назначенному часу.

Мое фантастическое предположение, что Каррузерс мог, как все нормальные люди, жениться и устроиться на обычную, с девяти до пяти, работу, оказалось совершенно беспочвенным. Громадные очки в черепаховой оправе, в которых он шеголял во время наших предыдущих встреч, исчезли, сменившись простыми стальными. Его прямые черные волосы на этот раз были средней длины. Выглядел он очень мрачно, будто только что репетировал роль Квинса из пьесы «Сон в летнюю ночь».

— Входи, — прохрипел он.

— Что это ты надумал здесь поселиться? — сняв пальто, спросил я. Вместо ответа он разразился свистящим отрывистым смехом.

— Лучше посмотри-ка, вон там.

Дверь, на которую указал Гасси, была закрыта. Я был совершенно уверен, что «вон там» найду животных, и так

оно и оказалось. Хотя в комнате было темно от задернутых занавесей, свету было достаточно, чтобы я разглядел три создания, усевшиеся перед телевизором. Они внимательно смотрели вторую половину матча лиги регби. Это был кот с большим ржаво-красным пятном на макушке, пудель, который скосил на меня взгляд в ту секунду, когда я вошел в комнату, и какой-то мохнатый зверь, развалившийся в большом кресле. Мне даже показалось, что он поднял лапу, как бы приветствуя меня. Приглядевшись, я понял, что это небольшой бурый медведь.

Я достаточно долго знал Гасси, видел много его опытов, чтобы понять, что любые словесные комментарии будут смешными и ненужными. Надлежащая процедура была мне давно уже известна — делать то же самое, что делают животные. Поскольку я всегда был равнодушен к регби, я сумел вполне естественно устроиться на полу и наблюдать за игрой в компании этого потрясающего трио. Но часто я ловил на себе умный настороженный взгляд медведя. Скоро мне стало ясно, что если я в основном интересуюсь полетом мяча, то животные — борьбой за мяч как таковой. Однажды, когда игрока швырнуло наземь с особенной силой, пудель издал приглушенное тьякканье, на которое медведь тут же ответил ворчанием.

Минут через двадцать я был напуган громким лаем пса, хотя в игре не произошло ничего такого, что могло бы объяснить эту вспышку. Очевидно, пес хотел привлечь внимание медведя, всецело поглощенного телевизором, — когда медведь вопросительно взглянул на пуделя, тот драматически указал на часы, стоявшие на пару ярдов левее телевизора. Медведь тут же поднялся с кресла и неуклюже заковылял к телевизору. Он принялся вертеть ручки. Раздался щелчок, и, к моему удивлению, телевизор оказался переключенным на другой канал. Там только что началась спортивная борьба.

Медведь вернулся к креслу. Он вытянулся и, заложив за голову лапу, лениво развалился в кресле. Один из борцов бешено напал. Оглушительный удар — и неудачливый борец врезался головой в столбик на углу ринга. Тут кот издал самый странный звук, какой мне когда-либо доводилось слышать от животного. Затем звук перешел в мощное победное мурлыканье.

Я уже достаточно видел и слышал. Когда я выходил, медведь махнул мне на прощанье жестом какого-нибудь монарха или главы государства, посетившего с визитом другую страну. Гасси я нашел безмятежно распивающим

чай в помещении, которое, очевидно, было главной гостиной этого дома. На мои неистовые просьбы рассказать толком, что все это значит, Гасси откликнулся своим обычным астматическим смехом. Вместо того чтобы ответить на мои вопросы, Гасси сам задал мне несколько.

— Мне нужен твой совет, совет юриста. В этом ведь нет ничего незаконного, что животные смотрят телевизор? Или что медведь переключает программы?

— Как это может быть незаконным?

— Ситуация несколько сложная. Вот, посмотри.

Каррузерс протянул мне отпечатанный на машинке лист бумаги. В нем перечислялись программы передач примерно за неделю. Если это был перечень программ, которые смотрели животные, телевизор, должно быть, был включен более или менее постоянно. Передачи были все на один лад — спорт, вестерны, драмы с продолжениями, фильмы ужасов.

— Что им нравится, — сказал Гасси как бы в объяснение, — так это зрелище того, как люди рвут друг друга в клочья. Вообще-то, разумеется, это довольно обычный и распространенный вкус. Только немного острее.

Я заметил в заголовке наименование известной фирмы, занимающейся определением КП — то есть Коэффициента популярности разных передач среди телезрителей.

— К чему здесь фирма? Я хочу сказать — какую связь все это может иметь с КП?

— В том-то все и дело. Этот самый дом — один из тех немногих, что подключены к системе еженедельной проверки КП. Вот почему я спросил, позволительно ли Бинго включать и выключать телевизор.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что, когда твои звери смотрят телевизор, это регистрируют приборы, и на основе полученных данных устанавливается общий Коэффициент популярности?

— Именно так. И не только здесь, но и еще в трех домах, которые я купил. В каждом у меня целая команда. Медведей очень легко обучить управляться с ручками.

— Но если это обнаружится, придется платить чертову уйму денег. Ты представляешь, что поднимется в газетах?

— И очень четко.

Я наконец сообразил. Не мог же Гасси случайно набрести на четыре дома, каждый из которых был недавно подключен к системе проверки КП телепередач. Насколь-

ко я мог судить, в том, что он сделал, не было ничего противозаконного, если он никому не угрожал и ничего не требовал. Будто прочитав мои мысли, он сунул мне под нос клочок бумаги. Это был чек на пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

— Не реализован, — прохрипел он, — с неба свалился. Я думаю, это от какой-нибудь фирмы, рекламирующей спортивные игры. Взятка за молчание. Вопрос в том, не окажусь ли я в ложном положении, если получу по чеку?

Прежде чем я успел сформулировать ответ на этот мудреный вопрос, послышался звон разбитого стекла.

— Еще один, — пробормотал Гасси. — Мне не удалось научить Бинго пользоваться горизонтальными и вертикальными регуляторами. Если что-нибудь не так или программа на минуту прерывается, он со всей силой колотит по телевизору. Обычно при этом ломаются трубки.

— Должно быть, дорогое удовольствие.

— Уходит примерно дюжина телевизоров в неделю. Я всегда держу один в запасе. Будь добр, помоги мне его поднять. Если мы будем медленно поворачиваться, они, пожалуй, могут прийти в раздражение.

Мы вытащили из шкафа казавшийся совершенно новеньким телевизор. Ухватив его за углы, мы протиснулись в комнатушку, служившую телезалом.

Входя, я услышал невообразимый гвалт, слагавшийся из лая пса, ворчания медведя и пронзительных воплей рыжего кота. Это шумели животные, которых неожиданно лишили их интеллектуальной пищи.

Ситон Маккетриг

Передышка

Он поудобнее уселся в кресле и начал осторожно надевать шлем, оттягивая его книзу, пока не приладил, как полагается. Какое-то мгновение он ничего не видел.

Потом рука его потянулась вверх, и он резким движением поднял забрало. Прямо перед ним сомкнутыми рядами, с поднятыми вверх копьями и узкими флажками, развевающимися на ветру, разворачивалась передняя часть колонны. Он знал, что там, впереди, вдалеке, в авангард вышли рыцари ордена храмовников. За ними скакали закованные в броню рыцари Британии и Анжу, а затем — король Гюи Иерусалимский и войско Пуату.

Сам он, сэра Робер де Буэн, ехал с норманнскими и английскими войсками сразу вслед за людьми из Пуату. Сэр Робер слегка повернулся в седле. Справа он увидел яркий, красный с золотом стяг Ричарда Львиное Сердце — короля Англии: широкая вертикальная полоса посреди щита, и на этом фоне — три золотистых сторожевых льва, смотрящих вправо, с поднятой передней правой лапой. За знаменосцем, на могучем боевом коне, шедшем ровной, размеренной иноходью, с золотой короной на стальном шлеме, которая сверкала под ослепляющим солнцем пустыни, со львами Англии на щите ехал сам король.

Чуть подальше рыцари-госпитальеры охраняли тылы, защищая колонну христиан от нападения бедуинов.

— Пресвятая богородица! — воскликнул кто-то. — Вот уже три дня, как мы из Акры, а проклятые сарацины все еще прячутся от нас.

Сэр Робер де Буэн снова повернулся в седле, чтобы посмотреть на ехавшего рядом с ним рыцаря. Сэр Газтон

до л'Арк Тонбе сидел в седле прямо и невозмутимо, с поднятым забралом, и его голубые глаза щурились от блеска солнечных лучей.

Губы сэра Робера расплылись в улыбке.

— Они уже неподалеку, сэр Гаэтон. Преследуют нас. Мы продвигаемся вдоль берега моря, а они — вон за теми холмами на востоке.

— Они подобны шакалам, — сказал сэр Гаэтон. — Атакуют нас с тыла и расставляют ловушки нашему авангарду. Наши лазутчики докладывают, что впереди движется несметное число турок. И все же они страшатся встретиться с нами в открытом бою.

— В чем дело — бояться или просто копят силы?

— И то и другое, — спокойно изрек сэр Гаэтон. — Они пас бояться, иначе бы они не тянули волынку с накоплением таких грозных сил. И если, как нам докладывают осведомители, впереди и впрямь несметное войско турок, и если, как нам стало известно, по пятам за нашими тылами действительно идут бедуины и черные египетские всадники, то, кажется, у Саладина под рукой сил более чем достаточно, чтоб одолеть нас, всех истинно христианских рыцарей.

— Дайте время. Нам придется ждать их атаки, сэр рыцарь. Было бы слишком большим безрассудством пытаться отыскать их за их же собственными холмами, но они должны нас потревожить. Они атакуют нас прежде, чем мы доберемся до Иерусалима, будьте уверены.

— Мы, гасконцы, не боимся язычников-мусульман, — проворчал сэр Гаэтон. — Вот только эта адская жара сводит меня с ума. Солнце еще невысоко, а парит уже невыносимо.

Сэр Робер услышал, как в шлеме его глухим эхом отдался его собственный смешок.

— Быть может, когда на нас начнут наступать, быть сумасшедшим станет предпочтительнее. Сумасшедшие сражаются лучше, чем люди с холодной кровью.

Он знал, что остальные буквально изжарились в своей тяжелой броне, но сам он не испытывал особых неудобств.

Сэр Гаэтон посмотрел на него с улыбкой, в которой ирония сочеталась с уважением.

— Сэр рыцарь, очевидно, вы и впрямь не боитесь ни людей, ни жары. И кровь у вас не сказать чтоб холодная. Да, я еду с вашими норманнами и англичанами и с вашим королем Ричардом Львиное Сердце, хоть я гасконец и не

присягал ему на верность. Но вместе с тем не хотел бы я примкнуть к герцогу Бургундскому и выступить против короля Ричарда! — Он издал короткий лающий смешок. — Я не боюсь ни единого человека, — продолжал он, — но если б я кого-нибудь боялся, так это Ричарда Английского.

Голос сэра Робера отрезал словно меч — твердо, ровно, холодно и быстро.

— Государь мой король был опрометчив в своем суждении о герцоге. У него есть причины ожесточиться прежде всего против Филиппа Французского, как и у всех нас. Филипп бежал с поля боя. Он поспешно вернулся во Францию, обрекши остатки наших войск на сражения с сарацинами ради Святой земли и оставив нам только войска своего вассала герцога Бургундского.

— Ричард Английский никогда не был в наилучших отношениях с Филиппом-Августом, — сказал сэр Гаэтон.

— Никогда, и этому была причина. Но он дал волю своему гневу, направленному против Филиппа, когда резко отозвался о герцоге Бургундском. Герцог не трус, и Ричард Плантагенет прекрасно знает это. Как я уже говорил, король был опрометчив в своем суждении.

— И вы вмешались в это дело, — сказал сэр Гаэтон.

— Это был мой долг. — В голосе сэра Робера звучала настойчивость. — Разве мы могли допустить, чтобы в столь решающий момент между двумя прекраснейшими рыцарями и военачальниками христианского мира разгорелся спор? Нам дорого обошлось бегство Филиппа Французского. Разве мы могли допустить еще и бегство герцога Бургундского?

— Вы сделали то, что вам повелевала честь; — признал гасконец, — но, поступив так, вы не завоевали любви Ричарда.

Сэр Робер почувствовал, как челюсти его крепко сжались.

— Мой король знает, что я верен ему.

Сэр Гаэтон больше ничего не сказал, но по глазам его было видно, что он считает, будто Ричард Английский может усомниться в верности сэра Робера де Буэна.

Сэр Робер ехал молча, всем телом ощущая движение лошади. Внезапно сзади раздался какой-то звук. Подобно морскому прибору, до него докатился воинственный клич сарацин и бряцание стальных клинков вперемежку с хрипами разъяренных или умирающих лошадей.

Сэр Робер повернул лошадь назад, чтобы поглядеть, в чем дело.

Это прорвались в тыл черные части египетской армии Саладина! Они схватились с госпитальерами, ударили по ним словно дождь увесистых камней, с такого близкого расстояния, что не было нужды пускать в ход стрелы. Рыцарским доспехам противостояла только сабля — словно тысяча молотов била по тысяче наковален!

— Стойте! Стойте! Задержите их! — это голос короля Ричарда подобно горну прозвучал над грохотом битвы.

Сэр Робер почувствовал, как лошадь его понесла, будто подстрекая вмешаться в битву, но рука его схватилась за поводья, сдерживая могучего боевого коня. Ричард сказал: «Стойте!», — и было не время послушаться приказа короля.

С тыла подходили войска сарацин, и госпитальеры приняла главный удар на себя. Они сражались как бешеные, но постепенно их начали теснить все больше и больше.

Магистр госпитальеров поехал в тыл, к королевскому знамени, которое теперь, когда колонна приостановила свое движение, едва колыхалось в неподвижном мареве пустыни.

До ушей сэра Робера донесся голос герцога Бургундского:

— Стойте! Король повелевает всем вам выстоять! — По мере того как он проезжал вдоль колонны к рыцарям Пуату и храмовникам, голос его постепенно терялся вдали.

Магистр госпитальеров настойчиво, приглушенным голосом сказал королю:

— Господин мой, нас теснит враг и опасность вечного позора. Мы теряем коней одного за другим.

— О великий магистр! — сказал Ричард. — Как раз вы то и должны поддержать нашу атаку. Не могу же я разорваться на части.

Магистр госпитальеров коротко кивнул и опять отправился в самое пекло.

Король повернулся к сэру Болдуину де Каррео, сидевшему на коне поблизости от него, и указал на восточные холмы:

— Они придут оттуда и ударят нам во фланг, а мы не сможем собрать достаточно сил для атаки с тыла. Сделать это означало бы попасть прямо в руки сарацин.

Кто-то в двух шагах от сэра Робера сказал:

— Ричард прав. Если бы мы пошли на выручку к госпитальерам, мы бы оставили колонну открытой для атаки с фланга.

Это был сэр Гаэтон.

— Господин мой король прав во всем, кроме одного, — услышал сэра Робер собственный голос. — Если мы позволим египтянам забраться к нам в тыл, то Саладину и его туркам не будет нужды заходить с фланга. А госпитальеры при таком натиске долго не продержатся. Атака во весь опор разбила бы линию нападения египтян и дала бы госпитальерам время для передышки. Ну как, вы со мной?

— Ослушаться приказа короля?

— Король не может видеть все! Временами человек должен полагаться на собственные суждения. Вы же сказали, что не боитесь ни единого человека? Так вы идете со мной?

После минутного колебания сэра Гаэтон взял копьё наперевес.

— Я с тобой, сэра рыцарь! Жизнь или смерть? Держаться, и держаться стойко!

— Тогда вперед! — услышал сэра Робер собственный крик. — Вперед за святого Георга и за Англию!

— За святого Георга и за Англию! — эхом отозвался гасконец.

Два могучих боевых коня начали с трудом прокладывать себе путь к месту сражения, все набирая и набирая скорость. Оба рыцаря двигались слаженно — кони их теперь перешли на быструю рысь, а сами они опустили копьё, тщательно выбирая себе мишени в рядах сарацин. А когда кони сменили рысь на дикий галоп, египетские всадники начали вырисовываться все более и более четко.

Египтяне попытались удрать, но они слишком поздно увидели приближающихся христианских рыцарей.

Сэра Робера изрядно потрянуло вместе с его конем, когда он ударил всадника-сарацина прямо в грудь длинным ясеневым копьём со стальным наконечником. Краем глаза он увидел, что сэру Гаэтону тоже повезло.

Сарацин, пронзенный копьём сэра Робера, замертво свалился с седла. Облегченные доспехи едва ли могли защитить его от стального наконечника, и вот его тело уже волочилось по песку пустыни. Но тут напал еще один всадник-мусульманин, он размахивал кривой саблей, пользуясь тем, что копьё у сэра Робера оттягивало руку.

Ему оставалось только отбросить копьё и вынуть тяжелый палаш. Сэра Робер схватился за рукоятку, и палаш со звоном выскочил из ножен.

Кривая сабля египтянина с лязгом ударилась о шлем сэра Робера, так что у того голова загудела. В ответ на это

палаш рыцаря описал большую дугу, и лошадь египтянина с обезглавленным всадником бросилась прочь.

За своей спиной сэр Робер услышал клич: «За святого Георга и за Англию!» Это к ним прорвались госпитальеры, воспрянувшие духом при виде атаки! За ними следовали граф Шампани, граф Лейстер и епископ Бовезский, который держал огромный воинский молот, дабы не нарушить законов церкви пролитием крови.

Палаш сэра Робера опускался и поднимался, он резал и кромсал врагов. Однако сам сэр Робер ощущал какую-то призрачную отрешенность, словно он скорее наблюдал за битвой, нежели участвовал в ней.

Он видел, как отступают мусульмане под бешеным напором христиан.

Но вот совершенно неожиданно оказалось, что размахивать палашом больше не перед кем. Тяжело дыша, сэр Робер вложил палаш в ножны. Стоявший за ним сэр Гаэтон последовал его примеру, заметив:

— Сэр рыцарь, пока они там перегруппируются, пройдет несколько минут. Мы можем сейчас разгромить их наголову.

— В любую минуту. Но королю Ричарду не понравится, если я сломаю ряды и нарушу боевой строй. Я могу выиграть битву и все же в конце концов поплатиться головой.

— Сейчас не время беспокоиться о будущем, — сказал гасконец.

— Отдохните чуть-чуть и расслабьтесь, чтобы к вам пришла сила. Вот вам «Олд кингз».

В его латной рукавице появилась пачка сигарет, которые он предложил сэру Роберу. Из нее торчали три сигареты, и одна из них высовывалась немного больше других. Рука сэра Робера протянулась и вытащила именно эту сигарету.

— Спасибо. Когда мне приходится круто, я получаю от «Олд кингз» истинное наслаждение.

Он сунул сигарету в рот и прикурил ее от огонька в руке сэра Гаэтона.

— Да, сэр, — сказал сэр Гаэтон, зажигая собственную сигарету. — Лучше, чем «Олд кингз», ничего нет. Они способны доставить мужчине по-настоящему огромное удовольствие.

— Нет никакого сомнения. «Олд кингз» — сигареты для мужчин. — Сделав глубокую затяжку, сэр Робер почувствовал, как дым успокаивающе проникает в легкие. — Вот

здорово! Когда мне хочется сигарету, это не значит, что я готов выкурить любую.

— И я тоже, — подтвердил гасконец. — «Олд кингз» — единственные настоящие сигареты, когда ты делаешь настоящую мужскую работу.

— Это уж точно.

Сэр Робер проследил за тем, как колечко дыма растеклось в воздухе.

Внезапно слева от них послышался лязг оружия. Сэр Робер уронил сигарету.

— Беда в том, что, когда делаешь настоящую мужскую работу, при этом не всегда можешь как следует насладиться прекрасным, великолепным табаком «Олд кингз».

— Это так, но всегда можно выкурить еще одну попозже, — сказал рыцарь-гасконец.

Король Ричард, увидев, что его армия внезапно двинулась к обеспокоенному тылу, осознал опасность и начал прорываться сквозь ряды госпитальеров, чтобы попасть в гущу схватки.

Теперь уже турки шли в атаку с холмов, ударив — но не во фланг, как он ожидал, а в тыл! Саладин решил окружить его!

Сэр Робер и сэр Гаэтон направили своих боевых коней к реюшему на ветру стягу Англии.

Неистовый воин — король Англии — огромным мечом косил турок, будто хлебные колосья, но орды сарацин все еще теснили христиан. Все новые и новые отряды турок выплескивались из-за холмов, размахивая блестящими кривыми саблями.

Сэр Робер утратил всякое представление о времени. Ему не оставалось ничего другого, кроме как орудовать собственным палашиом, который качался словно гигантский метроном, рубя врагов-мусульман.

Но вот внезапно он обнаружил, что окружен сарацинами!.. Он обособлен и одинок, отрезан от всех христианских сил! Разрубая пополам очередного сарацина, он быстро огляделся вокруг. Где же сэр Гаэтон? Где остальные? Где красный с золотом стяг Ричарда?

Краем глаза он увидел, как где-то вдали, в тылу, колыхается стяг, и начал отступать.

Вот тут-то он и заметил рядом с собой другого рыцаря, могучего мужа, который с необыкновенной силой размахивал сверкающим клинком. На его стальном шлеме блистала золотая корона. Ричард!

Врагов было намного больше, и, несмотря на удачу ве-

ликого короля, через какое-то мгновение орда сарацин сомнет его!

Сэр Ричард без колебаний направил своего коня к окруженному монарху, прокладывая себе дорогу огромным палахом.

Он увидел, как Ричард свалился с седла, но в это время сэр Робер со своим палахом обрушился на кричащих сарацин, и у них не хватило времени нанести еще один роковой удар по королю. У них и так с сэром Робером де Буэном был хлопот полон рот.

Он не знал, как долго он сражался, удерживая коня над недвижимым телом рухнувшего короля, рубя пронзительно кричащих врагов, но через некоторое время услышал за своей спиной знакомый клич: «За святого Георга и за Англию!» Войска норманнов и англичан прорвались сюда, принеся с собой стяг Англии.

И тут Ричард, поднявшись на ноги, начал рассекать мечом воздух над своей головой. Его блестящее лезвие, обогренное кровью сарацин, с яростью опускалось на врагов.

Турки начали отступать. Какое-то мгновение христианские рыцари бурлили вокруг сражающейся пары, принуждая турок к отступлению. Но вот сэр Робер вдруг обнаружил, что ему больше не с кем сажаться.

И тут чей-то голос произнес:

— Вы сегодня хорошо потрудились, сэр рыцарь. Ричард Плантагенет не забудет этого.

Сэр Робер повернулся в седле, обратившись к улыбающемуся королю.

— Господин мой король, будьте уверены, что я никогда не забуду о своей верности моему сюзерену и сеньору. Мой меч и моя жизнь в вашем распоряжении, когда бы вы меня ни позвали.

Латная рукавица короля схватила руку сэра Робера.

— Если будет угодно богу, я никогда не попрошу у вас жизни. Как только вы вернетесь в Англию, сэр рыцарь, вас будет ждать графство.

И король сел на коня и во весь опор поскакал вдогонку за отступающими сарацинами.

Робер снял шлем.

Секунду он моргал, пока глаза не привыкли к полумраку студии. После ярких красок пустыни, которые телешлем проецировал на его глаза, студия казалась темной, похожей на пещеру.

— Ну и как тебе это понравилось, Боб? — спросил один из двух продюсеров.

Робер Боуэн энергично кивнул головой и похлопал по телешлему.

— О'кэй, — сказал он. — Хорошее представление. Поначалу, правда, порядочно болтовни, и нужно бы это немного притушить, но боевые сцены замечательные. Заказчику это должно понравиться — по крайней мере, так будет какое-то время.

— Что ты имеешь в виду, говоря «какое-то время»?

Робер Боуэн вздохнул.

— Если пустить это в таком виде, как сейчас, то можно потерять заказчиков.

— Но почему? Плохая реклама, что ли?

— Слишком хорошая! Дружище, да я и раньше курил «Олд кингз», и поверь, настоящие сигареты не идут ни в какое сравнение с той сигаретой в рекламной передаче!

Аврам Дэвидсон

(в соавторстве
с Лорой Гофорт)

Эту штуку называют любовью

«Нэн Питер Бейкер 4... Говорит Нэн Питер Бейкер. Как меня слышите? Слышу отлично... Поступило распоряжение шефа из главного центра, где у него берут интервью. Докладывает управляющий... Но, Руфь, я все тебе объясню. Нечего объяснять, Дэвид. Все и так ясно... Я Берт Пил, полицейский, это мой брат Гарри... Холодный фронт движется из Канады... Мы должны послать сообщение в форт... Переполнение кишечника противопоказано всем мужчинам и женщинам старше сорока лет, служащим девяноста одного отделения Клинтонского национального банка... — *Embarrasse de richesse* — воскликнул французский граф, оглядев всех этих хорошеньких девушек из юношеской команды пловчих, и объяснил, как это звучит по-английски. Пенни вовсе не была в него влюблена, она только думала, что влюблена. Сначала она притворялась, чтобы Дэвид стал ревновать. И Дэвид ревновал. Но когда граф все мило ей объяснил, они с Дэвидом помирились. И как раз вовремя, накануне весеннего бала».

Далекий наблюдатель был счастлив, что все так хорошо кончилось. По крайней мере он считал, что счастлив. Он часто спрашивал себя, что такое «счастлив». Может, он притворялся. «Ты никогда не любил меня, Рик. Ведь ты только притворялся?» И он, далекий наблюдатель, притворялся, когда говорил о себе «он». Он уже давно знал, что никакой он не «он», а «оно». «Пора, Эллисон, взглянуть в лицо реальности». Да, пора. «Так дальше продолжаться не может». Конечно, не может.

¹ Я в затруднении: такой богатый выбор (*франц.*).

Вначале не было времени. Было пространство: то темное, то в ярких точках. Но тогда он этого не знал. Не знал, сколько времени длилось это «тогда». Память была беспомощна и не подсказывала, что яркие точки — звезды. И еще были звуки, бормотание, потрескивание, визг. «Что вы имели в виду, профессор, утверждая, что космос безмолвен?» А потом (теперь он уже знал, что «потом» длилось столетия) появился другой звук, высокий прерывистый — пи... пи — пи — пи... пи. В нем угадывалась система. Далекий наблюдатель слушал, слушал, и в нем затеплилось сознание. Он стал понимать и восхищаться. Потом он узнал, что это был телеграф.

SOS... SOS... SOS...

Вдруг в этот хаос шума ворвались совсем иные звуки. Голоса. Радио. И музыка, несравнимая ни с чем. В ней была печаль, он узнавал ее, не понимая, что это такое. Ему было больно, тоскливо, но он скоро привык к этому чувству и перестал замечать его. Печаль исчезла, но удивление осталось. С голосами пришло беспокойство. Что это? Что они значат? Он силился проникнуть в тайну значения, не понимая, что он силится узнать.

Скоро появилось нечто совсем новое — видения. Не тьма и не звезды, а картины. Они мерцали, таяли, плясали, вдруг выступали необычайно ярко или накладывались одна на другую. Он научился сосредотачивать внимание на одной, не видя и не слыша другие. Потом научился смотреть и слушать ничего не путая. Различать звук и вид. Узнал, что вещи имеют названия. Понял, что такое люди, откуда берутся голоса и музыка. Понял, что такое значение.

О себе, однако, он почти ничего не узнал. Очень недолго он пытался связаться с людьми. Но, по-видимому, его не слышали на Земле. Он уже знал, что такое Земля. Знал, где находится он сам. На астероиде. Но как он туда попал? Астероид был в космосе. Он знал о космических кораблях. Видел их в передачах телевидения. Опасность для космических кораблей представляли метеоры. Он знал, что такое метеор. Иногда космический корабль, столкнувшись с метеором, терпел крушение. Он внимательно исследовал свой крохотный мир. Ни космического корабля, ни его обломков на астероиде не было.

«Вы должны мне помочь. Я не знаю, кто я такой!» Но тот случай был куда легче, о, гораздо легче. Там был настоящий человек, а рядом с ним много других людей. Заказчики, финансирующие передачу (на этот раз фирма «Милз», торгующая жидким дезодорантом), были тоже, по-

пятно, люди. Все они были очень добры с этим человеком, страдающим амнезией. Что такое запах — этого он понять не мог. А вот не иметь памяти — это он понимал прекрасно. В этом он был похож на людей.

Мало-помалу он стал во многом походить на людей. Они говорили на разных языках. Но в первой увиденной им картине люди говорили по-английски, как говорят в Америке. Потом был английский, на котором говорят в Англии. Потом французский, русский, испанский, японский. Но американский был первый и поэтому казался ему самым лучшим. И картины были про любовь, печаль и счастье.

«Нет на свете такой вещи, мой мальчик, которую ты не сумел бы сделать. Надо только как следует постараться». Вот он, далекий наблюдатель, и постарается как следует. «Если будешь сидеть сложа руки, не узнаешь, на что ты способен». Его первая попытка принять вид человека решительно не удалась. Нет, люди совсем не такие. Он пытался снова и снова, и каждый раз выходило лучше. Да, люди говорят правду. Все их слова, все их живые картины — сущая правда. «Нет на свете такой вещи, мой мальчик...».

В среду, когда наступило время его любимой вечерней передачи, он был в полной готовности. Собрав всю волю, напрягши все свои силы, он отправился в путь по волне, как люди по улице. Что-то щелкнуло, задрожало. Он понимал, что возврата к прежнему существованию нет. «С прошлым покончено, Дэвид. Впереди у нас будущее».

— Кто вы? Как ваше имя? — пробасил Кейт Кейн, ведущий программу «Наличными или в кредит». Вы буквально с неба свалились. Не волнуйтесь, пожалуйста, сэр.

Вы немножко рановато. Пока еще идет обычная разминка. Впрочем, вас не нужно подбадривать. Поглядите на него: спокоен и невозмутим, как царь Соломон. Слыхали историю про мальчишку, который сказал на уроке, что у царя Соломона было триста жен и для чего-то шестьсот ножниц. Совсем заболтался с вами. Пора начинать. Желающих принять участие в викторине прошу занять вот эти места.

Первой вышла приятная на вид особа не первой молодости. Но и не такая уж старая. Пожалуй, точь-в-точь Мэри Клей, понявшая все-таки, что немного старовата для юного Дэвида Уэбстера. Поплакав недолго, она согласилась с этим печальным фактом и отпустила его обратно к Мэдж Варкли, которую Дэвид любил по-настоящему и не переставал любить. Просто виной всему была эта глупая ссора.

Дама улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ.

— Я напомнил вам правила. Через пять секунд выходим в эфир. Пять, четыре, три, два, один. Добрый вечер, дорогие друзья, жители прекрасной телестраны. Вас приветствует Кейт Кейн и начинает самую интересную, самую увлекательную программу — телевикторину «Наличными или в кредит».

Он чувствовал, как сильно у него бьется сердце. Вот, оказывается, как это бывает. И теперь он знает, что такое запах. Милая, немолодая дама, его соседка, очень приятно пахла. Да, очень приятно. Но что это — Милз или Вэн-арт — в этом он пока не разобрался.

— ...затем прополоскать и высушить. Вот и все. Стиральный порошок для всех видов тканей. Кто у нас первый? Как вас зовут?

Вот оно, наконец-то, началось. Какой будет кошмар, если у него сдадут нервы, он сожмет ладонями виски и, зарывшись, ответит: «Я... я... не помню!» Но он помнил. Он хорошо подготовился.

— Меня зовут Дэвид. Дэвид Тейлор, — с достоинством проговорил он.

Все, кого звали Дэвид, были славные ребята. Конечно, и они страдали, но все в конце концов налаживалось. И, конечно, их все любили. Вот и Кейт Кен просиял, услышав его имя. И соседка тоже.

— Ну, Дэвид, наличными или в кредит? Вы знаете правила. Если наличными, я кручу это маленькое колесо. Выпадет цифра — задаю вопрос. А вы, если можете, отвечаете на него. Правильный ответ, ха-ха-ха, стоит столько тысяч долларов, сколько в этой цифре единиц. Выпадет пустой номер — вылетаете из игры. Если в кредит, ступайте на свое место и ждите, когда вылетит очередной игрок. Ясно? Итак, начинаем. Наличными или в кредит?

— В кредит не для меня. Предпочитаю наличными, — ответил Дэвид.

Растянув рот в улыбке от уха до уха, Кейт Кейн обратился с теми же вопросами к соседке Дэвида. Оказалось, что милую немолодую даму зовут миссис Этель Мэй Конар. Она тоже предпочитала наличные. Зрители захлопали. Колесо, к всеобщему удовольствию, завертелось, выскочила цифра 10.

— Десять тысяч долларов, — воскликнул, бурно радуясь, Кейт Кейн. — Вот сколько стоит ваш первый правильный ответ. А вот и вопрос: О каком президенте напоминает вам эта песенка и как ее название? В ней упоми-

нается штат, где этот президент жил. Не забывайте, в вашем распоряжении тридцать секунд...

Дэвид с миссис Конар выиграли двести восемьдесят пять тысяч долларов наличными, годовой запас мыльного порошка «Клэро», а также пятьдесят акций фермы, где разводят выдр. Оркестр заиграл государственный гимн, Кейт Кейн отсчитал деньги. Миссис Конар поцеловала его. Потом поцеловала Дэвида и теперь, пожимая ему руки, повторяла сквозь слезы, что она не может, просто не может поверить такому счастью.

— Это правда, — уверял ее Дэвид. — Самое смешное заключается в том, что это действительно правда. (Эти слова говорил Дэвид Маккей в одной утренней телепередаче, убеждая друга, что его жена действительно алкоголичка.)

Вид, звук, прикосновение (целоваться было очень приятно, недаром люди только и делали, что целовались), запахах — но было что-то еще. Что же это? Ах, да вкус. Кейт Кейн глубоким басом спросил его, что он собирается делать о деньгами. Дэвид задумался. Что тогда ответил Клэм Клоттон, сорвав банк в Догги-Сити? Упомянул что-то вкусное.

— Пойду, выпью чашечку явайского кофе.

Зрители взвыли от восторга. Кофе был вкусный. Вкус волновал, как и другие четыре ощущения. Сидя рядом с ним за стойкой бара, миссис Конар смотрела сбоку на его благородный профиль. Линия профиля была безупречна. Он поглядывал на нее сверху. Он, конечно, был высок и строен. Перебрав мысленно все подходящие к случаю слова, он наконец сказал:

— Счастливы?

Она, вздохнув, кивнула.

— В вас есть что-то необычное, — подумав, сказала она. — Вы это знаете?

Разумеется, он это знал.

Он подвинулся к ней поближе.

— Это сильнее нас обоих, — проговорил он охрипшим голосом. — Давайте уйдем отсюда.

— Давайте, — коротко ответила она. — Поедем ко мне, в гостиницу «Суррей-Регис» на Парк-авеню. Я угощу вас настоящим кофе.

Она согласилась ехать: значит, она все-таки несчастна, несмотря на выигранные деньги.

Увидав протянутую пятисотдолларовую бумажку, бармен нахмурился.

— Это что? Пятьсот долларов. Ты что их сам печатаешь!?! А другой монеты у тебя нет?

Дэвид медленно поднялся, застегивая пиджак, и, опершись рукой о стойку, приблизил свое лицо к бармену.

— Надоела спокойная жизнь, парень?

Но бармен уже стал кротким, как ягненок, а у миссис Конар в сумочке нашлась мелочь.

— Такси! — не чувствуя под собой ног от восторга, позвал Дэвид.

Машина остановилась. Дэвид помог сесть даме и сел сам, откинувшись на спинку сиденья. Таксист спросил, куда ехать.

— Вон за тем кэбом!

Таксист, полуобернувшись, что-то зло пробурчал. Над ветровым стеклом в рамочке висели шоферские права с фотографией на имя Германа Боганжа.

— Не волнуйтесь, нам все равно, Боганж вы или кто другой, — добродушно заметила миссис Конар. — Поезжайте на Парк-авеню. Гостиница «Суррей-Регис». Это неподалеку от...

— Знаю, — буркнул нелюбезно Г. Боганж.

Дэвид, волнуясь, глядел в окно.

— Вот он, старина Нью-Йорк, — прошептал он.

Вдруг миссис Конар вскрикнула, и пальцы ее впились в его ладонь.

— Дорогая, — участливо проговорил он, — тебя что-то мучает?

— Нет, — ответила она, — ничего, все в порядке.

— Но я вижу, ты сама не своя. Что-то гложет тебя. Открой мне душу. Я верю, ты святая. Что бы ты ни сделала...

— Что бы я ни сделала? — воскликнула миссис Конар. — Но я сделала только то, что выиграла сегодня сто пятьдесят тысяч долларов.

Он схватил ее, повернул к себе.

— Ты сошла с ума! — стиснув зубы, прошептал он. Но тут же все вспомнил и, запинаясь, проговорил, — Да, конечно... Действительно... Но ты понимаешь, что это значит? Это значит, что мы богаты, Этель! Богаты!

У таксиста перекошилось лицо.

— Вы не возражаете, мистер? Говорите не так громко. У меня болят уши.

Дэвид замолчал, от жалости у него чуть не навернулись на глаза слезы.

— Если я хоть чем-нибудь могу помочь, если вам нужны деньги... Давайте найдем сейчас же самого лучшего врача...

— Мой двоюродный брат Сидни, — ответил, пожав плечами Герман Боганж, — первоклассный врач. Но он говорит, что даже операция не поможет.

— Не поможет, — вздохнул Дэвид. — Тогда остается только уповать на бога и ждать...

— ...и промывать ухо три раза в день борной кислотой, — закончил вместо Дэвида Герман Боганж.

Дэвид никак не мог понять, почему миссис Конар велела ему снять для себя отдельный номер, а сама поднялась к себе по запасной лестнице. Он абсолютно ничего не понимал. Он рассказал об этом странном поступке миссис Конар дежурному и попросил у него соседний номер. Дежурный как-то странно посмотрел на него, а, увидев бумажку в пятьсот долларов, совсем рот разинул. Дэвид снова застегнул пиджак, для чего ему надо было сначала расстегнуться, и, придвинувшись к дежурному, сказал:

— Я надеюсь, обойдется без неприятностей!

— Само собой разумеется, — поспешил загладить неловкость дежурный. — Но согласитесь, мистер Тейлор, не каждый день встречаешь мужчину такого роста. Вас устроит номер 516? Миссис Конар занимает 521. Поближе сейчас пока ничего нет. Но, конечно, позже...

Сбоку неслышно вырос еще один субъект.

— Добрый вечер, сэр, — учтиво проговорил он. — Я главный администратор, мистер Фертц. Что-нибудь произошло?

— Парень не виноват, — ответил Дэвид, махнув в сторону дежурного. — Виновато общество. Виноваты мы все, живущие в это безумное, суматошное время.

За спиной Дэвида дежурный показал главному администратору пятисотдолларовую бумажку Дэвида.

— Ах, как вы тонко заметили, сэр! — горячо согласился администратор.

— А как со сдачей мистеру Тейлору? — спросил дежурный.

Дэвид повернулся к нему, положил на плечо руку. Тот покраснел, закусив губу.

— Сдачи не надо, сынок. Возьми ее себе. На земле нет плохих людей. Я еще не встречал человека, который бы не пришелся мне по душе.

— Рождественский Санта-Клаус, — прошептал дрожащим голосом дежурный.

Мистер Фертц сам вручил ключи от номера бою и сказал мистеру Тейлору, что все его желания будут исполнены в любое время дня и ночи. Дэвид Тейлор в сопровож-

дении боя пошел к лифту, а главный администратор вернулся к конторке дежурного и выразительно посмотрел на него.

— Богатые, — просто сказал он. Дежурный кивнул. — Нам знакомы их причуды. Что, что? Ну, это уж слишком, Роберт. Трети будет достаточно. Ты ему понравился. Пошли ему цветы, утренние газеты, полбутылки шампанского. И приложи мою визитную карточку.

Едва бой ушел, зажав в потную ладонь пятисотдолларовую бумажку (он был похож на счастливого курильщика опиума, только что ублаженного в фешенебельной курильне), Дэвид вышел из номера, прошел по коридору и постучал в номер 521.

— Этель Мэй, — негромко произнес он, приблизив лицо к самой двери. — Дорогая, это Дэвид. Открой, пожалуйста. Я тебе все сейчас объясню.

И, конечно, отворив дверь и упав в его объятия, она прошептала:

— Ничего не надо объяснять, — а секунду спустя добавила: — Просто ты такой милый и наивный, а этот мерзкий дежурный ничего бы не понял.

Дэвид тоже пока ничего не понимал. Поэтому он промолчал, осыпая ее лицо поцелуями.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Ты должна мне верить.

Этель Мэй ответила, что она верит.

— Ты не знаешь, что такое одиночество. Всегда, целую вечность один. Ты не знаешь, что это такое, когда никто не любит тебя. Ведь правда не знаешь? Ну, конечно, нет.

Ответ ее был идеальным.

— Не волнуйся, дорогой, все будет хорошо, — сказала она.

Он вздохнул, поцеловал ее. Потом вдруг...

— Этель Мэй! Этель Мэй! Что это... Почему вы?..

Но она, казалось, ничего не слышала. Ни по радио, ни по телевидению он ничего подобного никогда не видел и не слышал. Он не понимал, что с ними происходит. Но несколько минут спустя решил, что хотя это и странно, но не так уж и плохо.

— Это неправильно. Так не бывает, — довольно бормотал он. — Но все равно я счастлив. Все равно.

Было два часа ночи, когда он доплелся до своей комнаты и в изнеможении повалился на постель. В половине третьего его разбудили родители боя, тайком поднявшиеся по служебному лифту. Они шли пешком от самого Мэлбе-

ри-стрит, чтобы поблагодарить за сына. В три часа в дверь снова кто-то заскребся. Он проснулся не сразу. А когда совсем продрал глаза, то неслышно, как шериф из Хангтона из телепостановки того же названия, подкрался к двери и распахнул ее.

Миловидная девушка с длинным хвостом рыжих волос на затылке испуганно отскочила от двери, из ее рук выпали карандаш с блокнотом.

— Боже, да вы совсем дитя! — воскликнул он в изумлении.

— Мистер Тейлор, — пролепетала она, заикаясь от волнения.

— Я увидела вас в студии телевидения и пошла за вами следом. — У нее вдруг перехватило дыхание. — Я уже давно здесь. Но только сейчас набралась храбрости поступать.

— Вы дрожите? Вам страшно? — спросил он ее с высоты двухметрового роста. — Не бойтесь. Вы не должны меня бояться. Входите, пожалуйста, — пригласил он гостью.

Подняв свой блокнот, она послушно последовала за ним. Сев на стул, который он ей предложил, сказала:

— Я вовсе не ребенок. Я на последнем курсе в Барнарде. И я бы хотела взять у вас интервью. Раньше, чем другие репортеры. Я ведь на отделении журналистики. Пожалуйста, мистер Тейлор, я вас очень прошу.

Дэвид смотрел на нее с восхищением.

— А вы храбрая девчонка. В наших краях мальчики рано становятся мужчинами. Но не зовите меня Тейлором, пожалуйста. Тейлор — это почтенный старикан с убеленными сединой висками. Зовите меня просто Дэвид.

Она не стала возражать и сказала, что ее зовут Памелой Новак. Он заметил, что Памела — прелестное имя. Она сказала, что до сих пор терпеть его не могла, но теперь, пожалуй, оно ей начинает нравиться. Оба рассмеялись и долго не могли остановиться.

Они не заметили, как стало светать.

— Какая грустная история, — вздохнула в конце повествования Памела. — То есть я хотела сказать, какое у вас было тяжелое детство. Отец — алкоголик, мать умерла от опухоли мозга...

Дэвид утешил ее, сказав, что ведь это было очень, очень давно. И прибавил, что теперь они должны думать о будущем. Памела с серьезным видом кивнула. Потом она встала, потянулась и сказала, что голодна.

— А как тебе это понравится? — сказал он и, увидев в зеркале свое отражение, улыбнулся. Да, у него было красивое лицо. Оно ему явно удалось. Оно походило на сразу всех виденных им по телевидению Дэвидов. — Знаешь, я тоже хочу есть. Как будто за всю жизнь я выпил только крохотную чашку явайского кофе. Хорошо бы сейчас чего-нибудь горяченького, а? Хэлло! Центр обслуживания, пожалуйста.

— Звоните после половины седьмого, — проговорил сонный голос дежурного. И в ту же секунду голос заговорил ясно и отчетливо, спеша исправить ошибку. — Мистер Тейлор? Простите, пожалуйста, конечно, конечно. Что вы желаете? Яйца всмятку, кофе, тосты и апельсиновый сок. Да, мистер Тейлор, сию минуту, мистер Тейлор.

Улыбка вдруг сбежала с потемневшего лица Тейлора. Встревоженная Памела спросила, в чем дело.

— «Да, мистер Тейлор, сию минуту, мистер Тейлор», — насупившись, проговорил Дэвид. — Это ведь они не меня так любят, а мои деньги. А лично меня не любит никто. Если ты был в исправительной колонии, то ты уже никому не нужен. Полицейские вечно подозревают тебя в чем-то. Красивые девушки обходят стороной. Словом, никому ты не нужен.

Памела совсем расстроилась.

— Вы не должны так говорить. Я... я... мне кажется, я не такая уж некрасивая. — Памела вдруг покраснела и опустила голову. — И... и ты мне очень нравишься, Дэвид.

Он встал и крупными шагами заходил по комнате, потирая ладони. Затем круто повернулся на каблуках и, взглянув ей в лицо, сказал:

— Что ты знаешь о жизни? — Он усмехнулся. — Ты еще желторотый птенец!

— Неправда! — воскликнула в отчаянии Памела.

— На последнем курсе в Барнарде! Разве ты знаешь настоящую жизнь. Да ты...

Он вдруг замолчал. Какое наслаждение дать волю чувствам, разойтись так, что себя перестаешь помнить. Они ссорятся! А это, конечно, значит, что они влюблены друг в друга. Все Дэвиды всегда ссорились с девушками, в которых были влюблены.

Он опустил на одно колено и заглянул в хорошенькое раскрасневшееся личико.

— Дорогая, — сказал он сломленным голосом, беря ее руки в свои. — Ты должна мне верить... Я ничего не могу объяснить тебе сейчас. Но ты должна мне верить.

В дверь постучали. Влюбленные повернули головы. На пороге стояла Этель Мэй, сжимая обеими руками горло. Помолчав секунду, она сказала:

— Я, должно быть, очень обидела тебя сегодня, Дэвид, раз ты все так быстро забыл.

— Уходи, — завопил несчастный Дэвид. — Уходи сейчас же! Разве ты не видишь, что между нами все кончено. — Голос его вдруг сорвался. — О, Этель Мэй, прости меня. Я не хотел тебя обидеть. Не хотел. Я тебе все сейчас объясню.

Но Этель Мэй уже покорила судьбе, плечи ее поникли.

— Ничего не надо объяснять, Дэвид. Я и так все поняла, — сказала она. — Из этого все равно ничего бы не вышло. Я слишком стара для тебя, Дэвид.

Она шагнула в комнату с гордо поднятой головой. (Он, конечно, свою повесил.) Подошла к Дэвиду, обеими руками подняв его голову, нежно поцеловала в лоб. Потом повернулась к Памеле и кротко сказала:

— Дорогая, берегите его. И очень любите.

Не опуская головы, она вышла из комнаты с печальной улыбкой на губах и сознанием того, что она — счастливая обладательница выигрыша в сто пятьдесят тысяч долларов, шестимесячного запаса порошка «Клэро» и двадцати пяти акций фермы, где разводят выдр.

Минуту в комнате царило молчание. Потом Памела воскликнула: «Ого!», а немного погодя: «Ну и ну!»

Дэвид повернулся к ней.

— Родная, не надо плакать, — стал он умолять ее. — Все теперь будет хорошо.

— А я не плачу, — сказала Памела. Глаза ее горели решимостью. — К чертям курс журналистики, интервью, Барнарда. С такими деньгами, — она бросилась в распахнутые объятия Дэвида, — мы можем немедленно пожениться и создать прекрасную семью. Поцелуй меня. Обними крепко, крепко. И никогда больше не отпускай.

Мистер и миссис Тейлор жили в Уэстпонте в доме, в котором было пятнадцать комнат и огромные окна из сплошного стекла. У них было три автомобиля, три боксера и двое детей. Третьего они ожидали. Они были счастливы, как может быть счастлива молодая чета, живущая в Уэстпонте в это безумное, суматошное время. Дэвид писал сценарии для телевидения и был одним из самых преуспевающих сценаристов. Он всегда точно знал, чем потрафлять публике. Но, к несчастью, на телестудии он то и дело знакомился с умными, красивыми женщинами. И, конечно,

изменял жене раза два в год с одной из них или по разу с двумя.

Было время, когда Дэвиды не изменяли женам. Они умели вовремя остановиться. Но телевидение шло вперед. Не отставали и Дэвиды.

— Ну как ты мог? — рыдая, спрашивала его Пэм. — Как ты мог, Дэвид?

И Дэвид, молодой, красивый, с искаженным от боли лицом, говорил:

— Неужели ты не понимаешь, Пэм? Ты просто не хочешь меня понять. Я болен, понимаешь, болен.

Пэм, разумеется, жалела мужа. Дэвид, видно, на самом деле болен. Да и кто в наш век может похвастаться здоровьем? Она должна ему помочь. Эта мысль утешила ее. Что касается Дэвида, он очень расстраивался, что огорчает свою милую молодую жену, и вместе с тем он был доволен, что так точно следует предначертанной Дэвидам судьбе. И вот оба, почти счастливые, отправились на прием к психоаналитику доктору Наумбургу, который никогда не лечил только одного супруга. Случай Памелы был очень простой: вульгарный, кастрационный комплекс.

Но ни разу с тех пор, как доктор Наумбург приехал из Вены в Штаты, ему не попадался пациент с такими странными фантазиями, навеянными подсознательным воспоминанием внутриутробной жизни. Он утверждал, что не родился, как все люди, от матери, а был бесконечно долго не то амебой, не то просто какой-то вещью на астероиде. Все трое были счастливы, но доктор Наумбург был, пожалуй, самым счастливым из всех.

Дональд Уэстлейк

Всего хорошего, доброй ночи!

Боль. Разлитая боль в груди, в животе, в ногах. А девица пронзительно вопит слова песни, и в темноте мечутся серо-голубые тени.

«Я Дон Дентон, — билась мысль. — В меня стреляли».

Но девица слишком орала, невозможно было сосредоточиться. Он почувствовал, как проваливается, попытался удержать сознание на краю пропасти и внезапно, похолодев от ужаса, понял, что это не сон и смерть действительно заволакивает его естество.

Надо открыть глаза, заставить их открыться во что бы то ни стало. Слушать эту горластую певицу, цепляться за слова ее дурацкой песни, заставить мозг работать.

«Доброй ночи, доброй ночи, гаснут огоньки. Пусть вам светят в окна звезды, если вы одни...».

В комнате было темно, лишь телевизор жил своей серо-голубой жизнью. Девица закончила на пронзительной ноте и вскинула руки в ответ на грохот аплодисментов. И тут же он увидел себя — вот он, выходя на сцену, широкой улыбкой провожает упархивающую за кулисы певицу.

Он — Дон Дентон. Сегодня среда. От восьми до девяти вечера по первой программе шла его программа — «Дон Дентон шоу», записанная днем.

На телевизионном жаргоне «Дон Дентон шоу» именовалось «консервами»: программу записывали в три часа дня, но показывали как прямую трансляцию в восемь вечера. Профсоюз, таким образом, не мог требовать сверхурочных.

Дентон непременно смотрел свои передачи — не из тщеславия, как уговаривал он себя, а из профессиональной добросовестности.

Сегодня днем, закончив запись, он пообедал в «Афинском зале» и сразу же отправился домой. Один, разумеется. Он не терпел никого рядом во время своей передачи. Дон четко помнил, как вошел в квартиру, переоделся в джинсы, спортивную рубашку и мокасины, приготовил себе стакан виски, включил полированный ящик с громадным экраном и сел в свое кресло со специально оборудованным правым подлокотником. Это был как бы миниатюрный рабочий стол — с двумя выдвижными ящиками и держателем для блокнота.

На экране возникли титры: «Дон Дентон шоу». Трижды вспыхнуло его имя, взвилась фанфара, камера пошла на закрытый занавес, тот распахнулся, и показалась его собственная физиономия, встреченная громом аплодисментов.

Он нахмурился. Многовато хлопков... Энтузиазм платной публики трудно контролировать, надо сказать звукооператору, пусть приглушит их на микшере. Дон черкнул несколько слов в блокноте.

Его лицо на экране озарилось неотразимой улыбкой. Дон быстро заговорил, отпустил утвержденную дирекцией шутку о правительстве. Дождался, пока стихнет смех. Потом объявил певицу. И в этот момент...

Да. Сцена отчетливо всплыла в памяти. За спиной в квартире хлопнула дверь.

Он обернулся в раздражении. Ведь шла передача, черт побери, неужели нельзя не вламываться! Всем известно, что по средам с восьми до девяти его ни для кого нет дома.

В освещенном холле возникла фигура, завернутая по-январски в широченную шубу; Дентон не мог даже разобрать, кто это был — мужчина или женщина.

— Черт бы вас побрал, — крикнул он, — разве не ясно...

Из середины фигуры брызнуло желтоватое пламя, грохот хлестнул по стенам, и сразу же вновь пронзительно запела девица: «Доброй ночи, доброй ночи!»

В него стреляли. Кто-то вошел и выстрелил в него!

Дон осел в кресле. Что-то тяжко ворочалось в животе, тошнота подступала к горлу. Но пуля, похоже, была не там... не в ногах... не в животе... она была...

Здесь!

В груди, с правой стороны, возник очажок. Это плохое место, очень плохое место.

Публика засвистела и захлопала. Дон поднял искаженное лицо: он поощрительно улыбался себе с экрана, объяв-

ляя комика: «Вы знаете, конечно, как трудно привыкать к новой машине...»

Надо позвать на помощь! У него в груди засела пуля, и это плохое, очень плохое место. Надо подняться, снять телефонную трубку, набрать номер.

Он пошевелил правой рукой, и рука уплыла сразу далеко-далеко, за миллионы километров. Он попробовал наклониться вперед, но боль хлынула в голову, отбросив его на спинку кресла. Он вцепился в подлокотники, но те не давались в руки. Лицо Дентона перекосила гримаса.

Половину тела парализовало. Только руки и голова еще кое-как работали. Господи, он умирал. Смерть поселилась у него в теле и выедала внутренности. Надо немедленно звать на помощь, пока она не добралась до сердца.

Он вновь качнулся вперед; боль пронзила его насквозь, рот раскрылся, он закричал.

Телевизор в ответ захохотал как безумный. Он поднял глаза на экран, откуда ему подмигивал комик.

— Ради бога, — прошептал он.

— Это пустяки, — ответил комик. — У меня в багажнике запасной мотор.

Приемник затрясся от хохота.

Комик вновь подмигнул умирающему, сделал ручкой и вприпрыжку удалился.

Его собственное лицо, здоровое, гладкое лицо улыбалось вслед уходящему:

— Великолепно, Эдди, браво!

— Ради бога, — прошептал он.

— А сейчас перед вами выступит — догадайтесь кто? — спросило изображение.

Кто? Кто это сделал? Кто застрелил его? Дон пытался собрать воедино мысли. Какая-то вязкая паутина.

Ключ. Он будто вновь услышал скрежет вставляемого ключа.

Четверо людей в мире имели ключ от его квартиры. Нэнси, его жена. Они разошлись, но еще не оформили развод.

Герб Мартин, его сценарист.

Морри Стоунмен, его помощник.

Эдди Блейк, комик, гвоздь его программы.

Это мог быть, значит, кто-то из четверых. Все они знали, что он обязательно будет в это время дома, непременно один, у телевизора. И у них был ключ.

Один из четверых. Четыре лица хороводом закружились перед мысленным взором — Нэнси, Герб, Морри и

Эдди. Он закрыл глаза, попытался сосредоточиться. Все четверо ненавидели его настолько, что любой мог вот так прийти и застрелить его.

Горечь набежала во рту.

Его собственный голос возвестил с экрана:

— Прошу вас, профессор!

Он открыл глаза. Боже, он чуть не утонул окончательно, навсегда.

Нет! Надо было остаться в живых, чтобы посмотреть, как они заснут, как они забегают, когда он возьмет их за горло.

Который из них?

Смех публики плескался в комнате.

Дентон с усилием взгляделся в экран. На сцене Эдди Блейк заканчивал свой номер с профессором. Этот?

Эдди Блейк открыл дверь его личной уборной.

— Ты хотел меня видеть, Дон?

Было шесть с чем-то, запись только что кончилась. Дон, сидя перед зеркалом, стирал грим. Он не обернулся, когда в зеркале рядом с ним возник Эдди.

— Входи, Эдди, — тихо сказал он. — Прикрой дверь.

Тот вошел, закрыл за собой дверь и неловко прислонился к стене. Его волосы из пакли торчали в беспорядке, нос с горбинкой резко выделялся на лице, длинное тело подергивал едва уловимый тик — Дон молчал. Он аккуратно снял с лица остатки грима, потом повернулся и спокойно объявил:

— Ты был сегодня отвратителен. Я не припомню, когда ты работал хуже.

Эдди покраснел, лицо его напряглось; изо всех сил он старался казаться невозмутимым.

Дентон закурил, затем так же медленно — медленнее, чем было нужно, — выпустил струю дыма и спросил:

— Ты опять начал колотиться, Эдди?

— Ну что ты, Дон! — быстро отреагировал Эдди.

— А, может, ты просто спешешь поскорей от меня отделаться? Чтобы успеть на выступление в Бостоне?

— Я работал в полную силу, Дон, — быстро заговорил Эдди. — Я весь выкладывался как собака.

— Шоу идет по первой программе, Эдди, — продолжал медленно тянуть Дентон. — Тебя знают только благодаря моей передаче. Что бы ты делал без меня, Эдди?

Эдди не ответил. Действительно, всю жизнь прежде он работал в третьеразрядных варьете. «Дон Дентон шоу» стало для него пером Жар-птицы. После передачи при-

глашения посыпались отовсюду, в частности ему предложили выступать в ночном клубе в Бостоне. Дентон знал, что для Эдди это означало большие деньги.

— В твоём контракте сказано, что без моего согласия ты не имеешь права выступать нигде.

— Дон, я же...

— До сих пор я смотрел на это сквозь пальцы. Но сейчас все. Я запрещаю тебе все посторонние выступления. Я решил тебе напомнить, что ты работаешь у меня. Все, Эдди. Увидимся на репетиции.

Повернувшись к зеркалу, Дон стал расстегивать рубашку. За спиной Эдди, бледный, сделал шаг навстречу.

— Дон, — сказал он. — Послушай, Дон, это несерьезно...

Дентон не удостоил его ответом.

— Ты мог бы меня предупредить... Я все понимаю, Дон. Но мне непременно надо быть в субботу в Бостоне. Я обещал.

— Сам виноват.

— Но для меня это очень важно, Дон!

— Я кончил разговор, Эдди!

Эдди вдруг закричал в отчаянии:

— Ты сам завалил передачу! Ты можешь выступать только под смех на пленке, бездарь!

— Ах ты... — задохнулся Дентон. — Я тебя разотру в пыль! Тебя не увидит больше ни одна живая душа! Будешь мыть тарелки, чтобы заработать на хлеб!

Дентон всматривался в него сквозь пелену тумана. Эдди Блейк? Мог это быть Эдди Блейк?

У него были все причины сделать это. Если Дон Дентон сойдет в могилу, кто будет вести передачу? Конечно же, Эдди, основной выдумщик. Смерть Дентона была бы идеальным трамплином для него.

Новые голоса прихлынули из телевизора. Он попытался взглянуть в экран. Это была рекламная перебивка. Муж и жена, счастливая пара, никаких проблем, и секрет их удачи — в быстрорастворимом кофе фирмы «Бьюлинг»!

Счастливая пара. Он подумал о Нэнси. И о писателе Гербе Мартине.

— Я решила развестись, Дон.

Он перестал жевать.

— Нет.

Трое — Дентон, Нэнси и Герб — сидели за столиком в «Афинском зале». Нэнси просила о встрече, предупредив, что у нее есть важный разговор.

— Я не вижу, какой тебе смысл упорствовать, Дон, — вступил Герб. — Ты ведь давно не любишь Нэнси. И она не любит тебя. Вы не живете вместе. В чем же дело?

Дон бросил на Герба недобрый взгляд и ткнул вилкой в Нэнси.

— Она моя жена, — сказал он. — И принадлежит мне.

— Я могу добиться развода и без твоего согласия, — заторопилась Нэнси. — Я могу поехать в Неваду...

— Если и будет развод, — отрезал Дон, — то подам на него я. И мне незачем будет покидать свой штат. Будь уверена, у меня найдутся свидетели супружеской неверности. Кроме того, сообщник, как станет известно суду, в прошлом — коммунист.

— Это уже не производит эффекта, Дон, — сказал Герб. — Сколько времени ты собираешься еще размахивать этим ярлыком?

— Столько, сколько будет существовать черный список, цыпочка, — ответил Дон.

— Времена изменились... Черный список больше не в ходу.

— Ты хочешь проверить? Может, тебе помочь?

— В тридцать восьмом...

— Цыпочка, не имеет значения, в каком году ты был с коммунистами. Тебе это прекрасно известно. Ты прекрасный сценарист, я тобой доволен. Но если я пошевелю пальцем, тебя взашей выкинут с телевидения и вообще отовсюду.

— За что ты преследуешь нас! — всхлипнула Нэнси, и сидевшие за соседними столиками с любопытством повернулись в их сторону.

Дентон приложил несколько раз к губам крахмальную салфетку и встал.

— Ты задала мне вопрос, я дал тебе ответ.

— Тебя можно попросить об одолжении? — сказал Герб. — По дороге домой постарайся попасть под такси.

— Не шути с ним, Герб, — сказала Нэнси.

— Ты уверена, что я шучу? — без улыбки переспросил Герб.

— Нет, кроме шуток, друзья, — сказал его собственный голос. — Анна и Дэн — одна из лучших танцевальных пар на свете!

Обмякнув в кресле, Дентон с отчаянием смотрел на свое экранное изображение. Он свободно передвигался, смеялся, хлопал в ладоши. Он был живой, неведимый, счастливый.

Кто? Герб? Нэнси?

Он напрягся и попытался вспомнить появившийся на мгновение в холле силуэт. Мужчина или женщина? Трудно было определить: какая-то зыбкая масса в лохматой шубе, черный контур на фоне освещенного холла. Под шубой прищелец мог быть так же тонок, как Герб, или так же толст, как Морри Стоунмен.

Анна и Дэн, самая бездарная танцевальная пара в стране, топтались на помосте. За кулисами толстый Морри хлопал себя по мокрому лбу платком, приговаривая:

— Хорошо они выглядят, Дон, верно ведь хорошо? У них отличные отзывы в газетах всего побережья...

— Они выглядят омерзительно, — холодно отозвался Дон.

— Но ты же сам согласился выпустить их!

— По твоей рекомендации. Я их не видел.

Морри утер лицо и закрутил головой.

— Конечно, Дон. Это я их предложил.

— Сколько, Морри?

Лицо Морри стало еще краснее, а губы сложились для образа оскорбленной невинности.

— Как ты можешь думать, Дон...

— Сколько они тебе дали, Морри?

Круглое лицо вытянулось книзу.

— Пятьсот.

— Очень хорошо. Вычту из твоего гонорара.

— Клянусь, у них потрясающие отзывы со всего побережья, Дон! Ну хочешь, я покажу тебе газетные вырезки?

Не дослушав его, Дентон продолжал:

— Не забудь, сколько ты мне должен.

— Я как раз и хотел тебе сказать. — Левая рука Морри елозила платком по лбу. — Я думал немного подработать, чтобы начать отдавать тебе в этом месяце. Ты ведь этого хочешь, да, Дон?

— Чтобы потом плюнуть мне в морду и начать свое дело? Мне было бы это весьма жаль, Морри. Ты мне нужен здесь.

— Да разве я собираюсь оставить тебя, Дон! Что ты!

— Вранье. Ты хочешь начать собственное шоу с Лизой Лайл.

Вновь оскорбленная добродетель.

— Кто мог набрехать тебе эту ерунду! Я вовсе не собираюсь...

— Пока я не беспокоюсь. Сначала тебе придется вернуть мне весь долг с процентами. Так что лучше оставь свою идею с Лизой.

Бурные аплодисменты. Танцоры раскланивались с публикой.

— Убери их, и чтобы больше они не попадались мне на глаза!

Дон приготовил улыбку и выбежал к боковой камере:

— Последним номером нашей вечерней программы, дорогие друзья, мы предлагаем вам послушать новую восходящую «звезду» — она дебютирует в марте с собственным шоу, как вы, наверное, знаете. На ваших экранах — Лиза Лайл!!!

Дентон видел, как сверкают покрытые эмалью зубы у его двойника на экране.

— Она хочет начать с Морри, — прошептал он изображению.

Морри? Это он застрелил его?

Кто же?

Пространство между ним и телеприемником деформировалось, заполнилось клубами тумана. Он быстро заморгал, боясь, что это уже навсегда. В тумане они всплыли перед ним все четверо — Герб и Нэнси, обнявшись и глядя на него торжествующе; Эдди Блейк чуть правее, его левая рука крутила пуговицу, он смотрел на Дентона свысока; Морри глыбой возвышался слева, сверкал ненавидящим взором.

— Кто из вас? — просипел Дентон.

— Когда ты умрешь, — сказала Нэнси, — я смогу выйти за Герба.

— Когда ты умрешь, — сказал Герб, — ты больше не сможешь грозить мне черным списком.

— Когда ты умрешь, — сказал Морри, — я уже не буду тебе должен. Я сделаю свое шоу с Лизой Лайл.

Кто из вас? Кто?

Дон вновь увидел себя, быстрого, ловкого, невредимого, махавшего рукой зрителям. Это был он! Все думают, что и сейчас, в девять часов вечера, это он. Смерть надвигалась быстро, ему оставалось всего чуть-чуть, прежде чем исчезнуть с экрана!

— Спектакль закончен, дорогие друзья, — ответило ему изображение.

— Подождите! Стойте!

— Надеюсь, вы провели приятный вечер, — продолжало улыбаться изображение.

— Не уходи! — прошептал Дентон.

Изображение легонько помахало рукой, как бы прося Дентона не валять дурака.

— Помоги мне! — крикнул Дентон. — Набери номер! Помоги!

Ведь тому, на экране, это было раз плюнуть — снять трубку, набрать две цифры.

Но изображение удовольствовалось тем, что вновь улыбнулось:

— Всего хорошего!

Идиотское слепое изображение в нелепом полированном ящике посылало ему кончиками пальцев воздушный поцелуй, ему, умиравшему в кресле.

— Помоги мне! — взревел Дентон и захлебнулся.

Изображение отступало и твердило, удаляясь, ступаясь, растворяясь:

— Я вас люблю! Всего хорошего! Доброй ночи!

Х.-А. Харгривс

И в небе, и в земле сокрыто больше,
Чем снится нашей мудрости, Горацио.

В. Шекспир, «Гамлет»

И в небе, и в земле сокрыто больше...

I

Он проснулся, как всегда, легко и быстро, ощущая во всем теле приятную бодрость. Упругое движение — и он уже на ногах, лицом к занавешенному широкому окну. Нажав кнопку, он смотрел, как занавески раздвинулись и скользнули в стену, открыв чудесный вид на Великую равнину. Он шагнул вперед, коснулся едва заметного шва в стекле и, выйдя в открывшийся проем на балкон, сделал глубокий вдох. Перед ним простирался заповедный парковый массив, а справа виднелись очертания внушительного образчика современной архитектуры — здания Телевизионного университета. Он приступил к обычной зарядке, давая телу испытать чувственную радость физической нагрузки. Окончив зарядку, он отправился в ванную, сбросил пижаму, принял душ, оделся, набрал на диске завтрак, заказал бюллетень новостей, потом взял свою личную карточку и пробежал глазами расписание на сегодняшний день.

Ален Хэмилтон, старший преподаватель, воспринимал свое видное положение в университетском мире так же, как и каждый шаг вверх по лестнице карьеры; он не испытывал ни самодовольства, ни смирения, а лишь глубокое удовлетворение от мысли, что занимает место, для которого лучше всего подходит на этой стадии своего развития. Он смутно догадывался, что многие ему завидуют, что кое-кто из его не столь преуспевших коллег его недолюбливает или не понимает. Но он с головой ушел в работу, с которой отлично справлялся. В тех редких случаях, когда ему приходилось объяснять причины своего успеха, он не без оснований львиную долю похвал относил за счет Группы — объединения одаренных лю-

дей, которых он сам тщательно подобрал и которые были так нужны для подготовки материала по его курсу. Группа тоже постоянно была предметом зависти всех коллег Хэмилтона, а ее бесподобная сработанность побуждала иногда менее талантливых людей пускаться в туманные намеки насчет каких-то особых, необычных взаимоотношений, царящих там.

Как бы то ни было, Алэн не отдавал себе отчета в одном: что монолитность Группы и легкость, с какой она воплощала его сложную интерпретацию пьес Шекспира, прежде всего объяснялись особым качеством, присущим его личности. Именно оно позволяло ему так успешно общаться с людьми посредством телевидения; те же идеи в письменном виде выглядели для его студентов, разбросанных по континенту, далеко не так выпукло, как при показе их на экране. Уменьше передавать свои мысли и чувства — пожалуй, это лучше всего определяло присущий ему дар, очень редкий, свойственный только истинно великим педагогам и артистам.

Покончив с завтраком и с новостями — вечно одни и те же конфликты и недовольства, — Хэмилтон предпочел педэкспрессу эстакаду пешеходной дорожки, где можно было насладиться чудесной погодой и поразмыслить над некоторыми тонкостями сегодняшней лекции о «Ричарде III». Он подготовил для Группы кое-какие небольшие предложения, варианты, которые не рассматривались в первые дни обсуждения, экспериментирования и репетиций. Стоит, например, лишь чуть иначе произнести слова Ричарда: «...как я лукав и лжив» — и ярче прозвучит современное толкование его психологии. Надо будет обратить на это внимание Бена Боумена. Бену понравится, он склоняется к макиавеллиевской интерпретации, хотя не менее выразительно дает психологию, если его попросят, а студентам именно это и подавай. Одну за другой Хэмилтон обдумывал свои идеи, пока не подошел к высоченной глыбе БУ, Башни управления, которую задумали как образчик авангардистской архитектуры, а получилось нечто вроде реконструированной пирамиды.

Войдя внутрь, Хэмилтон быстро одолел лабиринт коридоров, проник в глубины здания на скоростном лифте и очутился на том ярусе, где помещались редакции вещания. Погруженный в мысли о своей лекции, он невольно вздрогнул, когда из открытой двери рядом с его собственным кабинетом донесся низкий голос:

— Алэн! Можно тебя на минутку?

молчи! И лучше не упоминай при мне этих жуликов врачей, которые у меня все до последней лиры вытянули. — Он сердито нахмурился. — Спи. Мне уже ничто не поможет». Потом, словно желая испытать всю силу моей боли, моего страха, встал и попытался дотянуться рукой до крохотного окошка фургона; внезапно соскочил с кровати и, не удостоив меня ни единым взглядом, подпрыгнул и повис на косяке двери; надбровье его прорезала глубокая морщина.

— Еще вчера я не дотягивался до окна, клянусь тебе, чем угодно могу поклясться,— простонал он. И тут у него вырвались слова, которые раскаленным железом вонзились мне в подреберье: — Я дважды несчастлив в этой проклятой жизни, дважды! Вначале и теперь, в самом начале и теперь... А ты молчи, что ты можешь понять?! Ведь ты родилась и осталась лилипуткой. Так молчи».

Затем молча лег в постель. За целый месяц он ни разу не приласкал меня. И все-таки я не желала сдаваться. «Хочешь немного шпинату? Я вмиг подогрею... Нельзя же весь день голодать! Хочешь?» — говорила я, зная, что не получу ответа.

Вытянувшись под одеялом, он снова молча разглядывал потолок либо мрачно ощупывал плечи, локти, запястья. И я уже знала, что на следующий день он будет ходить взад и вперед по лугу, мимо фургонов, нервно покуривая сигарету, а кавальере, с трудом сдерживая ярость, будет следить за ним сквозь приоткрытую дверцу своего ярко разрисованного автофургона... Каждый раз, глядя в эти минуты на «Маленького Тарзана», я испытывала дикий страх, что он внезапно начнет стремительно расти ввысь...

И я зажимала рот рукой, чтобы отчаянно не завопить. Теперь во мне жили лишь страх и бесконечная усталость, которая болью отзывалась в каждом мускуле.

Я знаю, в чем моя вина. Одолей моя любовь страх, и я бы ему сказала: не печалься, ты вырастешь, станешь как все остальные люди. И еще я должна была ему сказать: все кончится как нельзя лучше, ты полюбишь не лилипутку вроде меня, а настоящую большую женщину, красивую акробатку или служащую... Но страх был сильнее всего. И потому я без единой слезинки прочла однажды утром записку, которую он оставил на моем столике:

«Моя дорогая Габи, сегодня я уже добрался до метра

тридцати, и мне остается лишь уйти куда глаза глядят. Вообще-то я уже давно собирался уйти. Деньги из ящика стола взял я. Вот увидишь, кавальере тебя не прогонит. Не сердись на меня за деньги. Они мне нужны, ведь я хочу уехать и забиться в самый дальний угол. Теперь, когда я стал другим, мы больше не можем любить друг друга. Забудь меня».

Я так и просидела с запиской в руках до той поры, пока не пришли Канарис, Челестино и сам кавальере. Только один он и сумел встряхнуть меня, яростно завопив на всех. И я поняла, что так и нужно; сразу же поднялась, стала что-то делать и очень быстро вошла в обычный ритм рабочего дня.

Я так и не смогла выдать из себя ни одной слезы даже ночью. Все окружили меня заботой и вниманием, Челестино, хромя, протягивал мне пирожное, а Канарис, надев фрак, вместо прежних шуток изгибался в преувеличенном поклоне.

Сейчас уже поздно, я стою и смотрю в зеркало, «Сингапуру» уже принесли в клетку ужин. Играет оркестр, а я ни о чем не думаю, знаю, что это самое лучшее. Слушаю, как играют трубы — каждый звук больно ударяет в голову, — и стараюсь ни о чем не думать, ни о чем.

— Дорогая Габи, готова?

Вошла Крема, мать двух сестер-близнецов, работающих на трапедии. Старая, толстая женщина, она продает возле кассы прохладительные напитки. Прежде она тоже была отличной акробаткой, но теперь для всех нас она лишь Крема. Так ее прозвали за то, что вся она, от затылка до самых икр, представляет сплошной слой жира. Она все время либо что-то жует, либо ругает мужчин, которых ненавидит.

Я начинаю раздеваться, потому что Крема должна потуже забинтовать мне грудь. Поверх бинтов и пластырей я натяну цветную майку, подрисую себе усики и тогда смогу боксировать с «Сингапуром», как прежде «Маленький Гарзан». Потому что зрителям не понравилось бы, что с обезьяной боксирует женщина. Мне пришлось также остричь волосы.

«Сингапура» я прекрасно знаю — на полный желудок и в надежде на кружку пива он все разыграет как по нотам. Ну а Челестино лишь гарнир к рагу. Кавальере говорит, что никто из зрителей не заметит, что у меня ноги хоть и

очень маленькие, но женские, в то время как у «Маленького Тарзана» они были по-мальчишески упругими и ровными. Будем надеяться. Я продумала каждую мелочь. Этот номер нужен всем нам.

— Ну как, Габи, готова? — отдуваясь, спрашивает Крема.

Загрохали барабаны; должно быть, уже зажглись огни. Я и «Сингапур» должны выйти с двух противоположных углов и одновременно подняться на ринг.

Это будет мой дебют. С пыиепшсго дня меня зовут Чико — «Могучий лилипут».

В афише моя фамилия стоит третьей.

Элберт Карр

Похищение кошки

Самый большой гонорар в своей жизни я получил за то, что нашел кошку. Вот так оно и бывает. Изобличал убийц, разыскивал украденные драгоценности, а пять тысяч монет мне отвалили всего раз в жизни, да и то за кошку. Не простую, это уж не сомневайтесь. Речь идет о знаменитой Диззи.

Забавно, что еще до того, как начались события, мы с женой ходили в «Орфеум» специально, чтобы посмотреть этот номер.

ДИЗЗИ ПЕРВАЯ В МИРЕ ДРЕССИРОВАННАЯ КОШКА ДЕЙВА НАИТА —

вот что стояло в афишах. Моя жена совершенно помешана на кошках — у нас и своих-то две штуки, — так вот, когда она увидела рекламную статью, то сразу прочитала ее мне.

А там рассказывалось, что этот Дейв Найт выступал с ничем не примечательными короткими номерами: репризы, чечетка, чревовещание, и так как он не блистал ни в том, ни в другом, ни в третьем, то почти дошел до ручки. И вот однажды на улице Найт увидел, что о его ногу трется котенок. Паршивенький такой, одна лишь шкурка, да кости, да блохи, да писк, а Дейв не такой уж любитель кошек... И все же он сказал: «О'кэй, дам молочка», — сунул котенка в карман и отнес в свою комнатку, которую снимал в доме без лифта в Гринвич Виллидже. Там он его накормил, почистил щеткой и не успел оглянуться, как сделался хозяином котенка, потому что вышвырнуть беднягу вон у Дейва уже не хватило духу.

Кошечка оказалась настоящим гением — не хуже любой ученой собаки или шимпанзе, — да что там, даже лучше. В газете говорилось, что Дейв назвал ее Диззи¹, когда заметил, как она делает сальто, играя веревочкой. Мало-помалу он обучил ее разным трюкам, и она привыкла делать их даже на сцене и не боялась ни яркого света, ни шума, покуда Дейв стоял возле нее. Как раз в ту пору снова начало входить в моду варьете, и когда антрепренеры посмотрели этот номер, они смекнули, что это нечто новенькое. Найт и Диззи произвели фурор, разъезжая по всей стране. В статье говорилось, что в мире существует чуть ли не десять миллионов кошек, но Диззи не имеет себе равных — она единственная кошка, которая вышла в разряд крупнейших налогоплательщиков. Найт выколачивал по тысяче в неделю и застраховал жизнь Диззи на сто тысяч долларов.

Жена сказала, что, пока не увидит все это собственными глазами, ни за что не поверит, и не успел я оглянуться, как мы оба были уже в пальто и держали курс на «Орфеум». Мы пришли во время номера, который назывался «Три грации и порок» (очень неплохая комическая танцевальная группа — три девушки, рыженькая, блондинка и брюнетка, и парень, который откалывал презабавные колленца). Потом выступал Макинтайр, ирландский чародей, — ему помогал карлик, одетый эльфом, — и чародей этот показал нам уйму разных трюков: чтение мыслей, фокусы с картами, рапирами и другими предметами, которые вдруг пропадали неизвестно куда. Работал он чисто. Однако гвоздем программы была Диззи.

Не кошка, а загляденье. Пушистая, серенькая, с черными тигриными полосками, белой грудкой, белыми лапками и хвостом, словно от чернобурки. А мордочка! Кошки обычно все похожи друг на дружку, у этой же были огромные янтарные глазищи, длинные белые усы и до того чистосердечный и умильный вид, что моя супруга прямо размлела.

Весь номер держался на ней. Найт — самый обыкновенный веснушчатый парнишка, каких полным-полно в каждом колледже, очкастый, подстрижен ежиком и ухмыляется от всей души. У него хватило смекалки не вылезать на первый план. Начал он просто — велел ей сесть, потом лечь и притвориться мертвой, как это делают собаки. Найт сказал, что Диззи умеет делать все фокусы, какие делают

¹ Головокружительная.

собаки, но только лучше. Стоя на задних лапках, она в такт музыке колотила передними. На ней даже были маленькие боксерские перчаточки. Потом она принялась кувыряться в воздухе и перепрыгивать через три движущихся обруча. Оркестр заиграл румбу, и они очень мило сплясали — Дейв отбивал чечетку, а Диззи двигалась вокруг него на задних лапках и даже чуть-чуть покачивала боками, от чего публика восторженно взревела.

С чревовещанием у них тоже неплохо получилось. Она устроилась у него на колене, словно кукла, и принялась быстро разевать и закрывать свой ротик, так что казалось, будто именно она и разговаривает этаким визгливым мяукающим голоском. А под конец Дейв приволок какую-то штуковину, похожую на маленький ксилофон, с которой свисали тонкие металлические пластинки. Стоило Диззи ударить лапкой по одной из них, как раздавался звук, и... уж хотите — верьте, хотите — нет, но кошка прыгала, лупила лапками по пластинкам, и выходило у нее «Родина, милая родина».

Публика просто ошалела от восторга; моя жена потом целую неделю ни о чем другом не могла говорить. Поэтому, когда на следующее воскресенье утром зазвонил телефон и мужской голос сказал: «Вы — Джек Терри? С вами говорит Дейв Найт», — я сразу понял, с кем имею дело. Он сообщил, что ему рекомендовал меня управляющий «Орфеумом» — Эдди Томпсон, мой школьный товарищ, — и что он хочет видеть меня как можно скорей.

Я пригласил его к себе в контору. Он пришел не один, а с девушкой, которую представил мне как мисс Мерибет Льюис и в которой я тут же признал одну из граций, ту третью, черненькую. Совсем молоденькая, большеротая, с премилым личиком и божественной фигурой, о чем я смело мог судить, так как видел ее на сцене. Оба они были бледны и встревожены, и Найт без предисловий приступил к делу.

— Пропала Диззи, — сказал он. — Вы должны ее найти.

— Послушайте, — ответил я. — Ведь я же сыщик, обыкновенный частный соглядатай, как называют нас на телевидении. А вам нужно что-нибудь вроде общества защиты животных. Очень вам сочувствую, но я просто не знаю, с какого конца тут взяться.

Найт оказался парнем с головой. Он не стал меня уговаривать, а просто сказал: «Если вы ее найдете, я заплачу вам пять тысяч долларов. Это все, что я накопил, но я вам их отдам».

— Сумма солидная, — заметил я. — Да только мало ли что могло случиться, а вдруг она попала под грузовик?

У Найта сделалось такое лицо, словно это он сам попал под грузовик, а девушка воскликнула: «Пожалуйста, не говорите так, мистер Терри!»

— Видите ли, — ответил я. — Не хочу вас пугать, но сами понимаете, когда кошка бегает по улицам большого города, с ней может приключиться что угодно. К тому же вы, очевидно, не так уж сильно пострадаете. Мне помнится, была какая-то страховка на сто тысяч?

— Да поймите вы! — воскликнул Найт. — Эта кошка как бы часть моего существа. Я ее и за миллион бы не продал. Что до страховки, ее выплачивают только в случае смерти, да и то при определенных обстоятельствах. Если же кошка потерялась, то мне вообще ничего не полагается.

— А она потерялась?

— Не знаю. Не могу понять. — Он все время теребил свои густые рыжеватые волосы. — Вы не представляете, как я за ней смотрю. Буквально не спускаю глаз. Она спит на моей кровати, мы даже едим вместе.

— Может, она взяла выходной, — заметил я, желая его успокоить. — У нас есть кошка, которая любит иногда выбраться в свет.

— Диззи ни разу ничего подобного не делала, — ответил Найт, качая головой.

Я спросил:

— А почему бы вам не предложить вознаграждение?

— У Диззи на шее есть ремешок с ярлычком, — пояснил он, — и там указана моя фамилия и обещано пятьсот долларов каждому, кто найдет ее и доставит ко мне или в полицию. В полицию я тоже сообщил — они обещали иметь в виду.

Разговаривая с Найтом, я все время незаметно наблюдал за ним.

Он не был похож на человека, способного угробить кошку ради страховки. Я подумал, что, если откажусь ему помочь, жена мне сроду не простит, и, хотя не рассчитывал на успех, согласился.

— Сделаем так, — сказал я. — Если я разыщу ее в целости и сохранности, мы с вами потолкуем о вознаграждении. А если ее нет в живых, то вы уплатите мне лишь обычный гонорар и покроете расходы. О'кэй? А теперь расскажите мне обо всем подробно. Как она пропала?

Найт сказал:

— Это случилось вчера вечером в театре. Я стоял за кулисами и ждал, когда окончит выступать Макинтайр, чародей. Я всегда становлюсь там минут за десять до нашего номера и держу на руках Диззи, чтобы она привыкла к свету и шуму. — Он явно волновался, но говорил толково и по существу.

— И тут Бартон... ну, Билл Бартон, он танцует в номере Мерибет — подходит ко мне. Он хотел показать мне какую-то веревку, которая болталась прямо над тем местом, где Диззи скачет через обручи. Он сказал, что Диззи может напугаться. С того места, где я стоял, веревки не было видно, тогда я сунул Диззи в коробку и пошел с Биллом.

— Секундочку. Коробку вы оставили открытой?

— Нет, запер. Собственно, это не коробка, а кожаный чемодан, который я специально заказал для Диззи. Выбраться она не могла. Разве что кто-нибудь открыл коробку.

— Значит, открыли, — вставил я. — Валяйте дальше.

— Билл оказался прав. Веревка нам действительно помешала бы. Я сходил за служителем и попросил его влезть наверх и убрать веревку.

— Но если вы были на сцене, — заметил я, — как получилось, что публика вас не видела?

— В начале своего номера Макинтайр работает за ширмой. Как раз за ней я и стоял.

— Ну а теперь скажите... сколько продолжалось ваше отсутствие?

— Не больше трех минут. Сперва я решил, что какой-нибудь любопытный открыл коробку, чтобы посмотреть на Диззи.

— Все вечно норовят ее погладить, — сказала Мерибет.

— Однако, — продолжал Найт, — если бы Диззи выскочила из коробки, она подошла бы ко мне. Она всегда так делает. Но ее не было. Мы обыскали все — кулисы, уборные. Я звал ее; обычно стоит мне ее позвать — она бегом несется, но не тут-то было. Когда Макинтайр закончил свой номер, мне пришлось сказать Томпсону, что не смогу выступить. Он объяснил зрителям, что случилось, и попросил их дать нам знать, если кто из них увидит кошку, — мы думали, что она как-нибудь пробралась в зал. Но никто ее не увидел.

Я спросил:

— Вы, стало быть, считаете, что ее вынули из коробки умышленно... то есть украли?

— Похоже на то, — ответил Найт. — Но кто это мог сделать? У нас в театре — все мои друзья и все любят Диззи. Да и куда бы ее спрятали? И как удалось бы незаметно вытащить ее из театра? Нет, это просто чушь.

Я пораскинул мозгами и задал следующий вопрос:

— Простите за бесцеремонность, но мне хотелось бы знать: то, что вы пришли сюда вместе с мисс Льюис, — просто случайность?

Они переглянулись, и Найт сказал:

— Здесь нет никакого секрета. Мы помолвлены. Во всяком случае... — Он не договорил.

— Дейв! — сказала Мерибет. — Ты отлично знаешь, что мы выкрутимся. — Она повернулась ко мне. — Мы хотим пожениться, когда окончится срок наших контрактов. Но сейчас Дейв все время твердит, что без Диззи он ничего не стоит и не имеет права меня связывать. Как будто какая-нибудь кошка — пусть даже такая, как Диззи, — может решить, быть любимым вместе или нет. Ведь это же смешно, да, мистер Терри?

— Смешно, — подтвердил я, окидывая ее взглядом — воистину лакомый кусочек. — Как давно вы знакомы?

— Да уже несколько месяцев, — ответила она. — Мы вместе ездили на гастроли. И когда выступали в Новом Орлеане, поняли, что любим друг друга, да, милый?

Найт кивнул и сказал:

— Еще вчера жизнь казалась чудесной. А сегодня...

— Ну ладно, — сказал я, — Дайте-ка мне минутку подумать вслух, и не обижайтесь, если я что скажу не так. Я ведь еще ни в чем не разобрался. Так вы по-настоящему любите эту кошку? Вы к ней относитесь, как к человеку?

— А чем она, собственно, хуже? Конечно, я ее люблю.

Я сунул в рот сигару, зажег ее и погрузился в размышления. Подумав, я сказал:

— Жена однажды всучила мне роман одной французской женщины — Колетт ее фамилия, — и там рассказывалось про даму, которая так ревновала мужа к его кошке, что хотела ее убить.

Найт среагировал не сразу. Когда же до него дошло, он взорвался:

— Я думал, у вас есть голова на плечах. А вы псих!

Но меня больше интересовала Мерибет. Ее большие темные глаза сверкнули, однако ответила она очень сдержанно:

— Вы ошибаетесь, мистер Терри. Я не убийца и не похитительница, к тому же я люблю Диззи... и Дейва тоже.

— Всего лишь проверка, — пояснил я. Я понял, что с ней все в порядке. Женщина, которая называет убийством расправу над кошкой, не станет ни убивать, ни похищать животное.

— Прошу прощения. Теперь вернемся к фактам. Скажите, Найт, когда вы вместе с Диззи стояли за сценой, не вертелся ли кто-нибудь поблизости от вас?

— Ни души. И близко никого не было.

— А когда вы вернулись туда через три минуты?

— Все ушли за кулисы, так как ширму подняли, чтобы очистить Макинтайру место для заключительного номера. Макинтайр — единственный, кого я видел, стоя там.

«Дзинь!» — вдруг сработало что-то у меня в мозгу.

— А лилипут? Малютка эльф? Разве он не спускался раза два со сцены?

— Маленький Пэт? Пойдите. А ведь верно. Он в самом деле ходил за какими-то подставочками для Макинтайра. Да, он, конечно, должен был пройти мимо коробки. Наверное, я к нему так привык, что просто не заметил.

— Но все равно, — сказала Мерибет, — Пэт ни за что не стал бы этого делать.

Тут я счел уместным уподобиться Шерлоку Холмсу, который никогда не упускает случая произвести впечатление на клиентов, и произнес:

— Когда мы исключим все невозможное, оставшееся, каким бы неправдоподобным оно нам ни казалось, будет единственным ответом на вопрос. Мне лично представляется, что это карлик Пэт. Он проходил мимо коробки. А значит, мог наклониться, открыть ее и вынуть кошку.

— А что он стал бы с ней делать? — спросил Нант. — Ему же надо было сразу вернуться на сцену.

Я откашлялся в предвкушении триумфа:

— Мне помнится, что в своем заключительном номере Макинтайр засовывает этого лилипута в ящик, из которого тот потом исчезает.

Найт так и дернулся.

— Вы правы! — сказал он.

— Рассмотрим факты, — заговорил я. — Ящик Макинтайра стоит за ширмой, откуда он не виден никому. Свидетелей нет. Подбежать с кошкой к ящику и сунуть ее туда — секундное дело. Мы предположим, что Пэт умеет управляться с ящиком. А когда кошка спрятана, Пэт берет свою подставку и направляется к чародею.

— Но в таком случае Диззи выпрыгнула бы, едва только Макинтайр открыл ящик, — сказала Мерибет.

— Как ты думаешь, — спросила она, — он имел в виду твою промашку?

Ален уклончиво пожал плечами.

— Не знаю. Но в первую минуту мне показалось, что он говорил о триконе. Кто его знает, что ему было нужно.

Сильвия подвинулась ближе и нырнула под его плечо.

— Может быть, это несправедливо, но я ему не доверяю, — с беспокойством сказала она. — Нет. Вернее, не доверяю его жене. Слишком уж она честолюбива.

Сильвия теснее прижалась к Алену.

— Мы приглашены на эту вечеринку?

Ален сделал последний глоток и задумчиво ответил:

— Наверно, нас пригласят из корыстных соображений. Из тех же соображений и мы должны пойти. А теперь, — он постарался не хуже, чем Бен, изобразить на своем лице вожеление, — поскольку завтра у нас уйма дел, надо по-лучше отдохнуть сегодня вечером.

Больше они не говорили о деле.

На следующее утро Ален встал раньше обычного. Он принес завтрак к себе на рабочий стол и принялся тщательно штудировать «Ричарда II», готовясь к субботнему прогону. На этот раз он хотел избежать неожиданных интерпретаций и внимательно просмотрел карточки из собственной ультрамикротеки, даже два раза связывался с библиотекой, чтобы ознакомиться с новейшими материалами. Перед выходом из дома он созвонился с Ником и Сэмом и договорился о встрече, потом поскорей собрал свои записи и направился к педэкспрессу. Он все еще обдумывал кое-какие ключевые сцены, когда вошел в здание телецентра и спустился на студийный ярус. Ему предстоял напряженный день.

К своему облегчению, Ален обнаружил, что Группа восприняла вчерашнее происшествие с известной долей юмора, пока он не рассказал своим товарищам о неполадках, которые обнаружил Ник. Ольга, смеясь, переби-рала свои толстые косы и шутила, но Ален заметил, что в перерыве она вместе с Мерл подошла к Нику и завела какой-то серьезный разговор. Пол Джекобс, последний из «таинственной семерки», как они иногда в шутку на-зывали самих себя, накануне отсутствовал, и его явно взволновал рассказ Бена Боумена о случившемся. Но за-тем работа всех увлекла, и вчерашнее, казалось, было забыто.

Пол и Бен являли собой великолепный контраст в ролях Болингброка и Ричарда II. Пол изображал характер суровый, холодный, деловитый. Бен говорил мягким, едва ли не женственным голосом, жестикулировал подчеркнуто грациозно.

Прогон прошел гладко. Ник превосходно справлялся со своей задачей, чутко улавливая, на чем заострить внимание. Отрабатывали и отшлифовывали диалоги, то и дело повсюду вспыхивали споры — словом, налицо был типичный хаос нормальной репетиции. Только члены Группы могли заметить, что нет полной сосредоточенности, что каждую секунду кто-то из участников наблюдает за всеми остальными.

«Как это похоже на них, — подумал Ален, — все реагируют вот так, а ведь не стоваривались». Внезапно он ощутил огромное напряжение, которое не отпускало его уже около часа, и понял, что каждый из его товарищей разделил с ним его тревоги и переложил часть их на свои плечи.

То же чувство овладело им позднее в кабинете Сэма, когда они с Ником рассказали главному режиссеру о происшедшем. В первую минуту Сэм не поверил своим ушам, но затем принялся разрабатывать линию поведения.

— Насколько я понимаю, мы можем действовать в двух направлениях, — решительно заговорил он, проведя на листе бумаги вертикальную линию. — Ник, ты проверь своих людей, тех, кто кого-нибудь замещал за последний год и даже раньше. Можешь ввести в курс дела и тех, кому доверяешь, и держи студию под строгим контролем во время и после репетиций. Приходи с кем-нибудь пораньше перед выходом в эфир и тщательно проверяй всю аппаратуру. К сожалению, мы не можем полностью забронировать студию за вами, ведь по расписанию после нас работают еще две группы.

Одна половинка листа была уже испещрена пометками, и Сэм принялся за вторую.

— Я произведу негласную разведку среди начальства, — продолжал он. — Могу проверить рабочие группы на двух других курсах и постараюсь ввести более строгий контроль, но так, чтобы это не бросалось в глаза. Ну а что касается отклонений во время передачи, за этим ты уж сам проследи, Ален.

Ален с Ником встали, собираясь уходить, когда Сэм добавил:

— Да, вам не мешает знать еще кое о чем. Я не уверен, что тут есть какая-то связь, но кто-то очень хочет разлучить меня с этим курсом и связать с Торонтским университетом. При других обстоятельствах мне бы такое внимание польстило, но теперь, пожалуй, лучше присмотреться к яблоку — нет ли в нем червячка.

Он положил руки на плечи Алену и Нику, провожая их к выходу.

— А пока действуйте скорее как Яго, чем как Отелло, ладно?

И он с мрачной усмешкой затворил дверь.

Ален управился с работой немного раньше обычного. Вместе с Сильвией они провели приятный вечер за картами в обществе Боуменов; все четверо единодушно избегали разговоров на болезную тему. Торговля за прикуп шла непримиримо, игра развивалась остро, и после седьмого роббера разница составляла всего пятьдесят очков. Азарт словно подстегнул их, и все воскресенье Ален и Сильвия провели в лесопарковой зоне, упиваясь ее красотой и свежим осенним воздухом так, словно запасались впечатлениями на всю зиму.

В понедельник все шло как по маслу, и во вторник к началу передачи они уже спрашивали себя, не слишком ли поддались панике.

Войдя в будку, Ален почувствовал, что находится в отличной форме. Все проверки прошли гладко, аппаратура работала безупречно. Он начал с вводной части и затем приступил к разбору противоречивых мнений относительно того, можно ли считать «Ричарда II» написанным неровно. Он взбудоражил аудиторию заявлением, что Шекспир в этой драме экспериментировал, изображая две социальные прослойки. Группа прекрасно продемонстрировала два типа людей — человека действия и человека мысли. Бен великолепно изобразил слабого Ричарда, последнего в вымирающем роду средневековых королей, Пол показал динамичного Генри, олицетворение человека эпохи Возрождения.

Но вот на экране появился студент, которому показалось неуместным, что Генри в третьей сцене пятого акта прибегает к архаичной риторике. Ален включил экран своего микрофильмопроектора, ожидая, что там крупным планом появится текст. Никакого эффекта. Он снова включил экран. Тот же результат. Студент выжидательно

смотрел, другие огоньки не мигали. Тогда Ален включил аппарат, и на экране появилось его изображение. Он небрежно протянул руку к книжной полке и взял с нее экземпляр «Ричарда II».

Обыгрывая свои действия, он раскрыл книгу на нужной странице и пригладил ее рукой, потому что на самом деле любил Шекспира, а кроме того, знал, с каким почтением студенты относятся к настоящим книгам. Вместо того чтобы обратиться к Полу, он стал читать текст сам, впадая в пафос, как ото сделал бы саркастически настроенный Генри, обращаясь к своим уже немолодым тетке и дяде. Через узенькое оконце он видел реакцию Группы. Мерл послала ему воздушный поцелуй и сделала реверанс, Пол упер руки в боки, изображая гомерический хохот. Все прошло без сучка, без задоринки.

«Пронесло», — подумал он, включая другого студента и переходя к следующему вопросу. Артисты очень естественно исполнили сцену горя.

Если судить по первым лекциям, состав студентов в этом году был превосходным. Они понимали его с полуслова. Он отвечал на их вопросы, связывая несколько сюжетных линий, и лишь иногда обращался к помощи Группы.

И вдруг — он буквально окаменел в кресле — Ален услышал, как его собственный голос спрашивает:

— Но можно ли всерьез принимать слова относительно скорби, если королева говорит о ней так, как мы это видим во второй сцене второго акта? Начало еще куда ни шло, но что вы скажете насчет конца?

Его первая мысль была — хуже некуда. Все постановщики опускают эти строки просто потому, что ни одна актриса не желает ломать себе язык. Шесть человек со слюны ошеломленно смотрели на него. Вдруг Сильвия быстро подошла к Нику и взяла у него текст. Она села на массивный трон, открыла огромную книгу, отыскала нужную страницу и кивнула. Ален включил второй монитор, и она появилась на нем: жалкая, почти смешная фигурка, кажущаяся еще меньше из-за этой огромной книги и трона. Бен из-за кадра подал реплику:

« То призрачные страхи, госпожа...»

И Сильвия слабым, жалостливым голосом прочитала:

«— Нет! Призрачные страхи — порожденье
Былого горя. У меня не так.

Мое ничто само рождает горе,

Как будто бы в моем ничто есть нечто
И буду им я скоро обладать.
Я знаю лишь, что ждет меня страданье,
Хотя не знаю для него названья».

Ее исполнение мало было назвать просто хорошим — оно было отличным. И тем не менее всем в Группе показалось, что поэтический дар тут изменил Шекспиру.

Ален подхватил эту мысль и начал импровизировать, развивая ее в последние минуты лекции, процитировал несколько тяжелых оборотов и неудачных строчек. Когда мониторы погасли, он вытер со лба холодный пот и неверным шагом спустился на сцену. Вся Группа в замешательстве глядела на него.

Первой заговорила Мерл.

— Ален, по-моему, два промаха — это уже слишком. Но это был не ты. То есть ты и в то же время не ты. Ох, сама не знаю, что я говорю.

— Я слышал тебя так же отчетливо, как и другие, — подхватил Пол. — Но голос был какой-то неживой, будто у тебя челюсть свело. К сожалению, мне пришлось отойти в сторону, чтобы привести в порядок мое жабо. А наушников у меня не было.

III

Большая часть студии теперь тонула во мраке, только от двойных дверей, где один из техников Ника поместил трикон, протянулась полоса света. Теперь никто не мог пройти в студию незамеченным. В будке Ник с Аленом занялись экраном — они хотели убедиться, что нарушен контакт с модулем источника питания. Но кроме того им нужно было понять, откуда берется странный голос, который мог еще раз ворваться в передачу, не происходит ли это из-за неисправности в аппаратуре. Наконец все пришли к единому мнению, что Ален и впрямь не говорил тех слов, которые слышала аудитория.

— Я совершенно уверен, что в первый раз говорил я сам, — заявил Ален. — Но на этот раз — нет! Я даже шепотом не произнес этих слов, но они донеслись до всех вас. По-моему, любой тип электронного воздействия исключается. Что ты скажешь, Ник?

— Я слышал о проекционных устройствах, которые могут работать на ограниченном пространстве, например в студии и даже в будке, — ответил Ник. — Но они долж-

ны быть тоже подключены к сети. И для этого надо было бы замаскировать слишком сложную установку. Ничем не могу объяснить этих чудес при нашем оборудовании и в наших обстоятельствах.

Тягучее молчание нарушил Пол, который многозначительно кашлянул.

— Знаешь, я ведь слышал эти слова без наушников, и я постараюсь точно вспомнить, какое у меня было ощущение. Ты можешь назвать это передачей мыслей, если хочешь, но я убежден, что даже не слышал это в обычном смысле слова. Передача шла прямо в мозг.

Группа заволновалась, и Пол, перекрывая шум, продолжал:

— Пойдем дальше. Кое-кто из нас добровольно принес себя в жертву телепатистам, тем, кто проверяет телепатическую интенсивность. Все мы знаем, что они открыли кое-что занятное. Признайся, Мерл, сколько твоих снов на проверку оказались не вещими? Ален! А может, они решили попрактиковаться на тебе? Ты же настоящий очаг эмоций. Мы все знаем, когда ты счастлив, взволнован, сердит или сосредоточен, даже вдали от нас. — Он скрестил руки и нахмурился. — Если это не дело их рук, значит, все мы спятили.

— Никто этого не отрицает, Пол, — спокойно сказала Ольга, сидевшая рядом с Ником. — По крайней мере я. Но, может, мы больше не хотим мириться с этим, даже если не сумеем этого объяснить.

Ее поддержали, и слово взял Бен.

— Не я первый завел этот разговор, и я позволю себе присоединиться к предыдущим ораторам. Это была почти совершенная имитация голоса Алена, и все же это был не Ален. Но дело здесь не в самом голосе, а, скорее, в особой аленовской интонации. Я не знаю, кто из моих современников мог бы так имитировать голос. Самая хорошая имитация, которую я когда-либо слышал, — запись поддельных исповедей в западных архивах. Они срастили тысячи отдельных слов, чтобы состряпать из них целые заявления.

— Ник уже исключил все в этом роде, — подхватила Сильвия. — Я согласна, что это не голос Алена и даже не его мысли. У него иной ход мыслей. — Она ободряюще улыбнулась Полу. — Итак, остается версия Пола. Ну, так что же мы теперь будем делать?

Ален выждал минуту-другую, пока не понял, что добавлений или предложений больше не последует.

— Исходя из моего собственного опыта с этим «голо-сом» или как бы там его ни называть, — сказал он, — я склоняюсь к мысли, что дело здесь не в технических приспособлениях. Нельзя сказать, чтобы я недооценивал телепатистов. Пока у нас нет иного разумного объяснения, кроме того, которое предлагает Пол, давайте будем считать это определенным видом телепатии. — В этот момент в дальнем конце студии показался Сэм. Ален подождал, пока тот не подошел к сцене, и продолжал: — Первое. Если это телепат, то ручаюсь, что это студент, подключившийся где-то к сети. Его вопросы и предложения продуманны и искренни, и они типичны для студента, который действительно интересуется предметом, но не имеет достаточной подготовки. Второе. Этот кто-то почти наверняка не из Телевизионного университета. Если бы перед нами был саботаж, то под него бы подвели солидную техническую базу. Это не может быть кто-то из ученых, они не настолько несведущи, чтоб задавать такие вопросы.

При этих словах Сэм лукаво улыбнулся, но казалось, что он согласен с Аленом.

— Ну что ж, предположим, где-то в радиусе пятисот-шестисот миль у нас есть студент-телепат, — решительно продолжал Ален. — Один из шестидесяти тысяч. Где же он находится? И как предотвратить неразбериху, пока мы его разыскиваем? — Ален заметил, что члены Группы начали тихо перешептываться, а Сэм спокойно прислонился к спинке стула и явно тянул время.

Наконец из-за спины Мерл поднялся Бен.

— Пол здесь упоминал о телепатических тестах, — заявил он. — А разве у Механического экзаменатора нет установки для экзамена по психологии? — он мельком взглянул на Сэма. — Почему бы нам не привлечь Большой мозг для поисков студентов, внесенных в список нашего курса? Проверка скрытых телепатических способностей?

Сэм задумчиво погладил подбородок.

— Долгое время ты был оторван от преподавания, Бен, — ответил он. — Пусть будет по-твоему, но я не думаю, что экзамен поможет нам разгадать эту загадку. Но есть еще одна возможность. — Он сунул руки поглубже в карманы. — Если и существуют записи такого рода, то они должны находиться в отделениях Континентального компьютера. Бог знает, до чего мы дойдем, если уже сейчас при рождении ребенка в компьютер закладываются

все данные о его личности. Уж в Континентальный-то компьютер не встроен частный сканер, который может взять все данные из личной карточки. — Он повернулся к Алену и вытер пот с ладоней. — Разреши, я взгляну, так сказать, на место действия и посмотрю, что можно сделать. Стало быть, телепатисты, — пробормотал он. — А потом вы придумаете телефантом.— Ален хотел было ему возразить, но Сэм поднял вверх руку. — А сейчас помолчи и дай мне возможность пораскинуть мозгами. Когда сам разберешься, что к чему, приходи ко мне в кабинет.

И он вышел из комнаты.

После его ухода воцарилась удивительная тишина. Молчание нарушила Сильвия.

— Ален, — спросила она, — а ты не можешь ли как-нибудь не обращать внимания на этот голос? То есть ты не пытался заговорить сам, когда он говорит?

Ален покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Не знаю, выйдет ли это у меня, да и вокруг поднимется суматоха. Кто же распознает, где истинный я и что именно я должен сказать? Лучше уж совсем ничего не говорить. Ник, а мы можем отключить аудиторию, когда услышим этот голос? Или еще лучше — можешь ли на этот отрезок времени отключить будку? Или снабдить меня специальным выключателем? И видео тоже отключи. Чтобы, как только он объявится, полностью изолировать меня.

Ник кивнул в знак согласия.

— Отключись буквально через мгновение. Я думаю, тебе нужно взять все под контроль самому. Ты же знаешь, что, если у нас канал будет пустой больше чем полсекунды, мы получим страшный нагоняй. Но, пожалуй, это все же лучше, чем такая неразбериха во время передачи.

Остальные члены Группы, кажется, немного успокоились.

— Имейте в виду, что это лишь временная мера, — предупредил их Ален. — В следующий раз, когда голос вклинится в передачу, я попрошу каждого из вас обратиться на него особое внимание. Одно из двух — или мы хоть что-нибудь да узнаем о нем, или как-то заставим его замолчать.

Теперь во время репетиций ощущалось почти осязаемое напряжение. Выключатель для Алена был немедленно поставлен и опробован. Тем временем Сэм отправился

на разведку и получил немало ценной информации. В четверг вечером он встретился с Аленом и Ником.

— Ну, прежде всего эта идея насчет поисков студентов, — начал он. — Как я и думал, экзамен по психологии нам не поможет. Такие экзамены можно использовать, только чтобы давать образчики обучения или ставить специальные проблемы перед студентами, которые нуждаются в особой помощи. Считается, что все неизвестное неприкосновенно, даже когда речь идет о людях, социально неприспособленных. Конечно, телепаты — не от мира сего, но все-таки нужно слишком много личных контактов, чтобы выявить такие случаи. Затем ребята с Континентального компьютера говорят, что для получения сведений нам нужна будет специальная бумага из Международной комиссии. Даже американское правительство имеет к ним ограниченный доступ. — Сэм откинулся назад и заложил руки за голову. — И наконец, у меня есть основания заподозрить в саботаже одного человека. Пока ничего определенного, просто намеки на недовольство своим кругом обязанностей. Более подробную информацию получу в субботу вечером, когда мне придется для разнообразия повращаться в многочисленном обществе. — При этих словах Сэм изобразил недовольную мину на лице. Он не любил многолюдных вечеринок.

— Да ведь ты тоже приглашен на вечер к Сканли-нам, — внезапно вспомнил Ален.

— Да. Это уж сверх программы, — сказал Сэм. — Если ты туда пойдешь, будь осторожен и смотри в оба.

Алена словно кольнуло — он вспомнил свой разговор с Сильвией на эту тему. Встретившись с Сэмом взглядом, он понял, кого тот имел в виду.

Ник прокашлялся.

— Так, так, шутить извольте. А я здесь при деле, вот меня и не пригласили. — Он усмехнулся. — Ну, а если говорить серьезно, я проверил техников. На подозрении могут быть только двое. Один начал работать лишь в этом семестре, а другой вот уже шесть месяцев как ушел. Первый давно уже должен был получить свидетельство высшего класса, но прыгал с места на место. Не ладил со своими шефами. Второй получил свидетельство этим летом и явно метит на оператора. Он сейчас где-то на эпизодических съемках ДТУ.

— Скажи, кто это, — я им займусь. А ты присматривай за новичком, — спокойно сказал Сэм. Он пошарил по столу, взял катушку с пленкой и вставил ее в проектор. —

Последние новости насчет визита обозревателей, — пробурчал он. — Теперь мы точно знаем, что они будут здесь через две недели, со среды до пятницы. Прослушают полностью проработку одной лекции. У нас будет брать интервью Рафферти. Он чрезвычайно упрям и дотошен, но в то же время очень справедлив. Я думаю, это неплохо.

Слишком хорошо, чтобы в это можно было поверить. Лекция уже подходила к концу, и дело шло на лад. Может, оттого, что все были начеку, атмосфера была очень напряженной. Группа превзошла самое себя по части интерпретаций. Пол, например, в сцене смерти Ричарда был бесподобен. После того как он представил лицемерного поэта-философа, оплакивающего свой жребий и слишком поздно пробудившегося к действию, и перед зрителями воочию предстал чудовищно трагический отблеск скрытого, но пылкого величия, спорить было уже не о чем. На какое-то мгновение, пока слушатели были захвачены мыслью об утраченных потенциальных возможностях Ричарда, наступило молчание, но потом посыпались вопросы студентов. Ален поздравил бы себя с удачей, но он слишком хорошо помнил, что в двух предыдущих передачах неожиданности начались перед самым концом. И он как бы раздвоился: одна часть его существа активно участвовала в дискуссии, давала ответы, работала со студентами, а другая — в холодном отдалении наблюдала и ждала.

Когда вмешательство наконец произошло, Ален так быстро отреагировал, что потерял совсем немного времени. Потом они вернулись к старому, и он гладко закруглился. Еще через две минуты они отключились от сети, он вышел из будки и направился к сцене. Большая часть техников не имела представления, что случилось нечто серьезное. Группа окружила его, начали болтать и отпускать разные замечания. Поводов для особого ликования, казалось, не было, но все были возбуждены — наконец-то можно двигаться дальше. Как только они успокоились, Ален решил выяснить, что думают об этом эпизоде его товарищи.

— Ну прежде всего теперь мы знаем наверняка, что это был не я, — сказал он.

Сильвия прервала его:

— Ну, может, каких-нибудь четыре-пять слов звучали, как будто ты их произнес.

— Я убежден, что сразу же отключился, — ответил Ален. — Голос только-только начал спрашивать что-то вроде: «Разве перед нами не текстологическая проблема, здесь, на странице...»

— Вот-вот, как раз когда Ален сказал «на странице», все и началось, — вставил Пол. — А потом голос пробормотал извинение. Я отчетливо слышал.

Ольга буквально сгорала от желания вставить хоть словечко.

— Да это же девушка! Слышали, как изменился голос, когда она поняла, что сделала ошибку?! Что бы там ни было, но, когда в сети зазвучал ее голос, она смутилась.

Ален попытался ее успокоить.

— Я хотел обратить ваше внимание вот на что. Когда я отключил кабину, то отключился и голос из сети, но изменения произошли, когда она разволновалась. Ну а теперь самое главное — знает ли она, что делает?

Все начали перешептываться, но никто не решался говорить. Наконец Ник сказал:

— Я в этом не уверен. Она вполне может и не знать. То есть она заставляет тебя задать тот вопрос, который сама хочет слышать. Но если все происходит неосознанно, то не слишком ли много совпадений?

Сильвия выразительно пожала плечами:

— Когда Ален говорит то, о чем я думаю, я не нахожу это необычным. Если вы видите, что это происходит постоянно, у вас может развиться комплекс неполноценности, но вы также можете и решить, что именно так устроены все люди.

— Ну, это, скорее, задача психиатра, а может, даже специалиста по телепатии, — заметил Ален. — Но ты, Ник, хотел нам сказать что-то еще.

Ник, казалось, был не в духе.

— Ну, если уже вы всерьез принимаете эту телепатию, то у меня руки развязаны, — пробормотал он. — Я хоть сейчас могу указать, где она находится.

Он махнул рукой куда-то на северо-запад.

Никто не засмеялся. Никто даже не улыбнулся, а Мерл заметила:

— Могу еще кое-что добавить. Она близорукая. Носит очки с толстыми стеклами. — При этих словах у Алена где-то в глубинах мозга возникло туманное мимолетное видение: в тот момент, когда его рука лежала на выключателе и он понял, что неведомый голос стал слабее и

наконец исчез, изображение расплылось, сделалось почти неразличимым, пока не было наведено на фокус, будто кто-то занимался настройкой проекторных линз. Именно тут голос задрожал, изменился и принес извинения.

— Она молодая, близорукая и очень боится людей вокруг нее, — продолжила Мерл. — Надеюсь только, что мы ее не потеряли.

— Меня гросто ошеломило исходящее от нее сильнейшее ощущение страшного одиночества, — с легким вздохом сказала Сильвия. Она положила руку Алену на плечо. — Не знаю, было у тебя такое чувство или нет, но я совершенно уверена, что она не хотела причинить нам никаких неприятностей. И я прошу тебя, чего бы это нам ни стоило, давайте и мы попытаемся не делать ей вреда.

Все открыто поддержали ее, и Ален почувствовал, что здесь нужно действовать очень осторожно. Будь что будет, но они должны найти ее скорей, как можно скорей.

IV

Спокойно отобедав в квартире Алена, они принялись смотреть в окно — как грозовые тучи сомкнутым строем неустанно заволакивают небо над равниной. Сильвия уютно свернулась клубочком рядом с Аленом, словно защищаясь от стихии, хотя оба они понимали, что их тревожит не стихия, а грозящие им беды. Наконец Сильвия выпрямилась и с деланным смехом откинула назад волосы.

— Мне только что пришло на ум, что погода совсем такая же, как в третьем акте «Короля Лира», — сказала она. — И тут я вдруг поняла, какое воздействие оказывает на нас вся эта история. Но когда сравниваешь наши проблемы с теми, которые ставятся в пьесе, видишь некоторую разницу, верно?

Ален, у которого мелькнула та же мысль, ответил:

— Да. И дело не только в том, что наши проблемы намного мельче, но я подумал — насколько бы выиграл Лир, если бы Сэм с Группой ему помогли.

Сильвия от души посмеялась над этим.

— Представляешь себе Сэма в роли шута короля Лира?

Ален не мог удержаться от улыбки, представив Сэма в шутовском наряде, но потом снова стал серьезным:

— Невероятно, — за такой короткий отрезок времени так много событий. Но главное — только бы эта история

не выбила нас из колеи. Даже если мы не решили загадки, мы как-то приспособились к положению и как будто немного научились предвидеть события.

Сильвия встала и начала рассеянно перебирать записи, а Алэн просматривал свою личную карточку.

— Насколько бы я была счастливее, если б мы могли решить один вопрос, — сказала она. — Узнать, кто скрывается за всем этим, или хотя бы убедиться, что Сэм нас не бросит в беде. Вот приедут обозреватели. С каждым из них и так хлопот не оберешься, а тут еще непрошенный гость, который вклинивается в наши передачи.

Алэн мерил шагами пространство перед окном: его не успокоили тихие звуки гитары вдалеке.

— Может, у нас ничего и не прояснится, — сказал он уже веселее, — но Ник или Сэм к завтрашнему дню узнают что-нибудь новенькое.

Как бы в ответ на эти слова они услышали шум открываемой двери и увидели улыбающихся Ника и Сэма.

— Взгляните-ка на эту симпатичную карту, — с усмешкой произнес Ник. Он подошел к низенькому столику перед кушеткой и разложил на нем большую карту среднеконтинентальной сети. Когда остальные собрались вокруг него, он ткнул в точку, обозначающую Телевизионный университет.

— А теперь представьте, что я разложил эту карту на полу студии, и мы получим кое-что интересное. — Он провел легкую линию на северо-восток, в степные области бывшей Канады. — Ориентировочно в этом месте от трех до пяти аудиторий. На всякий случай примем пять. Значит, сюда входят Беатрис, Бассет, Пьер, Рапид-Сити, Майлс-Сити, Виллестон, Бисмарк и, может быть, Мино или Регина. Но я почти голову даю на отсечение, что это Беатрис, Бассет или Майлс-Сити.

Алэн стал рассматривать карту, едва поспевая за ходом своих мыслей.

— Как бы нам сузить круг возможных аудиторий, но чтоб действовать наверняка? — задал он вопрос, скорее всего, самому себе. — Что нам, во время занятий наносить визиты каждому персонально? И засечем ли мы таким образом нашу девушку?

— Добрую половину аудиторий, что ты наметил, можно п не прощупывать, — сказал Ник. — Мы все настолько увлеклись удаленными объектами вроде Большого мозга и Континентального компьютера, что пропустили самое явное и бросающееся в глаза. Ты говорил о телепатиче-

ских тестах. Они охватили этими тестами студентов и преподавательский состав в юго-западном и северо-западном квадрате, а сейчас прочесывают северо-восток.

— Имен мы от них не добьемся, — вставил Сэм, — но они нам скажут, есть ли субъекты с большим потенциалом телепатической энергии в тех аудиториях, о которых мы говорили. И отметят, кто там обладает скрытыми телепатическими способностями.

— И когда мы об этом узнаем? — спросил Ален.

— В понедельник утром, — быстро ответил Сэм. — А к тому времени, я надеюсь, мы разработаем точную методику опознания студентов. — Они с Ником направились к выходу. — Увидимся на вечеринке у Сканлинов, — бросил Сэм.

— Мало опознать ее, — задумчиво проговорила Сильвия, когда они неторопливым шагом опять пошли к кушетке. — Но как мы вступим с ней в контакт и что случится потом — вот что меня действительно беспокоит.

Ален протянул руку и нажал кнопку «Свет медленно гаснет».

— Я буду думать об этом во время уик-энда, — сказал он. — Это уж мое дело, поскольку она выбрала в качестве объекта именно меня. И я постараюсь отнестись к ней потеплее.

— Но, пожалуйста, не слишком тепло, — лукаво заметила Сильвия, прижавшись к Алену. — Держу пари, она уже сокрушила молодца.

За окном яростно бушевала буря, но в ней больше не было чего-то угрожающего. Она подбадривала, веселила, словно перебирала струны гитары, — она была аккомпанементом все еще слышимой где-то вдали музыке.

Вечеринка у Сканлинов проходила под аккомпанемент совершенно иного рода, вызвавший немало шума. Будто из семидесятых годов вынырнуло трио «живых» музыкантов и расположилось в одном углу, а настоящий буфетчик-профессионал — в другом. Буфетчик делал коктейли в специальном автобаре, и Алену пришлось признать, что они вкуснее обычных, набранных на диске. Сканлины арендовали для вечера специальное помещение.

— Вот теперь я верю слухам насчет постоянных скидок на налоги, которые эта семья умудряется получать, — заметила Сильвия. Через всю комнату, заполненную гостями, она глядела на Дебору Сканлин, которая

стояла в окружении восхищенных мужчин и сопровождала свои слова томными жестами, обрисовывавшими контуры ее фигуры.

— И никакие законы на них не распространяются, — добавил Ален, оторвавшись от бокала. — Чего у нее только нет!

Но вот миссис Сканлин поймала их пристальный взгляд, бросила какую-то реплику, вызвавшую взрыв смеха, послала поцелуй своим обожателям и начала грациозно прокладывать себе путь через скопище гостей.

— Добрый вечер, дорогие мои, — зазвенела она. — Ну, как ваша жизнь? Мне казалось, что мы виделись не так давно, а впрочем, держу пари, что тому уже больше года. Но у меня перед вами преимущество. Я-то вас вижу два-три раза в неделю.

Ален, казалось, удивился.

— Вы имеете в виду мои лекции? — спросил он.

— Я их не пропускаю, — ответила Дебора. — Помому, это отличный способ заполнить время между отпусками. И ведь в познавательном смысле эти лекции дают больше, чем Коммерс видео, верно? Ну и, конечно, ваши — особенно хороши. Да к тому же вы, я, Дон — все мы любим Шекспира.

Сильвия ответила ей с чуть заметной издевкой:

— О, как приятно встретить человека, который слушает лекции из внутренних побуждений, а не из чувства долга.

Глаза у Деборы сузились, и Ален с тайным любопытством следил за тем, когда кончится пикировка и начнется настоящая битва. Было ясно, что эти двое дурачат друг друга. За светской болтовней скрывалась явная враждебность. Предстояло нечто занятное, но внезапно появился Дон Сканлин, встревоженный, приторно-любезный, поздоровался с ними и подвел к общим знакомым.

Их разговор прервали вновь пришедшие, и Ален с Сильвией воспользовались этой возможностью, чтобы отойти и смешаться с другими гостями.

Время шло быстро, и они с удивлением обнаружили, что встречают людей, с которыми не разговаривали буквально годами. Однако через некоторое время Ален заметил, что немногочисленные гости из числа управленческого персонала принадлежали в основном к сектору

«Три-Вид», и задумался, понимает ли кто-нибудь еще, кроме него, что все это значит. Он заметил и то, что Дебора обращает на этих людей особое внимание. Ален уже почти было решил, что они не узнают ничего важного, и отправился в бар за последней порцией горячительного, но там он встал в очередь у стены за двумя должностными лицами, поглощенными своим разговором. Ожидая, когда подойдет его очередь, Ален услышал, как один из них с воодушевлением заявил:

— Хотелось бы мне посмотреть, что из этого получится. Ведь это абсолютно новый подход к шекспировскому курсу, и у Сканлина на сей счет есть кое-какие идеи.

Его собеседник от души расхохотался и сказал:

— Ох, бросьте! Вы только что мне говорили, что вам здесь надоело и что, может, вы примете предложение Всемирных коммуникаций. Но, между нами, Джоз, вы считаете чистой случайностью, что семья Деборы Сканлин получает столько кредита от этой корпорации?

Ален взял напитки и не стал ждать, пока на него обратят внимание. Он не мог не слушать этот разговор, но подслушивание ему претило. И все же это была ценная информация, над ней стоило поломать голову, и позже, уйдя с вечеринки, они с Сильвией решили, что отдельные детали составляют вместе цельную картину. Было совершенно ясно, что Сканлины начинают мощную кампанию по выдвижению Дона в «Три-Вид» и что их конечная цель — шекспировский курс.

— У меня нет никаких доказательств, но я совершенно точно знаю, что это прежде всего идея Деборы, — взволнованно сказала Сильвия. — Дон без сомнения хочет кое-чего добиться, но не думаешь ли ты, что его на это толкают?

У дверей квартиры Сильвии Ален остановился в задумчивости.

— Когда ты хочешь представить Дебору злодейкой, гобой руководит чисто женское начало, — сказал он с улыбкой, но в то же время серьезно. — Впрочем, в ситуации, которая сейчас вырисовывается, действия Дона действительно могут произвести такое впечатление. Будь он руководителем или даже рядовым заговорщиком, ты бы решила, что он по меньшей мере так же самоуверен и неискренен, как Дебора в присутствии зрителей. К тому же во всех нас — лекторах — есть немало от плохого актера. А ты должна признать, что Дон — один из первоклассных.

Стоя у открытой двери, Сильвия вздрогнула и взяла Алена за руку.

— Останешься? — тихо спросила она, и он молча кивнул.

Понедельник был заполнен суетой, так как Группа готовила первую передачу по первой части «Генриха IV». Почти все воскресенье в квартире Алена прошло в спорах, которые обычно бывали в студии, и Алэн заметил, что каждый старается подойти к постановке по-новому, чтобы быть готовым к возможным вопросам из аудиторий. Наконец он попросил слова.

— Не стоит менять контуры постановки, которые мы так долго и с таким трудом намечали, — строго сказал он. — Если девица опять вмешается, мы подготовимся к этому как можно лучше, но нужно, чтобы другие студенты придерживались методов, которые они начали изучать, и сами использовали бы их.

Последовала неловкая пауза, потом общее, хотя и робкое согласие.

Затем началась напряженная работа, как это было издавна заведено в Группе. Им нужно было работать до тех пор, пока изменения и добавления не становились органической частью постановочного цикла.

К девяти часам, когда выяснилось, что из восьми аудиторий только в двух могут быть девушки с невыявленными телепатическими способностями, кабина Алена превратилась буквально в улей. Ник с Аленом решили, что уж теперь-то они будут смотреть в оба, и пришли к выводу, что два монитора нужно подключить к открытой сети — к аудиториям Бассета и Майлс-Сити. Во время передачи Алэн сможет держать их под наблюдением и даже контролировать триконы, чтобы крупным планом давать всех прямо из будки, минуя операторов.

— Сегодня вечером, попозже, ты попрактикуешься в этом деле, — сказал Ник, — а я тебе все отлажу, сделаю аварийное устройство и подготовлю для утренней передачи. Ну а сейчас пора освобождать место для вечерней смены.

Но вместо того чтобы не торопясь поесть, Алену пришлось идти в кабинет к Сэму.

— Сядь и послушай кое-что новенькое, — сказал ему Сэм. — Скажи, что тебе выложить сначала — хорошее или плохое?

Ален тяжело опустился на стул и вытянул ноги.

— Давай сначала хорошее, — вздохнул он. — Не думаю, чтоб я пока был способен воспринять плохое.

Сэм вытащил из тайника сигару, зажег ее, наклонившись вперед, и с явным облегчением стал попыхивать.

— Может, ты и не скучал по мне на вечеринке, — сказал он с деланной скромностью, — но я был в Торонто. В прошлую пятницу вечером правительство передвинуло обсуждение бюджетных наметок на две недели, и в субботу было экстренное заседание. Университет в Торонто все тянул, тянул, но вот пришла пора принять решение. Ну, несколько часов как всегда ходили вокруг да около, я дал им выговориться по вопросу о том, почему они должны примкнуть к восточной сети. В конце концов они попались на удочку. Я победил, выиграл в этом соревновании. А от них я отделался. Это было единственно правильное и реальное решение.

— Ну а плохие новости? — спросил Ален.

Сэм сразу сник и протянул Алену какую-то бумажку. Молча прочитав ее, Ален в раздумье посмотрел на нее, а потом, присвистнув, отдал бумажку Сэму.

— Это может обернуться большой неприятностью, а может и быть улажено буквально за несколько минут. Все зависит от того, кто возбудил дело — союз или кто-то наверху, — сказал Сэм.

Содержание записки не оставляло места для криво толков. Союз жаловался, что Ник выполняет обязанности, не предусмотренные контрактом. Он мог быть или режиссером, или оператором, но не тем и другим одновременно. Если не очертить сразу же круг его обязанностей, этот всех операторов потянет от камер. Но из-за предыдущих разрывов контрактов боялись прибегать к прямым угрозам, и, как понял Сэм, немалую роль здесь сыграл Ален.

— Да, я хотел бы, чтоб он был п режиссером, — сказал Сэм. — Но я всецело оставляю это на твое усмотрение. Он готов к этому назначению?

Ален устало поднялся.

— Он уже год как готов, — ответил он. — Но было бы идеально, чтобы он остался и оператором. Надеюсь только, что все это к добру.

Сэм протянул руку к телефону:

— Я получу его новый контракт, его уже спустили вниз. Скажи Нику о продвижении и выясни его мнение насчет техника, о котором мы говорили. Если он нравит-

ся Нику и союз даст «добро», то мы его продвинем временно, пока он не покажет свидетельство первого класса. А я пока подмаслю кое-кого из моих друзей в союзе исполнителей.

Сэм начал звонить по телефону, и Ален направился к выходу, раздумывая, что ему делать: пойти позавтракать или зарыться в груды бумаг в своем кабинете, вернуться домой и перечитать наброски тезисов или думать о том, как бы заменить новые решения старыми. Начало сказываться напряжение.

Во вторник утром в ожидании событий атмосфера совсем накалилась. Ален начал лекцию с рассказа об истории времен Елизаветы, заметив, что Шекспир, начиная с первой пьесы, хотел написать целый цикл пьес о войне Алой и Белой розы. Для иллюстрации мысли о том, что одна пьеса Шекспира предвосхищала другую, он использовал артистов Группы. Так они перескакивали от одной пьесы к другой. Студенты были хорошо подготовлены и критически настроены, и дискуссия с событиями времен Шекспира перенеслась на те исторические факты, которые бард нашел в древних хрониках, искусно обработал и развил в великолепную драму. Потом зашел разговор о ходе действия и функциях действующих лиц, и Ален мастерским поворотом темы подвел дискуссию к тому, что кульминационный момент лекции пришелся как раз на анализ образа несравненного Фальстафа. Затем в соответствии с планом передача кончилась. На этот раз все обошлось без вмешательства извне.

Группа почувствовала безмерное облегчение, которое быстро сменилось состоянием подавленности, прежде всего у женщин. Мерл громко спросила:

— Наверное, та девушка со страха перестала посещать шекспировский курс?

Ален заметил, что обе аудитории при свете мониторов казались заполненными целиком, но согласился, что это еще ничего не доказывает.

— Может, она просто решила больше не задавать вопросов? — сказала Ольга, обуреваемая противоречивыми чувствами.

— А может, мы, женщины, так реагируем на все это потому, что в следующей передаче нам придется отойти на задний план? — спросила Сильвия, заставив Алена задуматься о том, что их ждет.

Ален с сожалением вспомнил, что он действительно не позаботился о том, как бы для прогона в пятницу добавить в Группу еще мужчин. «Генрих IV» больше, чем какая-либо другая пьеса Шекспира, была мужской, и ее нужно было делать с людьми со стороны. Вряд ли будут особые осложнения с Джеком Керби, чей превосходный Фальстаф великолепно противостоял Полу — Хелу, принцу Уэльскому, но Ален был намного менее уверен в новом Хотспере и в ратниках фальстафовского отряда, взятых со стороны. Ален заверил женщин, что, если они хотят, их не будут показывать крупным планом, хотя сам он предпочел бы, чтоб их показывали. Артисты ушли окрыленные, и Ален решил, что репетиция в среду будет еще более напряженной, чем сегодняшняя передача. Но в одном он был твердо уверен, хоть и не мог бы объяснить почему, — что девушка не исчезла и что рано или поздно ее подыщут на то, чтобы она задала еще какой-нибудь каверзный вопрос.

V

Следующие два дня были заполнены лихорадочной деятельностью, так как Группа, работая в обычном составе, пыталась обезопасить себя от всяких неожиданностей. Чтобы сосредоточиться на предстоящей передаче, Ален на время отодвинул в сторону множество других дел и отмечал в репетиционных дополнительных время, затраченное артистами, — деятельность эта была для него непривычной, и из-за нее он нажил немало косых взглядов. Но все знали о предстоящем визите обозревателей и решили, что именно они строят козни Группе. Впрочем, это ошибочное мнение Ален не оспаривал, даже когда его высказывали ближайшие его помощники.

Вновь прибывшие артисты были удивлены тем, как много от них требуют. Даже Джек Керби после одной репетиции, вытирая полотенцем мокрое лицо, заметил, что ему никогда не приходилось так потеть — в буквальном, а не в переносном смысле. Под конец артисты со стороны неохотно признали, не в силах сдержать восхищения, что если для достижения вершин нужны такие усилия, то Группа воистину заслужила свою завидную репутацию. И снова Ален не пытался их разуверить. Уж он-то знал — как, впрочем, и все члены Группы, — что им еще далеко до совершенства, но что если они серьезно относятся к своему делу, этот опыт будет для них полезен.

Короче говоря, к пятнице они были уже укрощены и стали сговорчивыми, а главное, были готовы решительно ко всем неожиданностям. Даже самые бездарные из прошлых актеров были заняты сверх головы и очень дорожили чувством причастности к Группе.

Ален начал лекцию с подведения итогов предыдущей дискуссии, а потом развил собственную теорию насчет того, что Шекспир, великий эконом, создавая фигуру Фальстафа, по счастью, отступил от своих же правил. Когда Ален с помощью студентов обнародовал сведения о широком круге обязанностей, которые, согласно пьесе, были у толстобрюхого рыцаря, всем стало ясно, почему Фальстаф вырос в не поддающуюся контролю фигуру и грозил затмить всех остальных действующих лиц. Для иллюстрации этого положения Пол и Джек Керби сыграли несколько сцен с участием Фальстафа и принца, и с каждой новой обязанностью Фальстафа, конечно, становился все более выпуклым.

Все шло настолько хорошо, что Алену, в сущности, не приходилось затрачивать усилий, чтоб добиться активности студентов. Предметом дальнейшего разбора был характер самого Хела, и Пол дважды произнес свой первый монолог: сначала подчеркнул необузданность и в то же время благородство молодого принца, а затем дал его в виде эгоистичного, бездушного и расчетливого заговорщика. Пол с таким блеском проделал это, что студентам был предоставлен широкий выбор между двумя трактовками. Разбирая пьесу, Ален приступил к сцене победы Хела над Хотспером и перешел к монологу над поверженным телом героя. Картина становилась все более четкой, и другая интерпретация была уже невозможна. Это замечательно отвечало целям лекции.

Теперь кульминационным пунктом пьесы студенты назвали вторую сцену третьего акта. Здесь, в тематически решающем месте пьесы, король Генрих наконец встретился с Хелом, и Хел был вынужден сказать вслух о своих истинных намерениях, которые он так долго таил, прикрываясь взбалмошными действиями. Бен и Пол проиллюстрировали две интерпретации: сначала Бен представил как старый разгневанный король, одержимый своей виной, а Пол дал Хела в виде блестящего, но неуравновешенного юноши, охваченного чрезмерной гордыней, потом он представил принца как умного, но бессердечного тактика, который рассматривает людей и честь лишь с утилитарных позиций. Под конец обозначилась некая не-

маловажная деталь, благоприятствовавшая первой интерпретации, и Ален уже склонялся было к тому, чтоб завершить лекцию речью Хела в финале, как вдруг Мерл шепнула ему по интеркому:

— Вот опять.

Ален тотчас же отключил будку от сети, бросив взгляд на два монитора, и разом поймал на них мимолетное отображение двух девушек, одна из них — с толстыми стеклами очков. Как и прежде, ее голос прошел в сеть, как шел и его голос, и, пока он увеличивал оба изображения, он мучительно гадал, которая из двух.

— Вы нас познакомили с обычными интерпретациями, которые были приняты в течение многих лет, — произнес голос, хотя Ален тщетно пытался уловить движение губ девушки. — А не может быть такое: Хел — циник чистой воды, и король Генрих ловит его с поличным, что ли, когда он осуждает его за то, что тот способен на предательство по отношению к отцу? Не лучше ли было бы королю тогда уклониться от разговора, а потом изменить свои планы?

Не зная, какое решение принять, Ален вынужден был признаться, что этот вопрос свидетельствовал о глубокой пронизательности, и внезапно он понял, какая из девушек задала вопрос. Текст! Она еще читала подлинный текст «Ричарда II» в аудитории, и у нее на коленях тогда лежала толстая старомодная книга. Он почти случайным жестом опять включил будку, перенес ее изображение на экран и дал звук.

— Простите, — мягко сказал он, — но я не думаю, что ваш вопрос слышали в других аудиториях. Пожалуйста, повторите его.

На какое-то мгновение наступило томительное гробовое молчание, и Ален увидел, как ширятся глаза девушки за толстыми стеклами очков, как растет в них ужас. Пол и Бен смотрели на будку, словно приросли к своим местам. Потом, сглотнув, девушка начала говорить, дрожа от страха. Но как только ее голос набрал силу, он прозвучал мягче, чем неделю назад, когда она исчезла. Ален подхватил ее вопрос, сделал упор на его самобытности, нарочно, чтоб ободрить девушку, но в то же время не слишком ей польстить. Краем глаза он увидел, как Бен подал ему знак, и для проверки собственных теорий без дальнейших обсуждений включил сцену. А тем временем по интеркому он немедленно вызвал Ника и крикнул ему:

— Немедленно отправь Сэма к инструктору в аудиторию Майлз-Сити. Нужно как можно скорее доставить девочку сюда. Но, ради бога, не напугай ее до смерти. Когда она оказалась перед камерой, я думал, она вот-вот упадет в обморок.

В соответствии с творением великого драматурга Бен сделал умышленную паузу и пригвоздил Пола уничижительным:

«Но что я говорю тебе об этом?
Зачем толкую о врагах тебе —
Ближайшему, заклятому врагу?
Ведь допустить легко, что рабский страх,
Дурные страсти иль досады приступ
Тебя заставят, как наймита Перси,
Со мной сражаться, ползать перед ним
И угождать его порывам гневным,
Доказывая, как ты развращен».

Пол удивленно и виновато посмотрел на него и, запинаясь, произнес:

«Не говорите так; не быть тому!
Прости, создатель, тем, кто от меня
Так благосклонность вашу отвратил!»

Потом, умело переменив тему разговора, он выпалил:

«Все искуплю я головою Перси...» —

и полились риторические строки к эффектной, хотя и чуть-чуть неправдоподобной кульминации. Это производило впечатление, было очень заманчиво, но, несмотря на совершенное искусство подачи, не вполне убедительно. Ален легко перешел к выводам по пьесе, не выпячивая ее достоинств, и с радостью увидел, что девушка спокойно делает записи. Это конец или, скорее, только начало, — решил он, так как передача кончилась, и он пошел на сцену.

Джек Керби и другие артисты в замешательстве смотрели на него.

— В чем дело, Ален? — спросил Джек, но Ник торопливо прервал его: — Прекрасный ход! Я велел техникам сейчас же отключиться от сети. — Ален невинно улыбнулся, и Джек, бегло взглянув на своих товарищей, сказал: — Да, действительно, прекрасный ход. Таким путем ты дал возможность Бену и Полу хоть немного подготовиться к ответу на вопрос.

Когда все остальные отошли, Джек сказал:

— Что бы там ни было, а я считаю, что теперь ты разгадал свою загадку. Но сделай мне одолжение. Если и в следующий раз будет какой-нибудь непорядок, дай мне знать заранее.

Ален усмехнулся:

— Когда все наконец выяснится, Джек, обещаю, что я приглашу тебя пропустить рюмочку-другую и расскажу все как на духу. Спасибо за помощь, а когда вернешься в Нью-Йорк, то повеселишься на наш счет.

Они пожали друг другу руки, и Джек ушел. Группа собралась возле Алена, но вот на пороге студии появился Сэм, который поторопился поделиться новостями:

— Ее зовут Дженет Гански. Она студентка второго курса и неохотно приняла предложение участвовать в эксперименте, который начнется у нас с понедельника. Ее на неопределенный период освободили от слушания остальных курсов. В воскресенье мы предполагаем ее «умыкнуть». Сильвия, комната рядом с тобой свободна, и из-за интимного характера этого... гм... эксперимента вместо студенческого общежития ее водворят сюда. Ольга и Мерл, надеюсь, вы приютите ее.

Перекрыв взволнованный гул голосов, Сэм сказал Пику:

— Если бы тебе захотелось подписать кое-какие бумаги в моем кабинете, Группа могла бы поздравить своего нового режиссера. Ален, доложи вкратце насчет нового бюджета и насчет того, почему шекспировскому курсу помимо старшего лектора нужен еще и режиссер.

Сэм с Ником отошли в дальний конец студии, а остальные тем временем забросали Алена вопросами. Наконец Ален с Сильвией пошли в деловую комнату в кафетерии, чтобы подумать о том, как подготовиться к встрече с мисс Дженет Гански.

Просматривая записи в своей книжке — те, что были набросаны за последние несколько часов, Ален с отсутствующим видом потягивал кофе, приготовленный Сильвией. Он понимал, что написанная им докладная записка — не шедевр, но если при пристальном изучении этого документа никто не закусит удила, то все сойдет. Он отдал бумагу Сильвии.

— Наше прошение о дотациях, которому Сэм уже дал ход, — сказал он. — Что ты обо всем этом думаешь?

Сильвия прочитала и одобрительно кивнула.

— Что ж, по-моему, веско, — сказала она. — «Опыт использования студента-консультанта во время производ-

ственного процесса». Знаешь, я понимаю, что ты это проворачиваешь для мисс Гански. И все же я не перестаю удивляться всему этому. Почему же раньше не прибегали к помощи студентов?

— По-моему, это уходит корнями в прошлое, в эпоху семидесятых годов, — сказал Ален, — когда при старой университетской системе студенты стремились к большей самостоятельности, но все это привело к плачевным результатам, и от старой системы пришлось отказаться.

— Я слышала, что Бен говорил о тех временах, — сказала Сильвия, — и все же не могу вообразить, как это было. Не могу представить, как получали диплом без этих бесконечных курсов ДТУ, из которых можно выбирать необходимое, без того, чтобы слушать лучших старших лекторов и работать с ними над творчеством мастеров.

— Ну ты-то извлекла из этого пользу, — рассмеялся Ален. — В личном плане ты добилась неограниченной демократии, но проявила неограниченный деспотизм, когда доказала, что умеешь пользоваться преимуществами своего подчиненного положения.

Сильвия смутилась, но потом кокетливо пожала плечами.

— Я довольна своим личным деспотом, и, кажется, студенты довольны. А теперь давай подумаем, как сделать, чтобы встреча Дженет Гански с Группой прошла как можно более плодотворно.

— Мне тут пришло в голову, — сказал он, — нельзя ли устроить так, чтобы люди в понедельник приходили по одному, по двое и в определенное время? Чтобы Дженет легче было войти в коллектив. Можно договориться, кто из женщин встретится с ней в воскресенье и в каком часу. А на следующий день ей на голову сразу свалятся Бен, Ник и Пол. Мы с тобой встретим ее, Ольга будет ждать ее в номере гостиницы, а Мерл заглянет после того, как Дженет уже немного устроится. Ну как?

— Я думаю, что все пойдет как по маслу, — добавила Сильвия. — Доверь все мне, и она будет чувствовать себя совершенно свободно.

Так они и сделали, и все действительно пошло как по маслу.

Встретившись с Дженет в воскресенье во второй половине дня, Ален и Сильвия на первый взгляд не заметили в ней ничего особенного. Фигура у нее была неприметная, рост средний, легкие каштановые волосы и карие глаза. Дженет обещала стать хорошенькой. Она принад-

лежала к такому типу женщин, которым необходимо элегантно одеваться и употреблять косметику. Но если в ней и было что-то по-настоящему привлекательное, то все это было сведено на нет тяжелыми старомодными очками. Когда Сильвия с Аленом приблизились к Дженет, она поразила их своей неуверенностью и боязливостью. Было ясно, что с помощью очков она отгораживается от внешнего мира. Они делали все, чтобы она чувствовала себя раскованно, болтая о ее поездке, о работе, но Дженет по-прежнему напоминала беззащитное животное, испугавшееся людей, которые взяли его в плен. Пока еще ничего не было сказано о ее телепатических способностях, но все знали, что рано или поздно об этом придется заговорить — вот почему они ощущали напряженность. Когда они пришли в комнату Сильвии, Ален оставил женщин одних.

Мерл и Ольга легко наладили контакт, и Дженет наконец поняла, что ее не собираются подвергать жестокому допросу. Казалось, девушка отнеслась к членам Группы спокойно и дружелюбно, а под конец даже предоставила им возможность позабавиться на ее счет, заказав коктейль из креветок.

Когда Ален попозже заглянул к Сильвии, Дженет уже успела отдохнуть и разложить вещи. Ален признался ей, что они прежде всего хотят под любым предлогом заполучить ее для Телевизионного университета. Сейчас артистам пришлось действовать как бы по наитию свыше, но вообще они хотели бы тем или иным путем использовать ее талант.

Внимательно выслушав Алена, Дженет ответила ему такой же откровенностью:

— Первый раз я задала вопрос не подумав. Я ведь ненавижу выставляться напоказ. Я уже давно заметила, что могу заставить других людей делать то, что я хочу. Но в тот раз вокруг меня были просто студенты, и вот тут-то я почувствовала, что совершаю ошибку. И дело не только в вас, профессор Хэмилтон. Раз уж я установила контакт, то я чувствовала всех, кто был за вашей спиной. Это меня испугало. И больше всего — клубок мыслей и чувств других людей. Я не хотела их знать. Когда я была девчонкой, то чуть было не заболела нервным расстройством, до того отвратительными и страшными были эти мысли. — Она замолчала и сжалась, точно ее бил озноб. — Во второй раз я совсем не собиралась задавать вам вопрос, но тут было уже другое. С вами-то мне было легко,

но я задала вопрос прежде, чем успела подумать. — У нее был виноватый вид. — Надеюсь, что все обойдется, — продолжала она. — Когда мы установили контакт в первый раз, у меня было такое чувство, словно произошло короткое замыкание. Как будто поток мыслей лился помимо моей воли. Раньше со мной ничего подобного не случилось. Потом я почувствовала, что причиняю вам много неприятностей. За вашей будкой все пришло в движение, как если бы вы вспугнули стаю птиц. И еще я уловила скрытое раздражение. Я бы никогда не заставила вас выслушать меня в третий раз, но я с головой ушла в книгу и даже помыслить не могла, что думаю вслух, а потом было уже слишком поздно, и я сделала ошибку, а дальше уже не могла остановиться.

Она опустила глаза вниз, теребя пальцами отделку платья. Потом с робкой улыбкой взглянула на Алена.

— Хуже всего было то, что тут я ощутила какое-то странное торжество в соединении с любопытством, но не могла собраться с мужеством и снова попробовать свои силы, пока вы не выставили меня прямо на обозрение тысячам зрителей. Честно говоря, я чуть не умерла на месте. Где вам знать, что это такое — когда люди прикасаются к вам взглядом, будто поймали вас, будто вы муха в паутине.

Она в упор посмотрела на Алена. Внезапно его словно обожгло — он ощутил, как ее мысли врываются в его сознание. Сильвия вскочила и оттолкнула Дженет.

— Простите, — еле выдохнула девушка. — Я не должна была этого делать.

— Нет, — ответил Алена. — Это было для меня уроком.

— Конечно, я могла сразу убежать, — продолжала Дженет, — если бы я не решила, что нужно быть смелой и попробовать свои силы. Впервые я заставила других говорить и думать так, как я того хочу. При этом некоторые вели себя так, будто дотронулись пальцем до чего-то горячего. Но некоторые меня не испугались!

Алена на мгновение ощутил пугающий отблеск полного одиночества, неприкрытой жажды дружбы, но все это мгновенно угасло.

— Дженет, — ободряюще сказал он, — я думаю, вы уже знаете, как к вам относится наша Группа. Не уверен, сможем ли мы дать вам все, в чем вы нуждаетесь, но мы, без сомнения, постараемся хотя бы не причинять вам вреда. Мы жизненно заинтересованы в том, чтобы как-нибудь использовать вас. Мы вас не оставим в покое.

Она тепло улыбнулась:

— Я вижу, что все вы исполнены добрых намерений и, несмотря на некоторое внутреннее сопротивление, каждый старается занимать нейтральную позицию. Но один-два человека в Группе немного обеспокоены тем, что я могу увидеть то, чего они не хотят никому показывать.

— Скажите, до каких пределов вы можете контролировать чужие чувства? Вот, например, чувствовала ли вся Группа то же, что сейчас мы с Сильвией?

— Посылать мысли мне легче, чем принимать, — ответила Дженет. — А проникать в человеческие умы мне нелегко. Вот вы, например, вместе со своей Группой составляете нечто вроде замкнутого круга, в который я могу попасть только с вашей помощью, Ален. — Она задумалась. — Вы делитесь друг с другом идеями и чувствами, у вас здесь царит редкостная любовь и теплота. Ничего подобного я никогда не встречала. Это, должно быть, замечательно.

Вечером они продолжили разговор. Дженет исполнилась такой решимости стать полезной и найти себе место в Группе, что чуть было не накликала настоящую беду.

В понедельник, как и было задумано, женщины появились в студии все вместе, а мужчины — через определенные интервалы. Начали готовить первую передачу по «Генриху V». Дженет была внимательна и принимала во всем большое участие. Но когда Ален спросил, как она себя здесь чувствует, она призналась, что совершенно сбита с толку.

— Вы все так хорошо знаете свое дело, что двигаетесь как бы рывками, а мне приходится самой перебрасывать мостики. Тем временем я уже что-то пропускаю, так вот все и идет.

Ник наладил освещение и задал темп постановки, а потом с командой техников начал перемещать аппаратуру, в то время как остальные члены Группы стали работать над репликами. На первый взгляд все вокруг казалось безмерно хаотичным, но в действительности это был ряд отличных, гладко протекающих операций, которые в конце концов должны были слиться воедино. Каждая отдельная группа отчасти знала о действиях остальных, но концентрировала внимание на своих собственных проблемах. Дженет пыталась следить за всем, увидеть всю картину целиком и явно наталкивалась на трудности.

На сцене Пол играл Генриха, а Бен — несколько небольших ролей (кое-какие из них были предусмотрены для одного актера, который должен был прийти позднее). Женщины репетировали сцену при французском дворе. Ник работал с Беном и Полом. «Король мы христианский, не тиран, — продекламировал Пол. — Раскачиваем малыша на сцене...». Ник изумился, хотел было что-то сказать, но промолчал. Бен нахмурился, Пол смутился, но затем они продолжили диалог до того места, где Бен в качестве французского посла должен был преподнести Полу — Генриху в знак презрения дар — мячи для тенниса от дофина.

Бен открыл бочонок с завитушками и с усмешкой произнес: «Алиса, ты была в Англии...»¹ — и встал с открытым ртом, а женщины в изумлении окружили его.

— Нехорошо, Бен, — выкрикнула Мерл. — Нечего отнимать у других хлеб.

— Сделай так, чтобы, когда будет открываться бочонок, его фиксировали бы триконы второго блока, — заметила Сильвия.

Ален схватился за голову и крикнул: «Опять!» Все разом загалдели.

— Тише! Тише! — крикнул Ален. — Давайте попробуем навести хоть какой-то порядок!

Шум утих, и наступила неловкая тишина.

— Теперь ясно, что наши мысли пересеклись с чьими-то другими. Давайте подумаем, отчего это происходит. — Все опять зашумели, и Ален поднял руку. — Подождите. Я думаю, это из-за присутствия Дженет. Она непременно должна нам помочь. Дженет! — позвал он, обернувшись в темноту.

Возле дверей студии послышался звон и треск, и Ален, да и другие, почувствовали острую боль в голени и на лбу, а потом сильное головокружение. Ольга покачнулась и бросилась к Мерл за поддержкой, Ален стрелой метнулся со сцены вслед за Полом, который перепрыгнул через кресло и скрылся где-то среди оборудования. Когда Ален добрался до них, Пол уже сидел рядом с жалкой, съезжившейся фигуркой Дженет, положив руку на плечо девушки. Она не могла сдержать рыданий.

— Я все испортила, — наконец-то выдохнула она. — Я вам все испортила.

¹ Бен здесь произносит реплику Екатерины из четвертой сцены третьего акта «Генриха V».

Ален не нашелся что ответить. Он просто поднял ее разбитые очки и с состраданием смотрел, как она подняла заплаканное лицо и невидящими от слез глазами воззрилась на смутные фигуры, окружившие ее.

VI

В тот день в кабинете Алена происходила жаркая дискуссия. Женщины все до единой были за то, чтобы Дженет присутствовала в студии во время лекций, в то время как мужчины были более осторожны и убеждали, что нужно бояться вмешательства. Ольга настаивала на том, что теперь Дженет, вероятно, имеет опыт и будет находиться в стороне и просто наблюдать за происходящим.

Заранее ожидая возражений Алена, Сильвия заметила:

— Если мы сейчас не найдем место для Дженет, то нам придется ждать, пока не уберутся обозреватели. Предположим, это скоро произойдет, но на Дженет это может оказать губительное воздействие.

Ален подождал, пока не будут исчерпаны все аргументы, а потом предложил единственное, по его мнению, реальное компромиссное решение.

— Так или иначе, а нам придется подготовиться к визиту обозревателей. Сомневаюсь, чтобы кто-то из них стал проецировать мысли, как это делает Дженет, и, если она у нас освоится, вряд ли нас что-нибудь еще станет тревожить. Давайте отведем ей специальное местечко. Мне кажется, что теперь она будет очень осторожна.

К вечеру пришел Сэм — узнать, как обстоят дела с Дженет. Он с интересом выслушал отчет Алена о событиях прошедших двух дней и согласился с тем, что Ален принял единственно верное решение.

— Здесь вокруг только и делают, что болтают о вас, — заметил Сэм. Он нетерпеливо шагнул по кабинету, потом приблизился к столу Алена. — Между прочим, если уж говорить о слухах, я тут кое-чем поживился. Дон Скэнлин и его жена крайне обеспокоены. На вечеринке в субботу у них при народе началась ссора. Дона за последнее время сильно перевернуло. Он ведь пьет, но всегда в компании, ты же знаешь. А всю прошлую неделю он пил в одиночестве, погруженный в мрачные раздумья. Поговаривают, что его эмансипированная женушка связалась с кем-то из его группы в ДТУ.

— Ну и что из того? — спросил Ален.

— У меня на этот счет есть своя теория, — ответил Сэм, — но сейчас я не могу ее доказать. Передай Нику, чтобы он был очень осторожен. Если что-то случится, пока Рафферти здесь, то хоть кричи караул.

«Мало у меня других забот», — с грустью подумал Ален, после того как Сэм ушел, оставив его готовиться к следующей лекции.

Утро вторника ознаменовалось событием, удивившим Алена и всех мужчин. В студию вошли усмехающиеся женщины во главе с мисс Дженет Гански — новой мисс Дженет Гански. На ней была простая одежда, красиво облегавшая фигуру, которая раньше была полностью скрыта. Искусная косметика и аккуратная прическа смягчали ее грубоватые черты и особенно подчеркивали высокие скулы и темные глаза. Старые очки исчезли навсегда — теперь у нее были невидимые контактные очки. Она стояла в кругу любующихся ею женщин, очень застенчивая и похожая на девочку, но уже иная, преобразившаяся. Дженет никогда бы не победила на конкурсе красоты и не стала бы «мисс Северная Америка», но она, без сомнения, была достаточно привлекательна и не только на первый взгляд. Особенно большое впечатление она произвела на Пола; он вспомнил о последнем разговоре с ней отнюдь не из профессионального интереса.

Передача прошла намного лучше, чем можно было ожидать. Ален начал с подведения итогов по предыдущим темам и показал, что Шекспир все больше задумывался над качествами, необходимыми для идеального короля, потом дал анализ кульминаций в пьесах «Генрих IV. Часть первая» и «Генрих IV. Часть вторая» и особое внимание уделил «Генриху V», конфликту, возникающему у такого непростого человека, как Генрих, из-за требований, предъявляемых к идеальному королю. В ходе передачи артисты временами ощущали слабое движение чьей-то мысли и смутно догадывались о концентрации мыслей друг у друга, но этим дело и ограничилось.

Наконец Ален закрутился, и Группа облегченно вздохнула, а Дженет откинулась на спинку стула и, очевидно, совсем ослабела. Было ясно, что она так много сил потратила на самоконтроль, что это ее вконец измотало. Но она была явно удовлетворена результатами своих усилий и принимала комплименты со сдержанной страст-

ностью. Правда, в какой-то момент Ален встревожился, что на самом деле ничего хорошего во всем этом нет и не к этому они стремились, но даже он почувствовал облегчение. «Теперь надо как следует проверить обозревателей», — подумал он.

У Рафферти было тонкое лицо, длинный нос, он был любезен, но себе на уме и за один вечер успел произвести рекогносцировку. Он знал, что в Телевизионном университете творится что-то странное и занятное, знал, что в это дело втянута Группа, и во все стороны протянул невидимые щупальца. Он устроился в зоне наблюдения и совершенно явно хотел показать всяким репортерам и соглядатаям, что ничего особенного он не обнаружил. Было ли это так в действительности или опыт по привлечению Дженет к работе не убедил его, но Группа и впрямь очень скоро забыла, что он там находится. Он взял с собой в студию только одного ассистента, маленького человечка, который затерялся среди студийных техников и ходил с самой бесшумной камерой, какую Ален когда-либо видел.

Целый вечер Группа потратила на обычные разработки. Взяли наброски Алена, нарастили на них плоть, спрашивали насчет будущего, возвращались назад, к предыдущей передаче, обсуждая интерпретации и варианты. Ален спросил Дженет, как студенты реагируют на один из моментов в пьесе, Бен поинтересовался другим. Она ответила прямо; это была настоящая помощь. И все же члены Группы еще ощущали некую преграду, разделяющую их — доказательство того, что Дженет осуществляет над своими телепатическими способностями мощный контроль. В тех редких случаях, когда она ослабляла этот контроль, в головах у них оказывалась мешанина мыслей, из которых им приходилось выуживать собственные и следовать только за своим ходом мыслей. Это было странное ощущение. Нечто подобное испытываешь, когда выуживаешь свою леску из клубка чужих.

В четверг Группа работала над сценами; решались вопросы, связанные с освещением, костюмами, бутафорией и темпом действия. Дженет снова была в студии; во время перерывов она иногда предлагала что-нибудь новенькое и чувствовала себя теперь среди шума и гама намного свободнее, чем раньше, а значит, намного лучше контролировала себя.

На следующее утро Ален пришел на работу чуть позже, тщательно осмотрел с Ником студию, увидел неясную

фигуру Рафферти, скользнул взглядом по Дженет и за семьдесят пять секунд до сигнала прошмыгнул в будку. Оказавшись в привычных условиях, он полностью сосредоточился на лекции. Но к концу передачи опять начались неполадки.

«Нельзя сказать, чтобы это застало нас врасплох», — подумал Ален. Временами он и раньше чувствовал какое-то напряжение, слышал чуть ли не треск. В финале, когда во второй сцене пятого акта при французском дворе все были в сборе, Пол произнес: «Ну, Кэт, привет тебе!» — взял Сильвию за руку и отошел с ней в сторону. Остальные разошлись в положенные им места, и оператор переключился на крупный план, дал королевскую пару. «Как королеву, тебя целую на глазах у всех», — кончил Пол. В этот момент Ален услышал явственный треск; казалось, его внутреннее «я» разверзлось и впустило в себя еще с полдюжины персонажей.

Как будто в его мозгу прозвучал голос Мерл: «Там, наверху! Сейчас упадет!»

Ален включил аварийное устройство за несколько секунд до того, как конец микрофонного журавля, разбрасывая снопы искр, пошел вниз и со страшным грохотом обрушился на пол. Во все стороны брызнули черепки вдребезги разбитых объективов.

Но, воспользовавшись хитроумным приспособлением Ника, Ален продолжал дискуссию. Какая-то часть его существа, как будто движимая непонятной силой, не поддавалась внешним воздействиям. Он ощутил, как Ольгу охватил истерический ужас, и отпустил ее, лишь когда она почувствовала силу и спокойствие Бена и Пола. Всем передалось чувство сопричастности, единства — Ален понял, что это исходит от Дженет. Он чувствовал, что она как бы испытывает силу своего воздействия, перейдя с него на других, и подавляет собственную личность, чтобы повлиять на остальных.

Но вот шум затих, Группа столпилась на сцене, и тут Ален почувствовал, что они объединяются и все как один хотят его ободрить и согреть, и он продолжал сталкивать студентов, комментировать, задавать вопросы, вести беседу. Он ощущал удивление, уважение и восхищение и в то же время необыкновенную теплоту по отношению ко всем и особенно к Дженет. Никогда раньше Ален так не владел своим предметом. Он работал теперь вне пределов собственных возможностей и заставлял артистов вскрывать внутренние резервы, о которых раньше и не подо-

зревал, — во всем, что касалось деталей и невиданной прежде глубины понимания предмета. Его чувство благодарности и восхищения членами Группы росло и передавалось им самим.

Только когда Алэн подвел итоги и кончил лекцию, он узнал о том, что после поломки аппаратуры у дверей студии произошла настоящая стычка. Алэн представил себе чистенького, выбритого Дона Сканлина, отчаянно старающегося объяснить что-то взбешенному Сэму Мейнарду, и почувствовал глубокое беспокойство, испуг, возмущение, отвращение и наконец жалость, охватившие всех членов Группы. Мониторы погасли, Алэн встал на свинцовые ноги и пошел к Группе, но вдруг его словно пронзило ощущение какой-то потери — будто он обнаружил, что снова стал одиноким. Он мгновенно понял, что все они осуществляют теперь дистанционный контакт. Когда он добрался до Группы, все прояснилось. Они в беспокойстве склонились над потерявшей сознание Дженет. Сэм в угрожающей позе стоял над распростершимся в кресле Доном Сканлином, но Алэн, да и остальные беспокоились только о Дженет.

Казалось, прошла вечность, прежде чем она пошевелилась и застонала, а потом села, ошеломленная происшедшим. Открыв глаза, она медленно обвела всех затуманенным взглядом, и вдруг чувство любви и облегчения хлынуло и выплеснулось через край, распространившись на всех членов Группы.

Вконец измотанные в физическом, умственном и эмоциональном отношении, они собрались вечером в квартире Алэна, чтобы обсудить фантастические события утра. Алэн передал, о чем он говорил с Рафферти и позднее с Сэмом.

Рафферти, находясь в своей зоне наблюдения, узнал больше, чем ожидал, и горел желанием поскорее разработать план дальнейших действий. С трудом подбирая выражения, он описывал свои ощущения. Сначала все шло гладко, потом раздался какой-то гул, и вот тут все началось. Но не было разрыва ни в диалоге, ни в действии. Его ребята снаружи наблюдали за кубом монитора и представления не имели, что произошла какая-то неполадка. Невероятно! Алэн передразнил резкие жесты Рафферти. И оказалось, что все это — дело рук Сканлина.

Сэм высказал то, что теперь чувствовали все — несмотря на вину, Дон заслуживает некоторого снисхождения. Он и раньше участвовал в саботаже, снедаемый че-

столубием и завистью к Группе и к Алену, но было совершенно ясно, что Дебора Сканлин толкала **его** на путь, по которому он не хотел идти. Он наконец заартачился, и она с помощью техника — того самого, которого подозревал Сэм, — замыслила последний инцидент. Это было устрашающе просто. Тот незаметно прокрался ночью в студию, накрутил несколько витков мягкого припоя на катушку электромагнита, управлявшего микрофонным журавлем, вывернул фиксирующий болт и ушел. Он знал, что под действием тепла припой размягчится. Казалось, его ни капельки не беспокоило, случится ли это, когда кто-то будет на сцене, или в отсутствие артистов. Положение спасли только аварийное устройство, оборудованное Ником, и воздействие Дженет, которая сумела предупредить Алена о надвигающейся опасности, а затем успокоить его и всю Группу.

В комнате Алена воцарились мир и спокойствие. Все расселись парами. Бен и Мерл, Ник и Ольга в дальнем углу планировали совместное путешествие на Бермудские острова, Сильвия и Ален больше наблюдали, чем говорили, удобно устроившись на обычном месте — низкой кушетке перед окном.

— Ну, пожалуй, сегодня мы сами создали своего рода историческую пьесу, — с глубоким вздохом произнес Ален, — хотя поймут ее далеко не все.

— Может быть, мы и создадим историческую пьесу, которая поможет развитию новых талантов в нашей Группе, — подхватила Сильвия. — Я считаю, что Дженет далеко не проявила себя в полной мере и, может быть, она еще принесет всем нам большую пользу. Я только надеюсь, что она останется с нами.

Ален понимающе рассмеялся и кивком головы указал на окна и на балкон.

— Она останется, — усмехнулся он. — Даже если она не присоединится к Группе, она останется.

Там, на балконе, в густеющем вихре снежных хлопьев, совершенно забыв о том, что они без пальто, Дженет и Пол замкнулись в своем мире. Сильвия положила руку на руку Алена и прошептала:

— Это хорошо. Так хорошо для обоих. — Потом отодвинулась от Алена и обхватила себя руками. — Но, черт возьми, пусть уж они войдут в комнату. Глядя на них, и я замерзла до смерти.

Бад Шульберг

С приветом к вам из Арканзаса

I

Работенка на радио в Фоксе, пока к нам не заявился Ларри Роде, была не пыльная, для лета в самый раз. Знай себе крути пластинки, толкай рекламы да читай новости с лент АП'. Я служила чем-то вроде приводного ремня между Фоксом (штат Вайоминг) и внешним миром. За семьдесят пять монет в неделю. На чулки и косметический кабинет хватало. К тому же занятие, чтоб не мучиться бездельем.

Но что-то я слишком отвлеклась от Одиночки Родса. Так вот, значит, дело происходит будним утром. У нас в лавке тихо, спокойно, никого нет. Только мы с Фаррелом, который нажимает на кнопки и обеспечивает эфир, а также свист, хрип и шум. Хозяин где-то прохлаждается. Джо Аароне, кормилец наш, бегаёт по торговцам, страшает, что их бизнесу каюк, если они не будут давать нам рекламу. Ну как? Дошло? Приготовились! Гремите, барабаны. Брячайте, кимвалы! Явление мистера Родса.

За стеклянной перегородкой стоит высоченный детина с Запада, но не глист вроде нашего Гари², а могучный, как заматеревший футболист, года этак через три после выхода в тираж. У него веселая красная ряшка, и, видно, он не дурак посмеяться. Ему можно дать тридцать с немалым гаком, но что-то в нем есть мальчишеское. На нем мятый-перемятый коричневый костюм, ковбойские сапоги, он переступает с ноги на ногу, словно стесняется, но я нутром

¹ Ассошиэтед Пресс — информационное агентство.

² Киноактер Гари Купер, бывший ковбой, часто игравший в вестернах.

чувствую, что стеснительности в нем не больше, чем в бульдозере. Я ставлю пластинку — из моих любимых — берригановскую «Начать я не могу» и спрашиваю, что же привело в наш беспроводный замок этого здоровяка-вельсчака.

— Сударыня,— говорит он,— мое имя Роде, Ларри Роде. А зовут меня Одиночка.

— И кто вас так зовет? — говорю я.

Он одаряет меня милой, задушевной улыбкой. Чересчур милой, чересчур задушевной.

— Одиночка — это, так сказать, мое сценическое имя, мадам.

— Ах, сценическое! И на какой же сцене вы подвизаетесь?

— На какой придется, мадам. Я ведь певец. Народные песни пою.

Знаю, знаю, нынче полагается любить народные песни. И если ты не распускаешь слюни от «Барбары Аллен», не обмираешь от «Синехвостой мухи» или «Эри-канала», тебя сочтут деревенщиной, извращенкой, а то и вовсе обвинят в отсутствии патриотических чувств. Ладно, признаю себя виновной. Я кидаю взгляд на часы в дикторской и вижу, что большая стрелка сильно продвинулась вперед, и, значит, мне пора на выход. Бегу в дикторскую — сообщить заждавшимся обитателям Фокса (штат Вайоминг) и окрестностей, что, если они хотят пообедать, как никогда в жизни, всего за доллар тридцать пять центов, пусть хватают своих подружек и стремглав кидаются есть отбивные в «Синей птичке». Потом ставлю фэтеовскую «А я веду себя прилично» и еще раз выскакиваю бросить взгляд на уроженца Запада.

Он улыбается мне во весь рот.

— А вы, должно быть, девочка не промах — всей радиостанцией управляете в одиночку!

— Старик,— говорю,— я могу прочитать без смеха любую рекламу, которую передо мной положат. Могу подобрать пластинки и каждый раз, когда мне надо, чтобы пластинку запустили, сделать знак парню в контрольной. Всего-то и дел, но так и вещают на провинциальном радио.

— Ха-ха,— отзывается Одиночка Роде.

— Должна добавить,— говорю,— что развлечения живьем не по нашей части, если считать, что именно этим вы и занимаетесь. Кроме новостей, ну и раз в сто лет интервью с какой-нибудь шишкой, что ненароком забредет

is нашу глухомань, мы живем пластинками. Так что мы здорово крутимся ради хлеба насущного.

Он захохотал. Мило и задушевно. А когда хохотал, трясся всем телом. Вид у него был ни дать ни взять Санта-Клаус, вдруг помолодевший до тридцати с хвостиком.

— Ух и бойкая вы девушка,— говорит,— вам палец в рот не клади. А теперь маленечко посидите, не погнушайтесь послушать минут с пяток старика Одиночку.

То ли речи его на меня подействовали, то ли, когда нам улыбается мужчина такого размера, устоять трудно, но я дрогнула. Сработала его безграничная уверенность и своей неотразимости. Теперь, когда все вы его тысячи раз по телевизору видели, вам понятно, что я имею в виду.

— Я принес гитару,— говорит он.— Неужели у вас хватит духу прогнать парня, который из кожи лез, чтобы вас позабавить?

А тут мы, кстати, подключились к заполонившей все радиовещание страны мыльной опере под названием «У Джона в конторе другая жена», так что у меня высвободилось полчаса свободного времени:

— Валяйте,— говорю,— забавляйте.

Он открыл футляр — оттуда выпал бюллетень бегов.

— Ну как, много выиграла вчера? — спрашиваю.

Он помотал головой, пожал плечами и ухмыльнулся.

— Да нет, куда там. Робкая Дамочка чуть было не пришла первой, но ей места на дорожке не хватило.

— Ладно, чего уж,— говорю,— давайте пойте «В родных краях».

Футляр у него был объемистый, так что там еще помещались смена белья и умывальные принадлежности.

— Инструмент я смастерил сам из сигарного ящика и обрывка рояльной струны, что подобрал в мусорной куче, а держится он на соплях,— говорит Одиночка, поглаживая гитару.— В моем родном городишке Ридdle, что в штате Арканзас, меня называют «тот самый Страдивариус, что на сигарном ящике шпарит». У нас в Ридdle культуры пруд пруди.— И тут он прижал свой устрашающий инструмент к уху и принялся его настраивать.

— У нас здесь не Карнеги-холл,— говорю,— да и у меня в запасе всего двадцать минут.

Ненавижу гитару. Раньше я ненавидела банджо, но гитару я, пожалуй, ненавижу сильнее. Если, конечно, на ней не играют Сеговия или Винсенте Гомес.

— Для начала я спою вам старинную народную песню «Чаяк попьем с тобой вдвоем, коль принесешь чаяк».

«Еще один шут гороховый с Запада», — думаю я.

Он занес пальцы над струнами и заявил:

— Так вот — перво-наперво я вам как на духу скажу: играть я не умею. Я заказал по почте курс «Учитесь играть на дому», но вот ведь какая штука получается: дома-то у меня нет, так что курса я так и не получил. А слушать исполнителя народных песен без гитары — все равно, как есть яйцо всмятку без ложки, вот я и вожу с собой гитару для приличия.

Мне удалось не засмеяться, но кое-какие усилия пришлось для этого приложить. Что-то в нем все же было. Посмотришь на его добродушную ряшку, увидишь, как он сам себе нравится, и поневоле улыбнешься.

Он запел одну из самых мне ненавистных — «Красное крылышко». Поначалу он пел не слишком отвратительно, однако чем дальше, тем хуже. Но вскоре остановился и говорит: «Ежели вам мое пение нравится, вам надо послушать, как поет мой братан Абернэти. Он ведь у нас гундосый, так что в сырую погоду можно подумать, будто он играет на гребенке через туалетную бумагу, а не поет, ей-ей».

И так он болтал без передыха, пока не допел песню до конца. Он то и дело прерывался и рассказывал байки из жизни своего паршивого городишки Риддла. Это и впрямь загадка, говорит он, как его называли городом, когда в нем жителей раз, два — и обчелся. В городе нашем живет всего одна семья, моя семья, Родсы, значит. Население города 372 с половиной человека. А с половиной, говорит он, оттого, что его двоюродный дед Ляпсус родился с двумя головами, правда, руки у него две и рот один, так что мы было решили не давать ему больше одного голоса на выборах и одного кувшина самогонки в день. Но хотите верьте, хотите нет, а у этого парня две головы на плечах, и неплохие. А иначе ему б ни в жизнь не переспорить мою тетку Люсибелль. У них, в Ридdle, говорит он, все промежду себя на родственниках да на свойственниках женятся, вот в один прекрасный день он и сообразил, что младший брат его тещи приходится ему отчимом. И как только он, Одиночка, родился таким здоровым и умным, он и сам понять не может. У них в Ридdle, говорит, его звали Профессором, потому что из всего города он один одолел третий класс. «А ведь было мне тогда всего четырнадцать годков, — говорит. — Из всей нашей семейки только мой двоюродный прадед Уилбрэхэм имеет касательство к науке. Он ведь у нас с незапамятных времен в

Гарварде, в одной из самых важных колб в медицинской лаборатории, — так папаша мой говорил, но я вам в этом не поручусь: папаша любит родней козырнуть».

А в промежутках он по куплету, по полкуплету рассказывает «Красное крылышко».

Хорошо он пел или плохо — не могу сказать, но должна признать, что я его не прерывала. Кончил он таким рыдающим аккордом.

Этот аккорд пе мой, говорит, я его подобрал в одном салуне, в Джексон-Хоуле, и с тех пор все ищу, чей он, да никто не признается. Ха-ха-ха, закатился он. Будут деньги, мама, будет и веселье.

Ну, что тут скажешь? Это было нечто из ряда вон выходящее. Но его буйная веселость поневоле действовала на вас, а кроме того, он обладал каким-то животным магнетизмом, от которого становилось не по себе.

Он уже закруглялся, когда явился наш хозяин. У хозяина денег куры не клюют, он владеет целой сетью деревенских газетенки и шеголяет в ковбойских сапогах и белой ведерной шляпе, как у Джина Отри¹. Он так же сходит с ума по народным песням, как я их презираю, отрицаю и на дух не выношу. Один взгляд в сторону Одиночки — и дело на мази: вид Одиночки взывает к его лучшим чувствам истинного американца. Ладно, чего уж там, я тоже люблю Америку, начиная от генерала Джорджа до генерала Айка, но наш хозяин Джей Макдональд обожает Америку все равно как свой личный огород. Он считает, что он, что Америка — все едино. Да вы сами таких видели. Ну так вот, он спрашивает, может ли Одиночка спеть «Не хорони меня ты в прериях глухих». Мистер Макдональд говорит, что он по одному признаку может точно определить, правильно спели эту песню или нет. Если правильно, он в тот момент, когда песня обрывается душераздирающим аккордом, лезет в карман за платком. Ну и Одиночка Роде выдает ему «Не хорони меня...», на этот раз без остановок, вплоть до самой последней строчки — в «прэ-эриях глу-ухих», — напичканной липовой жалостью к себе. Старик Макдональд лезет в карман за платком. А я понимаю, что Одиночка далеко не дурак. Он все как по нотам разыграл. Макдональд сглатывает рыдание и говорит: «Люблю я эту песню, черт побери! Самая что ни на есть нашенская, американская песня». Одиноч-

¹ Радиопевец, часто играл в вестернах.

ка выдергивает дешевую красную сморкалку и проливает слезу-другую от своего имени.

— Конечно, где уж мне, вахлаку, про ваши радиодела судить,— говорит в заключение Одиночка (потом это у него станет припевом),— но только я кумекаю, что радиостанции такого на все сто американского городка, как Фокс, не обойтись без собственного исполнителя старинных американских песен.

Макдональд — он еще не осушил патриотической слезы — кивает головой: да, да, мол, так оно и есть. И тут же — не успела я и глазом моргнуть — соглашается выкроить полчаса днем для моего нового коллеги Одиночки Родса.

Ну что же, не хочу вас зря интриговать, да и не смогла б: биографию Одиночки Родса знает весь мир. Большинство из вас читало рассказы в «Лайфе», «Тайме» и дюжине других изданий о том, как произошло это чудо. Впервые Одиночка выступил с исполнением «Малютки Мохи» и все отведенные ему полчаса пел одну эту песню, без конца прерывая себя байками, семейными анекдотами, поучениями, рецептами приготовления защищенного ананасного пирога — точь-в-точь такого, как его мамаша пекла в Ридdle (штат Арканзас), — и прочей ерундой, что приходила в его хитрую, продувную башку человека из народа.

На следующий день у меня уже была другая работа. Я отвечала на письма поклонников Одиночки Родса. А он, судя по всему, пленил воображение доброй половины населения Фокса (штат Вайоминг). «Теперь мы получаем больше писем в день,— говорит шеф,— чем раньше в три месяца». И к тому же мне приходится отвечать на них, подделываясь под говорок Одиночки. «Ух, я чуть не подскочил от радости, ребятишки, как узнал, что вы меня слушаете».

Хозяин поощряет его — теперь он выступает по полчаса три раза в день. И каждый раз происходит вот что: Одиночка хватается микрофон и несет любую чушь, что приходит ему в голову. Но какую околесицу он бы ни нес, оказывается, что именно это и нужно слушателям. Одиночка знает подход. Сын народа, одним словом. Он вешается на микрофон — ни дать ни взять любимую девушку шупает или призывую кобылу гладит — и говорит: «Доброго вам утречка, мамаша, ух ты, какой духовитый кофе! Жаль, что мне никак отсюда не выбраться, хотелось бы вам помочь с посудой». И тут же с полсотни домохозяек, довольные,

плюхаются на стулья и строчат ему письма, что, мол, никто так не понимает их души, как он. Иногда он читает рекламы с издевкой, иногда так, словно на коленях предлагает руку и сердце. Но почти никогда не повторяется. Он парень не промах. Вот что мне в нем не нравится. Я слышу, как он по радио выступает да и так нередко с ним встречаюсь и понимаю, что он вовсе не такой уж наивный и простодушный вахлак, за которого себя выдает. Он не дурак выпить и к тому же бабник. Я вижу, как он пялится на женщин на улицах. Нет, он даже не волк рыщущий — он просто Кинг-Конг¹. Ему смерть как надо каждые пять минут доказывать, какой он удалец-молодец. И он просто без памяти от... Одиночки Родса. Фурор, произведенный им в Фоксе, его ничуть не удивляет.

— Все дело в обаянии,— объясняет он.— У меня от бога такое обаяние, что против него никому не устоять.

— Да, этим обаянием ты и на бобы не мог заработать пару месяцев назад,— напоминаю я ему.

— Только потому, что у меня не было тебя, Марши,— говорит он.

— А у тебя и сейчас меня нет.

Правда, не его в том была вина, он просто изо всех сил старался меня заполучить, что верно, то верно.

— Да я в этом проклятом городишке только из-за тебя и торчу,— говорит он,— я ведь всегда в пути — две недели посижу на одном месте, и ноги в руки. Ну а такой мастер песенного и разговорного жанра, как я, может где хошь зашибить деньгу. Я ведь играю и на ярмарках и в бардаках. Мне нигде отказу нет — оттого-то и на одном месте не сидится. Да не встретилась мне та женщина, ради которой стоило бы остепениться, пока я не повстречал тебя, Марши.

Выходит, я пленила Одиночку Родса. К тому же хотя и косвенно, но я виновата в том, что он из простого исполнителя народных песен вырос в политического оракула. А случилось это в баре под названием «Эль Ранчо Густо».

Местный шериф, которого должны были вот-вот переизбрать, хватил лишку и в полумраке бара принял меня не то за Ивонну де Гарбо, не то за другую кинозвезду и начал ко мне подъезжать. Одиночка Роде встал на защиту моей девичьей чести. Но до этого он тоже крупно

¹ Главное действующее лицо в одноименном фильме Э. Шедсака и М. Купера (1933) — гигантская обезьяна-самец, в жертву которой приносят белую девушку.

хватил — и промахнулся. Иногда я думаю: ну, а если б он заехал в челюсть шерифу, сделал бы оп такую головокружительную карьеру или нет? Промазав по будущему шерифу, Одиночка приобрел огромных масштабов комплекс неполноценности.

На следующее утро он отвел душу по радио. Он сказал, что этого парня, который хочет удержаться на посту шерифа такого крупного, процветающего, неудержимо идущего вперед городка, как Фокс (штат Вайоминг), не стали б держать шерифом даже в его родном городишке Риддле. Хотя, говорит Одиночка, этот пост как раз по нему. Ведь как они, бывалоче, выбирали шерифа в Риддле: соображали, кого будет дешевле всего освободить от общественно полезного труда. Он знает такие города, говорит Одиночка, где городскому дурачку выплачивают пособие. В Риддле же экономии ради его выбирают шерифом. Впрочем, говорит он, примерно так вы и поступите, если переизберете этого придурка.

А назавтра принесли пятьдесят писем, в которых слушатели предлагали Одиночке баллотироваться в шерифы, и мне пришлось на них отвечать. Кое-кому, правда, он лично ответил по радио. «Видно, я должен отказаться от этой высокой чести,— сказал Одиночка,— потому как я так и не выучился читать и писать, а я слышал, что для шерифа это не лишнее. Я,— сказал Одиночка,— признаю, что ничего не знаю, и в этом вся разница между мной и тем типом, что баллотируется».

И так день за днем он глумился над шерифом, пока не довел того до белого каления. А людям это нравилось. По правде говоря, он мог попросту ковырять в зубах перед микрофоном,— слушатели и это б съели. За примером далеко ходить не надо— как-то передача уже объявлена, микрофон включен, а он говорит: «Марши,— говорит,— что-то я сегодня не выспался, поддержи-ка микрофон, пока я придавлю парочку минут»,— и при этом, заметьте, не шутит. Дает мне микрофон и закрывает глаза. Я его чуть не пришибла. Достают письма, на которые мы собирались ответить, и читаю, чтобы заполнить паузу. Но не успеваю дойти и до половины, как он бормочет: «Нишкни, Марши, ты мне спать мешаешь, помолчи немножко». И целых тридцать секунд Фокс молчит. Любого другого тут же выгнали бы с работы. А Одиночке все сходит с рук, да еще поклонники после этого письмами его завалили.

Так вот, на выборах шериф, который в прошлый раз прошел большинством в 362 голоса против 7, в первый

раз за шестнадцать лет потерпел поражение. Его победил гробовщик по фамилии Горлик — на этот раз он получил больше голосов, чем на четырех предыдущих выборах, вместе взятых. (Семь голосов на прошлых выборах подали за него родственники.) Назавтра Одиночка представил слушателям нового шерифа. Он сказал, что такого бескорыстного слуги народа днем с огнем не сыскать: ведь чем больше будет порядка в городе, тем меньше он продаст гробов.

Благодаря таким и тому подобным выходкам Одиночку заметил «Тайм». Я ушам своим не поверила, когда местный фотограф сообщил, что «Тайм» поручил ему нас сфотографировать. Я говорю «нас», потому что Одиночка сделал и меня знаменитостью на вторых ролях, подручной светила. Если он что терял — а в игривом настроении он любил делать вид, будто не помнит, куда засунул рекламный текст, — он орал прямо в микрофон: «Марши, Марши! И где эта раззява? Ребятишки, если вам что не нравится в нашей программе, запомните: виновата Марши, так что жалобные письма адресуйте ей». Я у него была и козлом отпущения и девочкой для битья.

Итак, «Тайм» возвестил, что мое участие обязательно. Ну и вот, фотограф явился на студию, как условлено, а Одиночки нет как нет. Причем, надо сказать, такое случилось уже не в первый раз. Доставить Одиночку вовремя на студию — вот что в последнее время было моей основной заботой. Пока он был звездой вполне захолустной, но манеры завел под стать звездам столичным. Двадцать минут до начала первой передачи, а я его застаю в постели. Хлестнешь разок наотмашь мокрым полотенцем по его омерзительно-обаятельной ряшке — иначе ведь и не добудишься. Одиночка Роде. Моих рук дело, моей жизни.

В «Тайме» они его описали довольно точно. Назвали более молодым, упитанным и грубым изданием Билла Роджерса¹ — из разряда тех жующих табак доморощенных философов и шутников, которых так много водится в Америке; своего рода карикатуру на героя народных сказаний, над проделками которого американцы всегда смеялись и потом, покачав головами, признавали: «Дурак, дурак, а умный».

¹ Бывший ковбой, актер кино, прославившийся в фильмах из жизни Дикого Запада, где он создавал образ «типичного американца», человека незаурядного ума и юмора.

Даже сразу не скажешь, то ли «Тайм» увенчал его лавровым венком, то ли стер в порошок. Да вам знакома их манера. Но не это суть важно. Главное — Одиночку запустили на орбиту. А назавтра мне позвонили из Чикаго. Из агентства «Джей и Дабл Ю»: им требовался Одиночка. Немедленно. Пять сотен в неделю. Такого простого, обаятельного, бесхитростного, самого что ни на есть американского парня даже на крупных радиостанциях днем с огнем не сыскать, сказал этот тип. Ладно, говорю, этот Простой-Обаятельный тут же вам позвонит. Великий американец — как я и ожидала — валялся на кровати, рядом стоял наполовину опорожненный кувшин виски.

— Вставай, лежебока,— говорю я,— судьба стучится в дверь.

— Куда ехать? — говорит он.

— В Чикаго,— говорю я.— Агенство «Джей и Дабл Ю» зовет. Пять сотен наличными в неделю. Трепаться по часу каждое утро. Уикэнды свободные. От тебя требуется только, чтоб ты выдавал свою неотразимую обаяшку.

Он поднял на меня большие, налитые кровью, запухшие глаза.

— А ты как считаешь, Марши, что нам делать?

— Тебе, а не нам,— говорю я,— в Чикаго тебе придется подыскать себе новую рабыню.

— В Чикаго я на тебе женюсь,— говорит он.— Я еще сделаю из тебя честную женщину в этом нахальном городишке, милка ты моя.

Среди множества дурных привычек у него была одна особенно противная: он любил делать вид путем всяких там намеков и инсинуаций, что мы с ним одно целое, во всех отношениях. Дальше мечтаний и посягательств с его стороны не доходило. Но скажите, когда люди верили правде: ведь грязные сплетни настолько увлекательней.

— К чему эти разговоры о женитьбе,— говорю я,— когда ваши чувства отданы другой особе? Никогда мне не заменить в вашем сердце Одиночку Родса.

— Марши, у меня перебивало немало смазливых баб, но они всегда тянули меня на дно. На конкурсе красоты тебе, конечно, не победить, но с тобой я не распускаюсь. Ты меня вытаскиваешь из постели и гонишь на работу. Ты мне не даешь застояться. Ты поддерживаешь связь с моими слушателями. Ты меня срезаешь, когда я начинаю повторяться. Всегда говоришь мне, когда я зарываюсь. Ты — моя опора. Так что скажи «да», мы тут же едем в Чикаго, и там ты станешь богачкой миссис Роде. Я не могу

потерять тебя. Из всех девчонок, что у меня перебивали, ты самая умная.

— Давай-ка без рук,— сказала я,— дело есть дело. Сказать им «да»?

— Если ты согласна.

— Я согласна только на работу,— говорю я,— а когда мне работа надоест, я уйду.

— Ладно,— говорит он.— Иду на риск.

— Значит, я скажу им «да».

— Но за пять сотен я не согласен. Одиночку Родса трехзначной цифрой не купишь.

Начинал он с семидесяти пяти монет, как и я, а теперь от сотенных сумм нос воротил.

Я отзвонила «Джей и Дабл Ю» в Чикаго и дала им понять, в какую сумму себя оценивает Одиночка Роде, а они на это ответили, что даже при рекламе в «Тайме» новичкам не платят четырехзначных гонораров. Я побежала передать эти новости Родсу (на этот раз он потягивал в халате пиво). Он говорит: «Потолкую-ка я лучше с ними сам». Ему потребовался целый час, чтобы одеться и добраться до телефонной станции. Там он велел мне взять отводную трубку и записывать все, что они скажут, чтоб им потом не отвертеться. Откуда в нем эта финансовая жилка, не возьму в толк. Но, надо признать, что касается денег, он был парень не промах. Так вот слушайте, что предложил им этот трубадур от сохи — Одиночка Роде: он две недели работает бесплатно, после чего, если они захотят, чтоб он продолжал выступать, они платят ему тысячу монет в неделю, включая и две испытательные недели. Через полгода оплата повышается — следующие двадцать шесть недель он получает по полторы тысячи долларов.

— Я, конечно дело, ребята,— валяет он дурака,— не хочу учить вас жить, просто я хочу вам объяснить, чего такой парень, как я, стоит... Полторы тысячи плюс транспортные расходы. Да-да, транспортные расходы моей партнерочки Марши Кулихэн и вашего покорного слуги.

Итак, мы переехали в Чикаго, и теперь Одиночка вешал от моря до моря. Передача наша называлась «С приветом к вам из Арканзаса». Надо сказать, он особо не напрягался, толкал те же шутки, что сделали его идиолом Фокса (штат Вайоминг). Но кое-что новое все же появилось. Выборы шерифа вскружили ему голову. Ему теперь было мало петь песни и рассказывать байки о своей семейке в Риддле. Он захотел читать проповеди. Это — одно из са-

мых страшных проклятий нашего времени. Теперь никто не хочет вести концерты по радио, рассказывать про певцов или объявлять пластинки. Все хотят давать советы, как решить транспортную проблему в Нью-Йорке или улучшить работу Объединенных Наций. Вот эта-то муха и укусила Одиночку. Ну, он ринулся туда, куда человек поумнее и носа б не сунул. Я, насколько это было в моих силах, старалась его отговорить и разъяснить ему, где его место. Но он был упрям, как все мужчины, а при его невежестве любая жалкая идейка, что приходила в голову, казалась ему гениальным открытием, которым он не мог не поделиться со своими слушателями. Врачи, наверное, нашли бы у него манию величия. Но, по-моему, это просто один из основных симптомов жажды успеха — этой чумы, поразившей Америку.

Не провещав на новом месте и нескольких дней, он прервал на полуслове «Барбару Аллен», заявив, что эта песня давно ему осточертела и что он, пожалуй, лучше поговорит о том, как обстоит дело с уборкой улиц в Чикаго. Он сказал, что Чикаго как две капли воды похож на Риддл, с той только разницей, что в Риддле всего одна лошадь, а в Чикаго их десять тысяч, а так как навоз — это вам не цветочки, то разница получается чувствительная. Назавтра образуется комитет по очистке городских улиц, и Одиночку выбирают почетным председателем. А послезавтра Одиночка поет «Ландыши» в честь мусоруборочной кампании. Я прямо-таки не могу опомниться, говорит он, что участвую в таком дельце, потому что мой дед Бэском величал моего папашу чистюлей за то, что тот раз в год, а уж обязательно менял белье.

И не прошло и двух недель, как деда Бэскома, брата Абернэти, двоюродного прадеда Уилбрэхэма и всех остальных родственников Одиночки узнали слушатели. Прославившийся своими комиксами художник Хэл Катц предложил Одиночке выпускать ежедневно по подвальчику и давать в воскресном приложении страницу обо всех его риддловских свойственниках, а главным героем сделать исполнителя народных песен, похожего на Одиночку, по имени Гарри-вахлачок.

Одиночке от этого будет перепадать тысяча долларов в неделю плюс проценты со всех дополнительных доходов. А, надо сказать, к этому времени наш Гек Финн-переросток успел как следует подзагрести деньгу. Он теперь зашибал две с половиной тысячи в неделю — неплохо для такой деревенщины. Одиночка не был равнодушен к день-

гам, вот уж нет. Au contraire¹, он был решительно неравнодушен к ним. А тут начал швыряться деньгами направо и налево, словно всю жизнь и не такими суммами ворочал. Он меблировал себе шикарную берлогу в «Эмбэссатор-Ист» и сторговал небесно-голубой «кадиллак», на котором велел написать просто и без затей — «Одиночка». В монограммах, сказал он, есть что-то дешевое. И тут же одним махом завел себе швейцарские часы в восемнадцать каратов с календарем, который показывает месяц и год, и набил шкаф костюмами — все чуть мешковатые, и покроя простецкого, «для сельского жителя», но товар что надо. Он ведь у нас исполнитель народных песен, не забыли еще?

Ну и в меня он тоже мертвой хваткой вцепился. Он и думать позабыл о своем обещании относительно чисто деловых отношений. Ии минуты не сомневался, что мне не устоять перед его обаянием. Я была его «одна-единственная — жить-без-тебя-не-могу — цругих-таких-нет-и-не-будет». Как-то ночью меня разбудил телефонный звонок: Одиночка сообщал, что если я не пойду за него, он тут же прыгнет из окна. Он сказал, что весь этот успех сбил его с панталыку и что я — его Якорь. Якорь, который привязывает его к действительности. Compliment, конечно, так себе, но я сказала, что подумаю. Сама не знаю, любила я его или нет. Считайте так: 90% отвращения и 10% материнских чувств. Да-да, я не только девушка деловая, по характеру я женщина-мать. И если говорить начистоту: если б мне кто пришелся по сердцу, наплевала б я и на любую карьеру и на все деньги в мире. Ведь как это бывает: сначала думаешь, что от детей одно беспокойство, потом начинает казаться, что, хотя беспокойства много, но все же в семейной жизни что-то есть, потом, что без детей жизнь какая-то пустая, а уж после — что больше ничего в жизни и не нужно. Я топталась где-то на третьей станции в то утро, когда раздался звонок Одиночки. Я ему сказала:

— Позвони днем, когда проспишься, и не спяну. Да не грози мне самоубийством. Пристало ли такому распостецкому, прямо от сохи стодесятипроцентному американцу косить психа и сигать из окна?

Он и говорит:

— Да благословит тебя господь, Марши, ты меня всегда направляешь на пусть пстинный. Даже если я заберусь на самую верхотуру, ты и тогда будешь со мной.

¹ Напротив (*франц.*).

— А теперь ляг, ироспись и направь себя сам на путь истинный,— говорю я.

Заказчики были без ума от Одиночки. Лучше его никто не рекламировал товары на всем радио и телевидении. Для начала он, бывало, заведет: «Взгляни, взгляни на одинокий путь»,— потом перейдет на «Эй, ребяташки, это я, с приветом к вам из Арканзаса». И они готовы лопать, что дают, прямо из его трясущихся ручищ. «Вы, ребяташки, может, скажете, что это чепуховина,— говорит он,— может, вам эта штука не правится, может, вы очень переборчивые, а я б только ее и ел. От чего, как не от нее, у меня румянец во всю щеку?»—и внештатные гении всех рекламных агентств только головами качают и тут же хором заявляют, что Одиночка — полновесный гений номер один. Даже овсяную кашу в пачках выпустили с изображением его ряшки и назвали «Чепуховина». Так вот, он решил завести самостоятельную компанию «Одиночка Роде», для того чтоб отхватить кусок и этого пирога. Оказалось, он помещан на машинах — бзик у него автомобильный, так что он купил еще и «ягуар», чтоб «кадиллаку» не скучать в одиночестве. Его Нильсен¹ все лез и лез в гору, пока он не сравнялся в популярности с самим Джекки Глизоном и епископом Шином. Ну а уж товар свой он так умел подать, как этим деятелям и не снилось. «Что-то в нем есть»,— говорили они, согласно кивая головами, словно этим все объяснялось, и шли опрокинуть стаканчик-другой мартини.

А Одиночка с уборки мусора перекинулся на контроль над квартирной платой и дипломатические назначения. Он стал не только политиканом, но еще и добрым самаритянином. Он даже учредил специальную передачу под названием «Сторож брату моему» и заправлял ею единолично. Все четыре с половиной минуты, отведенные под «СБМ», как мы эту передачу называли между собой, он взывал о помощи какому-нибудь конкретному лицу. К примеру, в Мердиане (штат Висконсин), умирает мальчик, у которого кровь редкой группы. Одиночка одним духом выкладывает эту историю и просит отдать мальчику кровь. Через полчаса не меньше тысячи слушателей со всех концов США осаждают радио звонками. Вот это я называю доходчивостью.

¹ Коэффициент популярности; назван по фамилии владельцев агентства, собирающего сведения о популярности актеров, певцов и т. д.

Так вот, в Одиночке этой доходчивости было хоть пруд пруди. В Нью-Джерси у вдовы с девятью детьми сгорает дом, и Одиночка просит прислать деньги на постройку нового. «Присылайте по доллару — не больше, — говорит он. — Мы, простые люди, должны помогать друг другу в беде». И простые люди присылают столько денег, что хватило б на постройку двух домов. Но Одиночка и это предусматривает. Он учреждает фонд Одиночки Родса. Если ему присылают сверх того, что он просит, излишки идут в общий котел фонда. Лавочка эта налогами не облагалась, и многие шишки раскошеливались — кое-кто по щедрости душевной, а кое-кто, чтобы получить дармовую рекламу: хотелось им, видно, чтобы Одиночка объявил: «Спасибочки вам большое, фирма «Оскар Шильтц», хорошие вы ребята», — по всем каналам. Одиночка прямо помешался на этом фонде. Послушать, так никто, кроме него, во всей Америке благотворительностью не занимается, и вообще один он такой сердобольный во всей стране. А что касается тех знаменитостей, которые почему-либо не вносили свою лепту в фонд, им доставалось от Одиночки как по радио, так и лично. Он ни перед чем не останавливался; начинал с того, что называл их байстрюками, а под конец шил им участие в антиамериканском заговоре. Не приходится отрицать, что кое-какая польза от «СБМ» и фонда, конечно, была, но каких нервов это стоило нам, его окружающим, которым доставались все синяки и шишки по причине того, что Одиночке вздумалось разыгрывать господа-спасителя.

И вот тут-то — а второе полугодие уже шло к концу — Одиночка и совершил свой первый налет на международную политику. До сих пор он довольствовался тем, что получал нас, как решать домашние проблемы, но вдруг ни с того ни с сего (мне-то кажется все дело было в том, что он отравился креветками в китайском ресторане) он стал мыслить глобально. Он сделал предупреждение китайцам, что, если они не прекратят путаться у нас под ногами в Корее, он перестанет отдавать рубашки в китайскую прачечную. У них, мол, в Ридdle, один китаеза как-то посватался к родственнице его деда Бэскома, рассказывал Одиночка. А дед ему и скажи: не разрешу жениться, пока ты свой поросячий хвост не отчекрыжишь. Китаеза говорит «холосо», идет в сарай и — чик-чик — отрезает хвост любимому борову прадеда. «С тех пор я знаю: даже если ты о чем с китайцем договорился, все равно ему не верь», — говорит Одиночка.

«По моему, довольно безответственно рассказывать такие байки, — говорю я Одиночке, — в тот момент, когда мы стараемся добиться перемирия, которое сохранит жизнь многих людей». Но чтоб мне пусто было — если парочка сенаторов не написала тут же Одиночке и не поблагодарила его за блестящий и остроумный анализ нашей наивной, чтобы не сказать, преступной международной политики. Одиночке тут же предложили выступить перед Объединением ветеранов и Дочерьми Конституции, а также ежедневно поставлять колонку политических шуток для газетного синдиката. После этой байки о китайце из Риддла нас засыпали письмами тысячи слушателей: они писали, что во всем согласны с Одиночкой и что дела наши пошли бы на лад, если б государственным секретарем стал такой разумный и прямодушный парень, как Одиночка Родс.

Я пыталась на него воздействовать: «Одиночка, все в порядке, пока ты паясничаешь, распевая «В отрогах Смоки», и рассказываешь байки о братане Абернэти. Но не кажется ли тебе, что, прежде чем высказываться о международной политике, надо хоть немного разобраться в том, о чем говоришь?»

Ответ был Одиночки как подлинный глас народа: «Народ сам ни в чем не разбирается. Народ так же глуп, как я. Зато мы нутром чуем, что хорошо, а что нет».

Я бесплодно пыталась объяснить ему, что он является гласом народа не больше, чем я с моим растленным вассаровским¹ акцентом. Впрочем, из-под овечьей шкуры американского вахлака выглядывал прожженный делец, такой, что своего не упустит, хотя он и любил носить маску этакого простачка-добрячка типа: «Вот какая чепуховина получается, ребятишки, конечное дело, где уж мне об этом судить, но только я так скажу...»

За примером ходить недалеко: Одиночка как-то произнес донельзя трогательную речь о священном институте брака. Он пел «Песню ткачей» и на середине этой душещипательной баллады остановился и спросил всех, кто стоит на пороге развода, сделать еще одну, последнюю попытку войти в положение другой стороны. «Стоит ли бросать первую любовь только для того, чтоб сказать последнее слово в споре?» — заливал он под тихий аккомпанемент домодельной гитары. Последовала неслыханная реакция:

¹ Вассар — привилегированный колледж для женщин, основан в 1861 г.

не меньше пяти тысяч пар написали Одиночке, что они «одумались». Он обещал супругам, которые напишут лучшее письмо о том, почему они помирились, выступление по радио в его программе, а потом сногшибательный уикэнд в Чикаго (второй медовый месяц) за его счет (сумма из налога вычитается). Легко ему было говорить, а читать, разбирать и сортировать эти паршивые письма приходилось мне. Я чуть не потонула в море соплей. Одиночку они почитали помесью Иисуса Христа и Санта-Клауса — с лучшими чертами обоих. Так что теперь у Одиночки благодать прямо изо всех пор сочилась.

Ровно через двое суток после того, как Одиночка недвусмысленно предложил мне брачное блаженство, я сидела дома и разбирала кучу писем — вдруг позвонил телефон. Звонила женщина. Голоса ее я никогда раньше не слышала. Она сказала, что ее зовут миссис Родс. «Вы мать Одиночки?» — спрашиваю я, вложив в голос всю сладость интонации возможной невестки. «Нет, жена я ему, — говорит женщина. — И мне охота вас повидать».

Не стоит отпираться, мне тоже хотелось ее повидать.

Дамочке оказалось этак в районе сорока, она изрядно расплылась, но следы былой красоты, правда, не очень высокого пошиба, наблюдались. Будучи по инстинкту снобкой, а по убеждениям демократкой, я не позволила себе употребить слово «плебейка», и тем не менее оно витало где-то над нами, как непроглядный туман, и омрачало наш разговор.

— Значит, вы новая девка Одиночки? — заявила она для затравки. — Что ж, надеюсь, вам его удастся удержать. Не то, что мне.

— Я сотрудница и личный друг мистера Родса, и ничего более, — заявила я холодно, корректно и вполне неубедительно.

— Да бросьте вы, — сказала она. — Администратор вашей программы — двоюродный брат моего зятя. Так что я про ваши шашни наслышана.

— Очень мило с вашей стороны сообщить мне, что мистер Родс женат, — говорю я. — Мне кажется, он мог бы не отказать мне в любезности сообщить об этом сам.

— Да мистер Родс в жизни еще никому никакой любезности не оказал, — говорит миссис Родс. — И хотите знать мое мнение? Таких мерзавцев, как мистер Родс, свет божий не выдывал.

— Не сомневаюсь, что ваше мнение подкреплено богатым житейским опытом, — говорю я.

— И он не только мерзавец, — продолжает миссис Родс, — он еще и псих в придачу. Он псих чего-то там. Так мне его невропатолог сказал.

— Невропатолог?

— А какая разница? Ну этот, словом, что психов лечит. — И она сочувственно покрутила пальцем у виска. — Словом, у Одиночки шарики за ролики заходят, ясно?

— Но не разрешите ли все-таки узнать, в чем цель вашего визита?

— Пусть Ларри раскошелится на три тысячи в месяц, и я дам ему развод. Нет — не будет ему развода, и вы оба у меня еще наплачетесь.

— Так как я не обручена с вашим мужем, — говорю, — предлагаю вам обсудить этот вопрос без меня.

— Ларри готов кинуться на любую юбку, — говорит миссис Родс. — А как добьется своего, дает ей от ворот поворот и пошел за новой. Это у него от психо... как ее там.

— Весьма любопытный диагноз, — говорю, мысленно благодаря судьбу, что устояла перед игривыми пассажами этого пса-переростка — Одиночки Ларри. — И все же я предпочла бы, чтобы вы с мистером Родсом обсудили этот вопрос без меня.

— Он враль и лодырь, ему нельзя верить ни на грош: я его застучала с моей лучшей подругой, так он мне еще челюсть сломал.

— Она, кажется, прекрасно срослась, — говорю я, выпроваживая гостью.

Сама не знаю зачем (ведь меня это никоим образом не касалось), вот разве что муж миссис Родс сделал мне предложение, да и от природы я любопытна (что словарь Вебстера определяет как излишнюю любознательность), я позвонила ему в «Эмбэссадор» и сказала, что у меня к нему дело.

— Марши, давай сюда, — гудит он, — давай сюда, опрокинешь стаканчик и узнаешь хорошие новости. Ты еще будешь гордиться Одиночкой.

— Ханжа ты несчастная, — говорю я, — враль лицемерный. Оракул дерьмовый!

— Марши, — воркует он и пытается отшутиться. Он мог убить человека своими хаханьками, а окружающие думали бы, что он весельчак, каких мало. — Тебе надо выпить, вот в чем дело, Марши, милка ты моя.

— Мир сошел с ума, — говорю я.

— Да почему, Марши, золотко? Почему, милка ты моя?

— А иначе, почему бы люди стали тебя слушать? Ведь это липа, это показуха, это цирковые сундуки с двойным дном. Ты и твои «кадиллаки» и твой дед Бэском. Сын народа. Задница — вот ты кто, а не сын!

— Марши, — говорит он, — ты устала, заработалась. Тебе надо отдохнуть. Мы поедем на Си-Айленд.

— Черт бы тебя побрал! — говорю я. — Не смей никогда произносить «мы», я ненавижу тебя, ненавижу все, что ты представляешь?

— А ты-то что представляешь? — спрашивает он, на этот раз вполне серьезно.

— Не знаю. Во всяком случае, кое-что получше. Что-то истинное, неподдельное, я не могу это как следует объяснить. Скажу лишь, что я не терплю липы, поэтому побереги свои шуточки для новичков.

— Меньше пены, Марши. Ты у нас начальник. Я шурую, а ты заправляешь. И тебе это хорошо известно. Так что дуй сюда, выпей глоток хорошего ирландского виски, и тебе сразу станет легче. Старик Одиночка обнимет тебя по-свойски и расскажет, какой мы тебя сделаем красивой и богатой.

Ну что ж, дую к нему. Но запомните: я не была в него влюблена, просто между нами существовала какая-то извращенная профессиональная связь. Прихожу, у него сидит Томми де Пальма. Де Пальма был из рекламных мальчиков. Хваткий. Проворный. Вылощенный. В следующем перевоплощении из него бы вышла такая рыба-лоцман для акулы, что любо-дорого. Не стану распространяться о де Пальме, но об одной его черте все же упомяну: такие парни, как он, любят присосаться к какой-нибудь знаменитости и играть при ней роль прямодушного друга, любителя резать правду-матку. Он обычно предупреждает, что будет говорить неприятные истины, а потом, лихо извернувшись, выкладывает все, что великий человек и хотел бы услышать. По сути своей это обыкновенные деловые отношения, но выдаются они за большую, красивую дружбу. Именно так Томми де Пальма, специалист по финансовым вопросам, который вел дела Одиночки Родса с мистером Пиэрлесом, стал его лучшим другом. А бутылку Джеймсона они распивали в честь своей большой коммерческой радости.

— Марши, — говорит Одиночка, — с моим вахлацким прошлым покончено, теперь мы будем ворочать большими делами. Впереди Нью-Йорк! Большому кораблю — большое плавание.

Да, планы у них были колоссальные, что верно, то верно. Одиночка собирался вести две программы: «С приветом к вам из Арканзаса» (пение и разговоры) и раз в две недели комментарии к последним известиям под названием «Доморощенный философ у бочки». И там Одиночка Родс, этот доморощенный философ, будет обсуждать последние новости с братаном Абернэти, дедом Бэскомом и теткой Люсибелль. «Мы всем перемоем косточки, обсудим все на свете — от Объединенных Наций и жадюг, что мухлюют с налогами, до делишек в Риддле, — говорит Одиночка, — мы будем купаться в деньгах, Марши, милка ты моя! И не нужны нам никакие рекламные агентства. На кой ляд нам отчислять им по пятнадцати процентов от пяти тысяч в неделю? Мы сами себе рекламное агентство. Томми будет работать на меня — возглавит агентство. образуем компанию «Родс, де Пальма и Кулихэн». Партнерами станем, Марши! Говн денежки, партнерочка. А для начала я тебе кладу пятьсот в неделю».

— Вы что, ребята, белены объелись? — говорю я.

— Это верная лошадка, — говорит Томми де Пальма наглым тоном делового человека из молодых, да ранних, что всюду без мыла пролезут. Так прямо и видишь его самым предприимчивым президентом из всех, что когда-либо подвизались в «Фи Сигме Йоте»¹. — Одиночка не имеет себе равных в области развлечений на дому. Его Нильсен — семнадцать точка девять. Его доходчивость...

— Марши, — говорит Одиночка, — через три года я стану миллионером, денег у меня будет навалом. Заведу себе с полдюжины машин, сотни две костюмов, свой вагон, яхту, а там — самолет и загородную виллу. Буду учить людей, что им есть, кому помогать и что думать.

— Одиночка самый что ни на есть располдинный глас народа со времен Билла Роджерса, — говорит Томми.

— Да ваш Роджерс мне в подметки не годится! — говорит Одиночка. — Разве у него были такие возможности общаться с народом? Таких, как я, еще не было.

— И не будет, — говорит Томми де Пальма.

— А ведь без тебя, Марши, — вот почему я так настаивал, чтоб ты к нам пришла, — без тебя — к чему притворяться? — я так и остался бы босяк-босяком.

— Давай смотреть фактам в глаза, — говорю я, — со мной ты тоже босяк босяком. Только босяк богатый, босяк — любимец публики.

¹ «Фи Сигма Йота» — студенческое общество.

— Я делаю много добра, — говорит Одиночка. — Благотворительностью занимаюсь, «СБМ» вот придумал. Хочу учредить летний лагерь Одиночки Родса для детей городской бедноты. Да стоит мне только взяться за дело, и страна вся, как один, будет меня обождать.

— А вот миссис Родс совсем тебя не обождает, — говорю я.

— Это карга, — говорит он. — Ей место в страшном сне. И за что меня господь так карает? Она только что звонила.

— Ах ты простая душа, — говорю я. — Ах ты глашатай счастливой семейной жизни, борец за крепкую семью. Когда будешь делать предложение в следующий раз, позаботься сначала развестись.

— Марши, да христом-богом тебе клянусь, что я с ней развелся в Мехико, только судью потом засадили за мошенничество, так что моя бывшая законная уверяет, что развод не состоялся. Теперь она воображает, будто я у нее в руках. Да пошла она куда подальше! Отвалю ей ее паршивые три тысячи в месяц, чтобы отвязаться. Марши, я по тебе сохну, жить *без* тебя не могу.

— Без гитары такие слова не звучат, — говорю я.

Тут де Пальма встает, поправляет складки на брюках и говорит:

— Ну, мне пора, ребяташки. Рано утречком мне играть в гольф с самим мистером Пиэрлесом. А теперь предлагаю последний тост за фирму «Родс, де Пальма и Кулихэн». Вот так-то и рождаются великие династии.

Потом мы с Одиночкой занялись немного французской борьбой на кушетке. Хорошо еще, что у меня мускулы крепкие — сказались занятия теннисом.

— Ларри, — говорю, — брак — одна из тех вещей, которыми я не шучу. Мы и глазом не успеем моргнуть, как сядем в большую лужу. И для нас плохо и «Родсу, де Пальме и Кулихэн» пользы от этого не будет.

— Значит, ты к нам присоединяешься?

Видно, оно к тому и шло. Раз уж делаешь ставку на карьеру, лучше играть по-крупному. А я, видно, нашла свою судьбу с «Одиночкой Родсом и К°».

— Спасибо, Марши, — говорит Одиночка. — Только тебе одной могу сказать: иногда по утрам меня берет страх, Марши. Конечно, успеха я хочу добиться, а уж чего хочу, того добьюсь. Но вот какая чепуховина получается: ведь раньше я и помыслить не мог, что заберусь так высоко. Оплата по высшей ставке, и эта колонка, и комикс ежедневный, и куклы — дед Бэском там и прочие, и напитки, и

сигареты всякие имени меня, а теперь еще все ждут, чтоб я придумал, как поднять курс доллара. Есть от чего струхнуть.

Бедный Одиночка! Конечно, моменты неуверенности, колебаний редко его посещали и случались только под утро, да и то с большого перепоя, но все же они случались — что было, то было. А потом они проходили внезапно, как головная боль, и он снова превращался в такого же хвастливого, эгоцентричного сенбернара, каким был всегда.

Да, нелегко ему дался американский успех. Впрочем, второго такого случая, наверное, не было за всю историю человечества. Почему, спросите вы, а прежде всего потому, что такой успех возможен не только в свободном (вернее, свободном от всякой ответственности), но еще и в ненормальном обществе. Именно таком, как в Америке, спаси нас господь и помилуй. Ведь если хоть на минуту задуматься, сразу поймешь, что живешь в безумной стране. Где еще девчонки рвут на части таких хилых, невзрачных парнишек, как Фрэнк Синатра и Джонни Рэй? Да где еще Одиночка Родс — а ведь и за километр видно, что он собой представляет, — мог бы стать любимцем публики и известным философом?

В ту ночь я постаралась уяснить все это для себя и для Одиночки. Я ему кое-что изложила из того, что мне рассказали в школе о жизни первых поселенцев. Нашим национальным идеалом является жизнь первых поселенцев, мы так горюем по ней, как мать горюет по сыночку, которого переехало грузовиком в возрасте семи лет. Песни поселенцев давно отзвучали, но мотивы живы, ох, как живы! Вот почему мы не доверяем ни башковитым парням, ни профессорам. Одиночка как-то блестяще сформулировал эту идею, выступая по радио. «Мой дед Бэском, — сказал он, — ни в каких школах не обучался, а парня умнее его у нас в Ридdle не сыскать. Все, что я знаю, я узнал от деда Бэскома, а он и сам ничего не знал. Так вот, как-то дед, старый прохвост, и говорит мне...». Тут Одиночка излагает свою идиотскую идейку, и не успеешь оглянуться, как тебя заваливают письмами: мол, какой стыд, что Одиночка не в Вашингтоне, ведь, кроме него, некому поучить уму-разуму наших оборотов-политиков.

Да, настоящему доморощенному американскому философу с таким народным подходцем нет преград, он обречен на успех. Я боялась и думать о том, чем все это копчится, а с другой стороны, не могла не думать об этом.

Я ему изложила, па каких условиях я согласна ехать с ним в Нью-Йорк. Меня интересует лишь карьера, так что я буду ассистенткой, помощником продюсера, девушкой за все или чем там еще, но и только.

— Я хочу только, чтобы ты была со мной, Марши, — говорит он, — а уж в каком качестве, мне все равно. Знаю, я великий человек и нужен Америке, но что бы я был без тебя, да обо мне ни одна живая душа и слыхом бы не слышала... Ты мой...

— Якорь, — говорю я. — Нянька. Балласт. Свет твоих очей...

— Смейся, сколько влезет, — говорит он. — Но когда ты у всех на виду, нужно иногда видеть рядом лицо друга. Без тебя я буду один, как перст.

— Только не вздумай исполнять это по радио, пока я не закрепила авторские права в Берлине.

— Марши, — говорит он, — ночуй у меня. Тут две кровати. Я тебя и пальцем не трону. Будем как брат и сестра.

— Да я бы тебе не поверила, — говорю я, — даже если б мы лежали в двух гробах.

— Да, я парень не промах, — говорит он, давя обаяшку.

— Ты Гек Финн-неврастеник, — ехидничаю я. — Если б только твои поклонники знали, какой хрупкий тростник служит им опорой.

— Пусть это будет нашим секретом, Марши, — говорит он и утробно хохочет.

Мне все же удалось уйти.

— Доброй тебе ноченьки, партнерочка! — крикнул он мне вдогонку и снова присосался к бутылке. Американский дядюшка Одиночка, утешитель страждущих.

II

Мы переехали в Нью-Йорк, в этикие простенькие семикомнатные апартаменты в «Уолдорф-Тауэрс» под самой крышей. Работы было так много, что мне вскоре пришлось нанять помощницу, а ей, в свою очередь, тоже нанять помощницу. На обложке «Лайфа» появился портрет Одиночки, в этом же номере поместили разворот о его родном городке Ридdle и еще эти люсовские размышления на тему «Что означает такое явление, как Одиночка Родс?»

«В наш сложный век, когда Америку замучили непомерные налоги, бюрократия, атомный психоз, в ней проснулась тяга к тем простым ценностям, которым она обя-

зана своим величием», — писал «Лайф». И любовь масс к Одиночке, мол, является свидетельством этой тяги.

Одиночка стал теперь королем телевидения, а ежедневную колонку, которую сочиняли для него два наших самых бойких пресс-агента, синдикат продавал в сотни три — не меньше — газет. Детям дарили тысячи марионеток Одиночек, и казалось, самодельная гитара, того и гляди, станет нашим национальным инструментом. По сравнению с обстановочкой в «Уолдорф-Тауэрс» Бедлам показался бы Аркадией. Теперь мы содержали целый штат писак, чтобы сочинять эти псевдонародные байки, которые Одиночка потом выдавал по ящику. Целый день у нас под ногами болтались теле- и радиодейтели, заказчики, внештатные сочинители реклам, театральные репортеры, всякие людишки в поисках работы и, конечно, пресс-агенты. У Одиночки появился собственный двор — и не такой уж маленький. Они хохотали до упаду от его острот, приходили в восторг от того, до чего же он здоров пить, и вопрошали во всеуслышание: ну разве был хоть раз за всю историю эстрадного дела такой бескорыстный, такой мудрый молодец-удалец? «Его» нашего Одиночки росло, как на дрожжах: теперь он почти без передыху говорил только о себе самом. Пресс-агенты обмирали, когда он заводил рассказы о том, какие благодеяния оказывает фонд Одиночки Родса. Как он, к примеру, выручил рыбаков одной деревушки в штате Мэн (тамошние рыбаки в сезон, когда рыба не ловилась, помирали с голоду), предложив построить там фабрику самодельных гитар, и рыбаки пустили рыбы кишки и лески на струны и зажили припеваючи. Или как спас от разорения шестидесятилетнего фермера, больного артритом.

— Вот такая чепуховина получается, — захлебывался Одиночка, забывая, что разглагольствует перед прихвостнями, а не перед великим американским народом, — если бы мы, простые люди, больше думали о том, как помочь нашему соседу, чем этим банановым республикам, что на нас плюют, — какого черта нам бы надобился весь этот набор политиков от А до Зет в Вашингтоне. Как, бывалоче, дед Бэском говаривал: побольше бы нам старых добрых христиан и поменьше этих нынешних чинодеров.

Сам Одиночка в церковь и не заглядывал — воскресные утра он, по его собственному выражению, проводил в Спохмелья-тауне, но зато ближнему любил прочитать лекцию на тему, как хорошо встать пораньше и показать Парню Там, на Небесах, что ты о Нем помнишь. Доверия

он вызывал столько же, сколько девятидолларовая купюра¹, и тем не менее с полдюжины сект сделали его почетным старейшиной, а Объединенные конференции сектантов постоянно засыпали его почетными значками и дипломами. У нас целая кладовка была забита ими.

Одиночка во всем преследовал свои цели, и хотя мне из-за кулис было отлично видно, чего стоят его словеса, все же нельзя не признать, что он своим эгоистическим манером делал много добра.

Летний лагерь Одиночки Родса для детей городской бедноты всех рас и вероисповеданий приносил много пользы. Так что Одиночка был далеко не беспримесно добр или беспримесно зол. Он был таким злым гением, который творил добро, что сочеталось в нем с добродушным стремлением чинить зло.

И у гораздо более трезвого человека, чем он, закружилась бы голова от лести Томми де Пальма и всей его камарильи, которая неустанно кадила Одиночке, раздувая его и без того раздутое самомнение. Стоило Одиночке что-то ненароком сболтнуть в микрофон — и нате вам, пожалуйста, — новый продукт уже запускается в производство. Однажды он брякнул, что любит поиграть в дурачки — так он, видите ли, отдыхает с устатку, уж очень его выматывают выступления по телевизору и прочие мероприятия, — и вся страна мигом перестает играть в канасту и перекидывается в дурачки. Представители компаний по производству технических новинок шляются по коридорам «Уолдорфа» в надежде, что Одиночка клюнет на приманку и как бы невзначай разрекламирует их товары по радио и телевидению.

Все, чего бы он ни пожелал, — выпивка, женщины, гоночные машины, огнестрельное оружие (он ведь стал крупным коллекционером, у него целая стена была завешана кентуккийскими ружьями по четыреста долларов за штуку), — все это доставляли ему благодарные или ожидающие благоденствий подлипалы. Вокруг него постоянно вертелось не меньше полдюжины манекенщиц, рядом с которыми я казалась себе замухрышкой. Наши апартаменты, где шныряли озабоченные администраторы, литературные негры, подставные лица, где денег куры не клевали, вино лилось рекой и толпились красотки, напоминали своей роскошью и великолепием дворы персидских царей, во всяком случае, насколько это возможно в этом столетии

¹ Купюры такого достоинства нет.

и в этой стране. Я не знала, что делать, плакать или смеяться каждый раз, когда слышала, как Одиночка (при всех его «кадиллаках», «ягуарах» и комплексах) заливает своим развесившим уши слушателям: «Я, конечно дело, парень темный, простой вахлак из Арканзаса, и к вашим городским делам непривычен...» Это он-то непривычен, когда он любого городского мог в два счета облапошить!

Но одного пресс-агенты и заказчики реклам не могли ему дать — это меня.

Не то чтобы я была ему так уж нужна, видит бог, около него крутилось без числа всяких красоток, но он вбил в свою жадную башку, что без меня ему жизнь не в жизнь. А все, наверное, потому, что я одна не пресмыкалась перед ним и не заискивала, а вела себя так же дерзко, как в тот день, когда он впервые ввалился в пашу контору в Фоксе (штат Вайоминг) в дырявых башмаках, потому что только я могла оборвать его, когда он зарывался.

Одиночка завел привычку ходить под газом, и после одной передачи, когда он заплетающимся языком распространялся об исконных американских добродетелях, я ему выдала по первое число, сказала, что профессионалы так не поступают, что он дерьмо, а не работник, и пригрозила уйти, если он не одумается. И уже за полночь мы в темпе разыграли одну из этих сцен: «Я тут же возьму себя в руки и исправлюсь, если ты за меня пойдешь». Он сказал: дело идет к тому, что его брак с миссис Роде вот-вот расторгнут. Она в данный момент обретается на Виргинских островах — получает развод.

Я сказала, может быть. Я сказала, поживем — увидим. Я сказала, с ним не соскучишься, и мне хватает забот, пока у нас с ним деловые отношения, а что будет, когда мы поженимся.

Он сказал, что хочет вернуться к простым радостям жизни, а не быть белкой в телевизионном колесе. Он сказал, если он уйдет с телевидения, женится, остепенится, купит ферму, заведет абердинских бычков и детишек, он перестанет пить и станет приличным человеком,— так он считает. Он сказал: знаю, ты меня списала в расход, но все дело в том, что я совсем ошалел от этих скоростей и еще из-за того, что слава обрушилась на меня так внезапно, что я даже па па-мама не успел сказать. Он оказал, он совсем перестал спать и без передыху говорит о себе, потому что в глубине души отлично понимает — не такая уж он величина, как поет ему Томми де Пальма и остальные. Вовсе нет. В глубине души он застенчив и чувствителен.

А все это бахвальство и хвастовство, все эти разговоры о том, ах какой я великий да гениальный, это все только личина, которую он надевает, чтобы скрыть свою истинную сущность. Только мне он может открыться до конца, сказал он, вот почему он жить без меня не может, вот почему он так хочет на мне жениться. И если я ему откажу, он сиганет из окна.

После таких задушевных бесед на рассвете я была готова сказать «да»; чем-то он походил на большого уютного пса, хоть это и был пес-неврастеник. Я ему сказала, что не хочу слушать разговоров о том, как он сиганет из окна. Не хочу я брать на себя такую ответственность. Я ему сказала: всякого, кто так говорит, надо сводить к психиатру. Я даже посоветовала ему обратиться к одному моему знакомому врачу.

Он меня проводил до двери и нежно поцеловал на прощание. «Марши,— сказал он,— если ты за меня пойдешь, может, я к старости помягчаю и запишусь в либералы».

Потом эту шутку мы часто повторяли. Потому что мой рядовой американец с его двухсотдолларовыми костюмами и двенадцатидолларовыми галстуками был не более либерален, чем Уильям Говард Тафт¹. У него просто руки чесались выкинуть на помойку Организацию Объединенных Наций и покончить с профсоюзами. Я в шутку говорила ему, что он, того и гляди, станет баллотироваться в президенты, во всеоружии своего арканзасского акцента, самодельной гитары и прочих атрибутов, на платформе детского труда и шестнадцатичасового рабочего дня. «Вот какая чепуховина получается, ребяташки; только у нас, в Риддле, когда моему дядьке Ляпсусу пошел восьмой год, его послали работать на винокуренный завод, и он в два счета повзрослел. А на десятом году дядькин папаша уже его в вытрезвитель отправил. Да, ребяташки, только тот, кто с молодых ногтей хлеб своим горбом зарабатывал, становится человеком» — в этом весь он, мой друг Одиночка.

Следующую свою передачу он посвятил доподлинно американской семье, и такое заливал, что любо-дорого послушать. Он пел «Родина, милая родина» до тех пор, пока все зрители от первого до последнего не прослезились. Да, никто не сделал столько для поддержания семейных устоев с тех самых пор, как Эдуард VIII отказался от трона «ради любимой женщины». Одиночка самого Оди-

¹ Президент США (1857—1930), прославившийся своими реакционными взглядами.

ночку заставил пусгить слезу. Конечно, если б кому-нибудь пришло в голову произвести анализ его слез, в них обнаружился бы высокий процент алкоголя. Так-то оно так, но со слезами или без, а всучить свой товар он умел. Надо сказать, что Одиночка был из породы тех поразительных лицемеров, которым ничего не стоит симулировать искренность, а потом самому растрогаться.

В тот же вечер он прямо после передачи вылетел в Арканзас — смотреть футбол и судить состязание тамбурмажореток штата. Мне бы надо раньше упомянуть — хотя вы и сами, наверно, догадались, — что среди интеллектуальных увлечений Одиночки тамбурмажоры и тамбурмажоретки занимали не последнее место (он и сам недурно жонглировал булавой), и потом он обещал публике, что победительница соревнований выступит вместе с ним по телевидению.

В понедельник я отправилась встречать его, но Одиночка не прилетел. Я позвонила в отель в Литл-Роке, где он остановился, и мне сказали, что он выбыл. А у нас, между прочим, на три часа была назначена передача. Он так и не объявился. Я пришла в такую ярость, что, кажется, задушила бы его своими руками. Сама не знаю, как мне удалось подыскать ему замену. Минут за пятнадцать до начала передачи принесли телеграмму от Одиночки. Из Хуареса, в Мексике, «Мэри Мэй Флекум, победительница состязаний, — гласила телеграмма, — оказала мне честь стать миссис Роде». И что-то там еще насчет того, чтоб я держала форт.

Через три дня он прилетел со своей Мэри Мэй. Эта пухлая блондиночка с нахальной мордашкой мурлыкала, как кошка, и вела себя столь недостоверно глупо, что мне это показалось чистым ловкачеством. Мэри Мэй тут же появилась в народной программе Одиночки. Она выпархивала в облегающем, как перчатка, комбинезончике, отплясывая кекуок и вихляя одновременно булавой и попкой. Еще она умела пускать трели. Да, в этой Мэри Мэй Флекум таился кладезь талантов. Наш Одиночка пускал слюни от нее как на экране телевизора, так и в жизни. Он обращался к ней не иначе, как «ах ты моя картошечка арканзасская».

Я явилась к нему и заявила: пора бы мне пойти в отпуск, а после отпуска — в отставку. На телевидении передо мной теперь все дороги открыты, денег, конечно, я получать буду меньше, по зато и Одиночку буду меньше видеть.

Одиночка повел меня в свой личный кабинет — по виду он напоминал арсенал среднего размера — и сказал, что хотел поговорить со мной по душам с тех самых пор, как вернулся из Мексики.

Я говорю:

— Лучше бы сказать по душе, потому что у нас на двоих с трудом наберется одна душа.

— Ну, Марши, милка ты моя, не надо так, — повторяет он. И говорит, что должен мне объяснить, почему он женился на Мэри Мэй, а не на мне, не то его совесть замучит. А дело, оказывается, в том, что он просто боялся жениться на мне.

— А на прошлой неделе ты боялся, что тебе не удастся жениться на мне, — напоминаю я ему.

И это верно, соглашается он, но я его запугала: я знаю куда больше его и уж очень люблю покритиковать. В глубине души я его не одобряю. Со мной он чувствует себя оборотом. А с Мэри Мэй наоборот. Мэри Мэй его боготворит и души в нем не чаёт. Для Мэри Мэй выйти замуж за Одиночку и жить в «Уолдорфе» — все равно что для Золушки выскочить за принца. Я сказала:

— Мэри Мэй — это твоя публика, преподнесенная в одном смазливом личике. Это — логическое завершение величайшего романа двадцатого века между Одиночкой Родеом и его аудиторией.

— Мэри Мэй конфетка моя, — воркует Одиночка.

— Не растолстеешь ли ты на таком меню — все картошечка да конфетки? Не больно ли жирно?

— Не злись, Марши, — говорит Одиночка, — девушка ты, конечно, красивая, и с тобой не соскучишься, но уж очень ты занозистая.

— Я пришла к тебе не для того, чтобы обсуждать мой характер, — говорю, — поскольку тебя это никак не касается. Я пришла попрощаться, и мне пора.

— Иди сейчас в отпуск, — говорит он, — но потом возвращайся и будем работать, как прежде, на строго деловой основе. Мы такую фирму учредили, а ты хочешь нас бросить на полдороге. «Одиночка Роде и К°» теперь стоят не меньше миллиона долларов в год. Не говоря уже о фирме «Роде, де Пальма и Кулихэн».

— Хватит одного «Родса и де Пальмы», — говорю я, — вы, двое голодранцев, можете выкупить мою долю. А я перейду в отдел «Писатель беседует с критиками».

— Книжками заниматься будешь? — говорит он (наш оракул Одиночка Роде ничего, кроме «Ньюс» и «Миррор»,

в руки не брал, но считал себя человеком начитанным). — Да кто их читает, твои книжки?

— Всего несколько человек, — говорю я, — несколько человек нас, заядлых рутинеров.

— Повеселись хорошенько, Марши, — говорит Одиночка. — Но пей, гуляй, да нас не забывай. И не вздумай влюбиться — я буду ревновать.

Тут в кабинет влетела Мэри Мэй. Она гарцевала, как лошадь на параде, даже когда ее не показывали по телевидению.

— Одиноченька, — мурлычет она, обвиняя его крепкими загорелыми ручками, — хочу, чтоб Одиноченька повел свою Мэри Мэй к Шрафту и угостил ее вишневым мороженым с содовой и взбитыми сливочками.

Одиночка рассеянно похлопал ее по спине.

— Скажи Томми, детка, пусть распорядится, чтоб тебе принесли мороженое прямо сюда. А теперь вали отсюда, золотце, я занят.

— Я уже ухожу, — говорю я, — уезжаю на острова. Так чего бы тебе не побаловать девочку, не отвести ее к Шрафту? Она ведь ни разу в жизни не видела, как объедаются с риском для жизни на Пятой авеню.

— Я без памяти от мороженого, — глупо хихикает Мэри Мэй.

— А Одиночка от тамбурмажореток, — говорю я и тут же жалею, что не удержалась от колкости. — Так что вы должны быть очень счастливы.

— Очень вам благодарная! — кричит мне вслед миссис Родс, и я выхожу из двери с наиболее горделивой из имеющихся в моем распоряжении осанок.

Улетаю на Кубу и останавливаюсь в непрезентабельном кубинском отеле на берегу Верадеро. Мне доставляет удовольствие уже одно то, что я так далеко от «Уолдорф-Тауэрс» и от Одиночки Родса, и я знакомлюсь там с одним человеком, который (а надо сказать, что такое за многие годы со мной случилось впервые) заинтересовал меня. Он работает в нью-йоркском «Таймсе», начитан, умен, и в то же время мне с ним не скучно. Мы оба любим отдыхать запросто, ходить босиком, в старье, удить рыбу и болтать целые дни напролет на пляже и в местных барах. И я часто думаю: а не следует ли окончательно выкинуть Одиночку из своей жизни, прежде чем у меня завяжутся какие-то отношения с этим человеком? И я думаю, а ведь психоаналитик нашел бы, что Одиночка в моей жизни занимал место отца. Я одновременно и любила его, и мечтала от не-

го избавиться, и еще дать ему под зад коленкой на прощание. Во всяком случае, пока рядом не было Одиночки, который, как гигантская губка, всасывал в себя мою жизнь да и жизнь множества других людей, я жила припеваючи.

Как-то вечером мы отправляемся в Гавану — решаем обойти все бары. Там, просматривая номер «Тайма», я наткнулась на последние сведения об Одиночке: он разразился одним из своих знаменитых открытых писем к Великим Мира Сего — и на сей раз адресатом избрал Черчилля. Одиночка писал, что пора бы Великобритании слезть с нашей шеи, а не то он, Одиночка, отвернется от англичан и посоветует американскому народу распродать их с молотка, как поступают с банкротами. Америка станет богаче, сообщил он тридцати миллионам своих зрителей и слушателей, если она будет действовать в одиночку, «как в те дни, когда мы отстаивали свою независимость в борьбе против англичан». Будь я на студии, во-первых, я никогда не допустила бы этого позора. И уж, конечно, во-вторых, я бы его просветила на тот счет, что в 1776-м мы сражались вовсе не в одиночку. С нами заодно бился Лафайет, и эти храбрые поляки Пуласки и Костюшко. Не говоря уж о том, что на нашей стороне были Франция, Испания и половина Европы. Просто оторопь брала от того, как Одиночка, этот гондольер с домодельной гитарой, брался рассуждать о глобальных вопросах, когда сам ни в истории, ни в политике ни в зуб ногой. Этот нахальный невежа, которому придавала дерзости именно его темнота, ничтоже сумняшеся поучал своих «соседей», то есть практически всю Америку, как решать не только личные, но и общенациональные проблемы.

Однако, как это ни странно, его лозунг «Пора послать Англию ко всем чертям» вызвал поразительный отклик в официальных кругах.

Один лейбористский лидер выступил в британском парламенте с требованием, чтобы Черчилль заставил Одиночку извиниться за свои оскорбительные замечания. За его речью последовали яростные дебаты, во время которых лейбористы и консерваторы обменялись взглядами относительно англо-американских отношений. Черчилль заявил, что англичанам не пристало вмешиваться в чужие дела и посягать на свободу слова в Америке, хотя он, естественно, глубоко сожалеет о том, что мистер Родс так суров к своим заокеанским родственникам. Очевидно, он думает, что мы стоим на еще более низкой ступени разви-

тин, чем его арканзасские родственники, сказал премьер-министр, покрыв тем самым деда Бэскома и брата Абернэти славой и по ту сторону океана.

Первые страницы нью-йоркских газет чуть не неделю только об этом инциденте и писали. Одиночку носили на руках и чикагская «Трибюн», и нью-йоркский «Джорнэл», и «Дейли ньюс», но «Таймс» и нью-йоркская «Трибюн» в вежливых передовицах советовали Одиночке отправиться восвояси в Риддл и хорошенько отдохнуть от международной политики.

Шел четвертый час ночи, я наслаждалась глубоким сном — таким сном спишь только на Карибских островах — и свежим, теплым ветерком, дувшим с моря, когда меня разбудил стук в дверь.

«К телефону-у, пожалуйста». Я вскочила, накинула халат и в перепуге помчалась в холл: решила, что звонит отец. Он последнее время прихварывал. Но звонил не отец. Звонил Одиночка Родс.

— Одиночка, как ты узнал, где я остановилась?

Оказалось, проще простого — он видел открытку, которую я послала своей ассистентке из Верадеро, и прочесал все отели по списку.

— Марши, — говорит он, — когда ты вернешься в Нью-Йорк? Приезжай немедленно.

— Не смей меня, — говорю я.

— Нет, без дураков, Марши, милка, ты мне позарез нужна.

— Что стряслось? Англия тебе войну объявила?

— Плевал я на этих паршивых лимонников! Ты бы послушала, какого я сегодня перцу Черчиллю задал. Если кто кому и объявит войну, так я им, а не они мне. Но не об этом речь. И не к тому я тебе звоню, Марши. Я жить с тобой хочу, вот что.

— Прелестная получится семейка, нечего сказать, — говорю я, — ты, да я, да твоя тамбурмажоретка.

— Да ну ее к богу в рай, Марши. На кой мне сдалась эта потаскушка? Я ее выгнал и сказал, чтоб духу ее здесь не было. Слышать о ней не хочу. Ты одна мне нужна, Марши. Я без тебя жить не могу.

— Выходит, дни твои сочтены, Ларри, — говорю я.

— Ну, пожалуйста, Маршияночка моя, на коленях прошу. Вот я стою на коленях, прямо у телефона. Слышь, на коленях прошу.

— Еще белые перчатки надеть, и хоть сейчас исполняй «Мэмми», — говорю я.

— Прямо за моей спиной окно. Если ты не пообещаешь прилететь на следующем же самолете, я прыгаю.

— Прыгай, — говорю я.

— Не веришь, — говорит он, — думаешь, у меня кишка тонка? Ладно, вот я открываю окно, что ты теперь скажешь? И, христом-богом клянусь, если не пообещаешь сесть на следующий самолет, я прыгаю.

— Одиночка, — говорю. — Послушай меня. Я здесь встретила одного человека. Впервые мне кто-то понравился с тех пор, как я кончила школу. Это серьезно, и я чувствую, что у нас все будет хорошо.

— О господи, — хнычет Одиночка, — ну почему вы все против меня? Чего я вам сделал? Если этот мерзавец тебя отобьет, мне не жить. Я выпрыгну из окна, ей-ей, выпрыгну. Я умереть хочу.

И тут я вспомнила все эти предрассветные подъемы по сигналу тревоги, на которые откликалась. Ситуация была, как при игре в покер, когда все деньги в банке и пора открыть карты. Мне было ужасно любопытно посмотреть, а что же случится, если я не кинусь к нему по первому зову. Не пойду, так сказать, навстречу. Уж слишком легко все ему давалось. Уж слишком он был особенный весь с ног до головы, от ботиночных шнурков до завитка волос, небрежно спущенного на лоб, и я всю дорогу подстилала ему соломку. Я причесывала его выступления, а не то он вещал бы потешнотворней отца Кохлина¹, я обеспечивала бесперебойный переход от бывших жен к манекенщицам и от них к новым женам и всевозможным потаскушкам. Я была привычным домашним блюдом, а вернее, уютной передевалкой, где отдыхаешь после игры, а выиграл ты или нет, все равно. Я была тем незаменимым винтиком, без которого гигантский экспресс идет под откос. А Одиночка Родс стал делом моей жизни, моей карьерой, моим Франкенштейном, моим преступлением.

— Прыгай, — говорю. — И поскорее. И чтоб больше я о тебе не слышала. И никто чтоб больше о тебе не слышал.

— Идет, — вопит он. — Как ты говоришь, так я и делаю. Но вина будет на тебе.

— Давай, давай, прыгай! — кричу я вне себя от ярости. Я б никогда не простила его, если б он прыгнул, и не простила б, если б не прыгнул.

¹ Кохлин Чарльз Э. (1892) — католический священник, постоянно выступавший по радио с проповедями самого реакционного характера.

— Ладно, — говорит он. — Ладно. Как ты хочешь, Марши. Но не забывай, что я гибну из-за тебя. Вот не знаю только, сейчас прыгнуть или завтра, после передачи. У меня завтра очень важная передача. Собираюсь войну объявить.

— В одиночку? Не известив конгресс?

— Конгресс известит народ! — объясняет он. — Мочи моей нет смотреть, как вшивые иностранцы берут над нами верх. Вот я и говорю: лучше покончить с ними разом, пока мы еще в силе, чем ждать, когда они нас возьмут измором. Как, бывалоче, говорил мой братан Абернэти...

— Брось, — говорю я, — побереги этот номер для великой американской публики, а мне нечего подсовывать своего липового брата!

Но что самое страшное: ему казалось, что у него и впрямь есть братан Абернэти. А теперь ему казалось, что он и впрямь объявит войну, и это было куда страшнее. Тот винт, нарезка на котором и так стерлась, сейчас совсем разболтался, и мотор разваливался на части.

— Если я прикажу народу объявить войну, — мелет он, — они завалят Белый дом и своих конгрессменов письмами и телеграммами. Солдаты потребуют, чтобы их повели в бой. В каждом городе и деревушке Америки образуются добровольческие отряды. Народ слушает Одиночку Родса. Народ с Одиночкой Родсом заодно.

Я струхнула. Может, он меня нарочно запугивал — на пушку, так сказать, брал. Он знал, как меня пугают безответственные невежи, что норовят повести за собой массы напрямиком к международному кризису. Он знал мое мнение об этих оракулах, которые не смогли бы наладить простые человеческие отношения, но имеют нахальство нам советовать, как повернуть вспять приливы в Африке. Так что, может, он и о войне заговорил лишь для того, чтобы позиздеваться над старушкой Марши? А что, если он не врет? Он был способен довести англичан до белого каления. Да и что могло б его остановить, если б он захотел привести мир к краху? Видела я эти мрачные объявления «В случае внезапного нападения врага...», развешанные рядом с рекламами безалкогольных напитков и сигарет вдоль американских дорог. И видела атомный гриб, вздымающийся над стертыми с лица земли городами. Видела Одиночку Родса, этого Нерона, жующего резинку, тренькающего на домодельной гитаре и наживающегося на рекламных объявлениях, в то время как цивилизация идет ко всем чертям.

— Ладно, уговорил, — отвечаю я, — потерпи прыгать. Я приеду при одном условии: погоди с войной до моего возвращения.

— Не надейся меня отговорить, Марши, милка моя, — говорит он, — мне все обрыдло. У меня кулаки чешутся, и злобы — просто перебор.

— Что ты перебрал, мне и так ясно, — говорю я. — А теперь иди-ка ты спать. Выспись и забудь про войну.

— Не дают мне развернуться, и я этого больше терпеть не стану! — говорит он.

— Прими горячую ванну, — говорю я, — а потом два эмпирина и фенобарбитал. И не вставай до моего возвращения.

На следующий день я вылетела первым самолетом и прямо с аэродрома отправилась в «Уоллдорф». Одиночку я застала в плачевном состоянии: халат весь в пятнах виски, по меньшей мере четырехдневная щетина, а перегаром разит чуть не за версту. По роскошным апартаментам всюду валяются бутылки — не то винный погреб, не то притон.

— Марши, детка, благослови тебя господь! — приветствует он меня. — Выходи за меня замуж, и ты станешь первой дамой Америки. Мои клубы по всей стране требуют, чтоб я баллотировался в президенты. Но только я еще не решил, хочу я быть президентом или нет. Всего не переделаешь.

— Ради бога, — говорю, — только не объявляй войны сегодня. Я сегодня морально не готова к войне.

— Марши, золотко, для тебя я готов на все. Я, наверное, был не в своем уме, когда женился на этой вертихвостке из Норт Литл-Рока. Булавой она, конечно, жонглировала знатно — по булаве в каждой руке и еще на гармошке наяривает. Да что говорить: она и ногами могла булавку кидать. А только все равно она мне не пара. Мне нужна женщина умная, чтобы с ней можно было обо всем поговорить. — Тут он лезет за бутылкой, и я вижу, как у него трясутся руки. — А, чтоб их черт побрал, да я, может, войну ненавижу побольше их. Но теперь они меня довели. И почему только я за все в ответе? Но если у них там, в Вашингтоне, пороку не хватает...

Он хватается рюмку виски, шатаясь, бредет к письменному столу и ворошит документы, вырезки из газет и письма в поисках какой-то бумаги.

— А я бы прыгнул, — говорит он. — Хоть ты мне и не веришь. Вот она, моя прощальная записка. — И он читает

мне записку слезливым, сиплым голосом. В записке говорится о том, как он скорбит по нашим славным американским парням, которые проливают кровь на чужбине. И о том, как ему жаль всех добрых американцев, соседей своих, которым суждено погибнуть в грядущей войне. «Ведь для меня вся паша страна — все равно как мой родной городишко Риддл, только что побольше, — так заканчивалось это послание. — И каждый из вас для меня все равно что братан Абернэти, тетка Люсибелль или там дед Бэском. Так что господь благослови и сохрани вас, возлюбленные мои родичи и соседи».

— Но ты же меня уверял, что хочешь прыгнуть в окно только из-за меня, — возмущаюсь я. — К чему ты тогда всю эту ерунду приплел?

Он мне пьяно подмигивает.

— А это я на зрителей работаю, — говорит он. — На мою программу «СБМ». Пусть у нас все будет на высшем уровне. Пусть думают, что я их любил, можно сказать, до гробовой доски. Усекла?

— Да, — говорю, — пожалуй, что усекла.

— Вот и умница! — вопит он. — Давай опрокинем еще по одной, и бай-бай в постельку. Пошлем всех к чертовой матери.

— Не затем я приехала, — говорю.

— Пошлем всех к чертовой матери! — кричит он. — И тебя тоже, если ты не хочешь бай-бай с папой, как хорошая девочка! — Лицо багровое, глаза безумные.

Я говорю:

— Ларри, ложись, я тебе принесу снотворное. И бога ради, перестань пить. Если ты не прекратишь бесноваться, я вызову доктора, и он тебе сделает укол.

— А мне в девять выступить по ящику, — говорит он. — Войну объявлять надо. Войну! — вопит. — Я им покажу, где раки зимуют!

— Ш-ш, — говорю я, — тебе надо лечь. Успокойся. Я устрою тебе замену, попрошу выступить Берта Уилера или кого-нибудь еще. А тебе надо отоспаться. Тихо. Ш-ш-ш...

Он пытается обнять меня и чуть не падает. Я поддерживаю его за локоть, тут он вцепляется в меня, и мы выписываем кренделя вместе. Он ищет своим ртом мои губы.

— Ларри, бога ради, пусти меня! — говорю я, вырываюсь от него и бегу по коридору.

Одиночка топает за мной.

— Эй, Марши, остановись. Давай побалуемся, милка! — Голос его раздается прямо за моей спиной. Но я все же добегаю до мраморной лестницы, выходящей в холл перед сдвоенным номером, и мчусь через две ступеньки вниз.

— Эй, Марши, давай...

И тут раздается крик — страшный, отчаянный крик: эта нетвердо стоящая на ногах махина теряет равновесие и с грохотом и треском летит вниз. Я слышу, как он пересчитывает головой мраморные ступеньки вплоть до самой последней. Потом раздается хриплый стон, и он затихает... Я боюсь его шевелить. Кидаюсь к телефону и вызываю Томми де Пальму. Когда я рассказываю Томми о том, что произошло, он поминает имя господне всуе, но сохраняет спокойствие. Он говорит мне: «Послушай, Маршия, выматывайся отсюда, да поскорее. Я сейчас приеду и обо всем позабочусь сам. И никогда никому — слышишь! — никому ни слова о том, что произошло».

А через несколько часов Одиночке Родсу, во всяком случае, его брэнной оболочке пришел конец. Сложный перелом черепа стер его имя с таблиц Нильсена. Правда, он стал легендой при жизни, еще до того, как свалился с лестницы, а теперь Томми де Пальма приложил все силы, чтобы придать этой легенде стройность и законченность.

На первых страницах всех без исключения газет были помещены отчеты о смерти Одиночки. В них рассказывалось, что Одиночка от переутомления свалился с лестницы по пути на телестудию, где он собирался обратиться к своим зрителям с посланием чрезвычайной важности. «Мы просили его сбавить темп, но, пока билось его большое сердце, он грудью стоял за американский народ», — цитировали речь Томми. Томми разыскал прощальную записку Одиночки и вовсю цитировал его ходкую сентенцию о скорби по нашим славным американским парням и вообще по своим соотечественникам, а о том, что Одиночка собирался прыгать из окна, попросту умалчивал. «Я присутствовал при кончине Одиночки, его последние слова врезались в мою память, и я не забуду их до самой смерти», — говорил Томми. В мою память последние слова Одиночки тоже врезались, но совсем не те, что цитировал Томми. Томми также использовал фразу насчет того, что «для меня вся страна наша все равно как мой родной городишко Риддл, только что побольше», а завершалась эта стряпня словами: «Господи благослови и сохрани вас, возлюбленные мои родичи и соседи».

Томми объявил, что фонд Одиночки Родса будет продолжать свое существование и послужит вечным памятником этому простому американцу. И тут же со всех концов страны посыпались пожертвования, доброму делу не дали захиреть. Создавались проекты памятника Одиночке в его родном городишке Ридdle — на постаменте красуются эти пресловутые последние слова, а венчает постамент весьма похожая статуя из бронзы. Что ж, пусть Томми торгует последними словами, как его душеньке угодно. Конечно, их легче и приличнее преподнести публике, чем то, что кричал Одиночка, когда гнался за мной по лестнице.

Похорон импозантнее я не видала. На Пятой авеню перекрыли движение, отчего образовалась пробка чуть не на двадцать кварталов. Чуть не полмиллиона человек пытались прорваться к погребальным дрогам. Женщины закатывали истерики и хлопались в обмороки. Похороны почтили своим присутствием мэр, генерал Макартур и почетный караул морской пехоты; сам Айк прислал соболезнования. Население Риддла, все как один, примчала на самолетах рекламная служба телевидения. Ковбой из Арканзаса спел «Не хорони меня ты в прериях глухих». Епископ произнес речь о духовной сущности Одиночки Родса. «Он был сыном народа, — сказал епископ, — ибо он был воистину сыном божьим».

Просто срам, что Одиночка не мог присутствовать на собственных похоронах. Он получил бы большое удовольствие. Спектакль был в его вкусе, — казалось, все эти тексты написали специально для него и он сам их разыграл. Да, он был фигурой влиятельной, спорить не приходится. Ведь у него тут же появился десяток подражателей, которые изо всех сил тшятся занять его место. Кинокомпания уже торгуются за право экранизировать его биографию. Журналисты спорят, кто будет его играть: Джон Уэйн? Билл Роджерс-младший? Пол Дуглас? Фонд Одиночки Родса получит от фильма значительные отчисления. Словом, как сказал бы Томми де Пальма, «вот так-то и рождаются легенды».

После похорон я зашла в бар за углом — посидеть, подумать. И хотя я так и не связала свою жизнь с Одиночкой Родсом, я не могу отделить себя от него. Я приложила руку к созданию этой легенды. И как я могу ее развенчать, если я тоже в ответе за нее?

Сирил Т. Корнблат

Пришествие по двенадцатому каналу

(Страницы летописи)

Случилось так, что в третьем квартале года Федеральный совет финансов повысил учетную ставку, и в стране стало туго с деньгами. Тогда банкиры, сидевшие в Нью-Йорке, послали Бену Греффису телеграмму, в которой говорилось: «Покупатели упрямятся. Вся надежда на Пуппи Панду¹. Да услышат они громкий голос с неба, и да разверзнутся кошельки».

«О, банкиры, — ответил им Бен Греффис, — Пуппи Панда плоть от плоти моей, а вы хотите обратить его во льва рыкающего. Было время, когда мы выпускали двенадцать славных Пуппи Панд в год. Я был доволен моей студией и моими художниками и был счастлив. Будь проклят день, когда я пошел на поклон к Большим банкирам из Нью-Йорка. Вы велели мне снять многосерийный полнометражный мультфильм с Пуппи Пандой. И я покорился. Они идут теперь в каждой дыре и дают фантастические сборы. Мы штампуют их из месяца в месяц, из года в год. Вы пелели мне состряпать фильм о животных. И я покорился. Кого только с кем не соединяли мы в нашей монтажной, попирая самым бессовестным образом законы природы. Публика смотрела моих животных и говорила: «Надо же! Эти твари точь-в-точь как люди: шалят, дерутся, влюбляются, носят платья и ходят в гости». Вы велели мне сделаться шутком, и я сотворил страну Пуппи-Панда-ленд. Человек идет туда обремененный детьми, увесистым кошельком и душевным спокойствием, а выходит оттуда оглушенный и растерзанный, утратив все, кроме драгоценных чад своих. Я исполнил и эту мерзость. Вы приказали,

¹ Панда — гималайский медведь.

чтобы Пуппи Панда ежедневно развлекал по телевизору почитателей Пуппи Панды. Я опять покорился, хотя Пуппи Панда — плоть от плоти моей. Но этот приказ, о Большие банкиры из Нью-Йорка, я не исполню».

Большие банкиры шлют еще одну телеграмму:

«Все так. Но мы верим, Пуппи спасет нас». И приписано: «Не забывай, парень, кто тебя с твоим Пандой финансирует».

И Бен Греффис покорился.

Он позвал своих художников, режиссеров, операторов и писателей. И он сказал им:

— Вы называете себя промывателями мозгов по той причине, что пять часов в неделю набиваете детские головы чепухой, чтобы папы и мамы покупали товары рекламодателей. Да, вы исполнили пророчества, ибо разве не сказано в Книге космических царств, что придет день и явятся циклические компании. И вот поклонники Пуппи Панды рекламируют иллюстрированные журналы Пуппи Панды, иллюстрированные журналы рекламируют Пуппи Панда-ленд, а Пуппи-Панда-ленд рекламирует поклонников Пуппи Панды. Вы спрашивали у ребят из Психологического центра, как ловить на крючок маленьких паршивцев, протирающих штаны у телевизоров. Они научили вас, и теперь на телеэкране резвятся умные, ловкие и смелые мальчики и девочки, с которыми отождествляют себя тупые ленивые притирки у телеэкранов. Вы породили для них Отто Клауда, глупого, напыщенного папашу, над которым можно без страха потешаться сколько душе угодно; вы породили для них справедливого, доброго и сильного Джекки Уиппла. Мальчишки гордятся им как своим старшим братом, а девчонки все влюблены и мечтают с ним познакомиться. Вы беззастенчиво льстите им, говоря, что это они будут править миром в XXI веке, не взирая на тот очевидный факт, что те, кто на самом деле будет править миром в XXI веке, не торчат у телевизоров, а прилежно делают уроки. Вы начинаете передачу веселым бодрым гимном, а кончаете добрым напутствием. И над всем парит дух Пуппи Панды, убеждающий и подзадоривающий зрителей покупать товары рекламодателей.

Беи Греффис тяжело вздохнул и, глядя в глаза своей братии, продолжал:

— Но, может, будет лучше, если Пуппи Панда перестанет уговаривать, умасливать, раззадоривать и улещать, а станет повелевать как господин бог?

И все художники и режиссеры, операторы и писатели

были очень огорчены и рассержены. И стали шептать друг другу:

— Это конец. Это гнусный конец. Большие банкиры из Нью-Йорка показали-таки свои зубы.

А один старый художник, весь дрожа от гнева, сказал Бену Греффису:

— О, шеф, если бы я знал, что все этим кончится, я бы не стал в 29-м году сдирать для тебя Пуппи Панду с Винни-Пуха.

И Бен Греффис уволил старого художника.

Тогда один режиссер сказал Бену Греффису:

— Две недели монтажа, и все будет готово, шеф.

Бен Греффис спрятал в ладони лицо и горестно воскликнул:

— Да будет так!

Через две недели в пятницу за четверть часа до конца передачи «Приятели Пуппи Панды» был показан новый комбинированный мультфильм. В этом фильме Пуппи Панда явился телезрителям ослепительным нимбом, и одаренные дети на экране поклонились ему и восславили его, а глупый папаша бухнулся было на колени, не удержался и растянулся на полу во весь рост. Джекки Уиппл искренно, горячо и убежденно призвал всех мальчиков и девочек из счастливой телестраны так же боготворить Пуппи Панду и поклоняться ему. А увенчанный нимбом Пуппи Панда добродушно урчал:

— Пу-у-у, у-у-у, у-ух!

Из тридцати семи миллионов детских душ одновременно вырвался возглас восторга и одобрения.

И отправился Бен Греффис вместе с художниками и режиссерами, операторами и писателями в студию.

— Да уж воистину велики возможности телевидения, — сказал он им. И пошел к бару.

Тогда один режиссер взглянул на Того, который сидел в кресле Бена Греффиса, ослепительным нимбом, и сказал:

— Это, конечно, великая гнусность. Но объясни мне, Бен, как это осветители сумели сделать ему такой роскошный нимб?

Бен Греффис очень удивился, увидев Того в своем кресле. Очепь удивился и рассердился. И встал с табурета и пошел к столу. За ним двинулись все его художники, режиссеры, операторы и писатели. И стали толкать Того к бок. Тогда Тот добродушно заурчал:

— Пу-у-у, у-у-у, у-ух!

И никого не стало.

А те нечестивые, что продолжали работать, повернулись от монтажных столиков и воскликнули в недоумении:

— Черт побери, это ужасно!

А один художник по куклам повернулся к своему шефу и сказал:

— Если Бен Греффис не уймет его, всем нам конец!

На что в ответ раздалось могучее бархатистое урчание:

— Пу-у-у! у-у-у, у-ух! Да будет так!

И так стало. И дней Пуппи Панды было много в земле его.

Проверено. Ошибок нет.

Января 18-го дня 36

П. П. Синод карающий и насаждающий

О. Клоуд. П. П. П.

Д. Уиппл П. П. П.

Гюнтер и Иоганна Браун

Возвращение блудного сына

Моя беда пришла в дом вместе с телевизором. Я не знаю, был ли он за те два года, что стоял у нас, хоть раз не включен. Уже на третий день после его приобретения я вызвал неудовольствие всей семьи, состоящей из бабушки, матери, отца и двух сестер, когда попросил, чтобы телевизор выключали во время ужина. Я не мог заниматься сразу двумя делами: есть и смотреть телевизор. Пусть сжалется надо мной, я человек слабый, и моя конструкция не вынесет таких перегрузок. Но она не вынесла и перегрузок от недоброго молчания и злых взглядов, обращенных на меня, когда мы ужинали в тот вечер при выключенном телевизоре. Куски то и дело застревали в моем горле. «Я пойду в Дом культуры», — сказал я, выходя из-за стола. Я еще услышал несколько язвительных слов, но, когда я закрывал за собой дверь, прозвучал голос дикторши, и моя семья погрузилась в почтительное молчание. Обо мне тут же забыли.

С тех пор я ел на кухне или в Доме культуры, но ведь не хлебом единым жив человек, и время между обедом и ужином я проводил в нашей гостиной; тут я хочу подчеркнуть, что ничего не имею против одного фильма в день, а тем более против телевидения вообще, но в тот знаменательный вечер, с которого все началось, телевидение показывало четыре передачи, и каждая из них была длиной с фильм, а я, как уже говорилось, человек тонкой организации, я не только не могу одновременно есть и смотреть телевизор, я не могу также вынести четыре такие передачи подряд: путешествие по Азии, криминальный фильм, беседу о новостях в сельскохозяйственной технике и эстрадную программу. Я просто не в силах это сделать! Я сижу без

движения, словно застыв, на стуле, и я, честно говоря, настолько слаб физически, что у меня начинает болеть голова. Последние кадры проходят уже совсем мимо меня.

Когда у меня начало постоянно рябить в глазах, я испугался, не схожу ли с ума, и слезы ручьем полились по моему лицу. В субботу после того, как мы посмотрели французский фильм, который мне очень понравился, я спросил, нельзя ли на несколько минут выключить аппарат. Вся семья взглянула на меня с неудовольствием. Так и не договорив, я вышел из гостиной.

Пройдя в другую комнату, я устроился в кресле. Почувствовал, как холод крадется по моим ногам все выше и выше, ибо зимой мы топим только одну комнату, и эта комната после полудня — гостиная. Кроме просмотра телепрограмм, там ровным счетом ничего не происходило. Там нельзя ни писать, ни читать книгу, потому что там всегда темно, а жалюзи иногда опускали уже в полдень. Будучи в этой комнате, я находился как бы в царстве теней, ведь там, по слухам, бродят тени ушедших от нас; я же видел в гостиной не мать, отца, бабушку и сестер, а только их силуэты. Я сам был тоже не больше, чем тенью, и, только покинув комнату с телевизором, замечал, что я все еще человек. А как таковой я имею потребность в общении с другими людьми.

Я очень привязан к моей семье и хочу это подчеркнуть, но одиночество кажется мне невыносимым, так что мне не оставалось ничего другого, как отправиться в Дом культуры. Когда в ту субботу я сидел за столиком в Доме культуры и доедал свой ужин, с грустью поглядывая в пивную кружку, ко мне подсел один молодой человек и спросил, почему я такой грустный и зачем смотрю в пивную кружку. Не случилось ли со мной какого несчастья? И я сказал: «Я потерял мою семью». Он поглядел на меня с сочувствием и сказал, что надо отвлечься. Есть кое-что подходящее. Я, понятное дело, полюбопытствовал, что он имеет в виду, и тут он говорит, что мне, мол, надо заняться боксом, у меня, мол, подходящая фигура для «мухача» и, мол, у меня должен быть неплохой удар.

Мне не очень-то хотелось заниматься боксом. Я попытался ему объяснить, что моя конституция для этого не подходит, что я, честно говоря, просто слабак, и в доказательство привел ему тот факт, что не могу просидеть четыре телепередачи подряд на одном месте. Так что, видать, боксер из меня не получится.

Он же сказал, что и трех передач подряд перед телевизором просидеть не может, а иногда даже одной, тем не менее из него вышел неплохой боксер. Он даже показал мне спортивный отчет в газете, где упоминалась его фамилия, но на меня произвело большое впечатление не то, что о нем писала газета, а то, что я нашел в нем товарища по несчастью, потому что я уже опасался, не являюсь ли я каким-то выродком, может быть, даже асоциальным типом, раз так плохо переношу телепередачи. И когда он предложил мне посмотреть их спортзал и тренировку боксеров, я пошел с ним.

Так я начал заниматься боксом. Каждый день я ходил в спортзал. Вскоре тренер сказал, что я один из самых гениальных его учеников. А когда он поставил меня в пример моим товарищам, я грустно сказал: «У них ведь есть еще семья», — и тут все притихли и посмотрели на меня с сочувствием, потому что, с тех пор как я однажды заметил, что моя семья-де находится в царстве теней, они все считали меня сиротой.

Когда в минуту, свободную от телевидения, я сообщил моей семье, что в свободное время занимаюсь боксом, моя бабушка и мать сказали: это, мол, спорт для грубиянов, а отец заявил, что надолго, мол, меня не хватит, сестры мои только улыбнулись высокомерно, но никого это известие особенно не заинтересовало.

После смены на фабрике я отправлялся напрямик в спортзал и начинал тренироваться, хотя никого, кроме меня, в зале не было. Из газет я узнавал, когда мне можно вернуться домой, то есть когда оканчивались телепередачи. Вот и получалось, что я часто задерживался в зале и после тренировки, когда все расходилось, и снова — совсем один. Смотритель зала уже доверял мне все ключи. Приходя домой, я сразу ложился в постель. Я не должен был встречаться ни с кем из моей семьи и попадаться кому-нибудь на глаза, и я развил в себе способность, падая на кровать, немедленно засыпать. Ибо если кто-нибудь встречал меня по дороге в мою комнату, он набрасывался на меня со словами: «Я расскажу тебе, что было по телеку». И это могло продлиться часов до двух ночи, а в семь мне необходимо быть уже в цехе. Каждая минута сна для меня бесценна. Поэтому я купил себе книгу «Самостоятельная тренировка».

Сейчас все идет как по нотам. Через минуту я лежу в постели, уже совершенно расслабившись, две минуты спустя крепко сплю, а в шесть, после глубокого, здорового сна,

просыпаюсь, как новорожденный. Приняв душ, стараюсь поскорее исчезнуть, не встретив никого из моих родственников, не то меня поймут и заставят прослушать всю сегодняшнюю программу от точки до точки.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что я очень привязан к моей семье, но я не могу себе позволить попросить их не рассказывать мне сегодняшней или завтрашней телепрограммы, ибо они просто не могут не излить на кого-нибудь того, что проникло в них с телеволнами. Это, сказали мне, есть не что иное, как психопрофилактическая необходимость, некий автоматизм, созданный природой, и, по правде говоря, пересказывая мне все эти телечудеса, семья видит во мне уже не сына или брата, а какой-то предмет на двух ногах, с двумя руками и головой, который может освободить их от избытка впечатлений и чувств.

Не буду хвастать, но я за это время стал довольно хорошим боксером, что не удивительно, если учесть, сколько я тренируюсь и как раскрепощенно сплю. Я рад, что международные соревнования, в которых я участвую, покажут по телевидению, и обещаю очень постараться. Вы представить себе не можете, сколько во мне сейчас энергии, хотя, как я уже говорил в начале, я человек очень тонкой организации. Сегодняшний вечер значит для меня страшно много, ведь я уже повторял, что очень привязан к моей семье, и я надеюсь, что они узнают меня сегодня на экране и наконец вспомнят о моем существовании. Просто я хочу, чтобы люди, с которыми я живу под одной крышей, иногда меня замечали. Вы понимаете, о чем я?..

Курт Давид

Как мы смотрели телевизор

Вечером папа сказал мне:

— Гейнц! Раз ты получил «отлично» по географии, я разрешаю тебе посмотреть этот фильм...

Так-то оно так, но это лишь полправды. Вторая половина стала мне ясна, когда я увидел название фильма: «Лилия». Папа и мама надеялись, наверное, что нам покажут научно-популярную ленту. А я уже приготовился ко всему, кроме одного: убийств не будет, иначе фильм назывался бы не «Лилия», а «Операция «Кактус».

К нам пришли соседи, супруги Пушлик. Улыбнувшись нашему коридору, они удобно уселись в принесенных мною креслах. Папа еще сказал им: «Чувствуйте себя как дома, не стесняйтесь!» Такие слова говорятя от чистого сердца, по воспринимать их буквально не следует никогда. Нам тоже часто говорили это. Но мы все равно вели себя совсем не так, как дома.

Мама сказала веселым голосом:

— Женщинам — печенье и кексы, ну а мужчинам — пиво.

Меня, конечно, причислили к женщинам.

На экране появилась дикторша и пожелала нам приятно провести время. Это, разумеется, ни о чем еще не говорило и прозвучало, как фраза стюардессы: «Прошу всех пристегнуться».

Все уселись как можно удобнее.

Появились титры, из которых мы узнали, что фильм сделан там-то и там-то и что перевод его синхронизирован специально для телевидения.

И вот нам навстречу плывет лилия.

— Ах, какая она красивая, — вздохнула фрау Пушлик.

Потом нас познакомили с местностью, где она плавает: пруд, камыши, лес, солнце, небо. Кроме нескольких диких уток, действующие лица еще не появлялись. Куда подевались герои? В конце концов, это игровой фильм. Так пусть и играют.

Мы внимательно следили за камерой, которая уводила нас все дальше в лес.

Вот и она!

Героиня. Молодая девушка.

— Наконец-то! — простонал господин Пушлик, на что жена его заметила:

— Отто не видит в природе ничего замечательного...

А девушка напрямик направилась в камыши.

Мы начали кое-что подозревать.

Мама тотчас же схватилась за коробку с кексами.

Девушка сняла блузку.

— О-о, — протянул господин Пушлик, — ну и... — Мама тут же сунула кекс ему в рот.

Девушка сняла с себя пестрое платье.

— Будь здоров, Отто, — сказал папа с серьезным лицом, поднимая кружку. А наш сосед поверх своей смотрел на экран.

Девушка стояла в камышах, а мама все более встревоженно поглядывала на папу. Но тот тоже был взволнован, не зная, за кем ему следить в первую очередь: за мной или за господином Пушликом. Однако камыш был таким густым, что маме незачем было нервничать.

— Могли бы обойтись без камыша, — проворчал господин Пушлик. Слава богу, кроме меня и его жены, никто этих слов не услышал. Жена сразу же сунула ему в рот еще несколько печений.

Девушка вошла в воду. Она улыбалась. И у мамы отлегло от сердца — вода была темной-темной.

— Почему в фильме не разговаривают? — спросила фрау Пушлик.

— Терпение, Трудель, — ответил ее муж. — Мы все ждем, когда появится он.

Господин Пушлик был прав. Героя как-то не хватало. Мама опять расстроилась. Появись еще три девушки, ей это было бы милее. Не все же они пошли бы купаться!

Камера обшарила лес и нашла парня, который просто так, без всякого дела бродил среди деревьев. Я подумал: а вдруг он пройдет мимо пруда и ничего не заметит? К счастью, девушка громко шлепнула по воде руками. Тут он остановился. Глаза его расширились, он увидел то, что

мы уже видели. Не раздумывая, он бросился в воду. В костюме, не раздевшись...

— Все еще впереди, Трудель, — заметил господин Пушлик. И получил еще два печенья.

Папа и мама храбро молчали. Теперь они, наверное, предпочли бы, чтобы я получил по географии тройку. Ибо фильм только начался и можно было догадаться, что лилии тут ни при чем.

— Сейчас он ее догонит, — пробасил господин Пушлик. Мы внимательно следили за тщательно одетым пловцом, а девушка в это время испуганно верещала, как и полагается. На середине пруда юноша догнал девушку и, приподняв шляпу, вежливо ее поприветствовал.

— Ты красива, — сказал он.

— Как тебе не стыдно, парень, — ответила девушка.

— Да это ничего! Я обычно тоже купаюсь без костюма.

Он нырнул, и девушка снова вскрикнула. Больше для порядка, как нам показалось, потому что парень достал из кармана перочинный нож и срезал для нее лилию. Всего-навсего.

— Ты так же красива, как этот прекрасный цветок, — прошептал он уже над водой, подавая ей лилию.

— Мой муж раньше тоже дарил мне цветы, правда, Отто?

— Да, было дело, — ответил господин Пушлик. Печенья за это он не получил.

Между тем оба героя порознь выбрались из пруда. Не без того, правда, чтобы договориться о новой встрече.

Потом мы увидели девушку в кухне большого дома, среди горшков, сковородок и мисок.

Она оказалась кухаркой.

В каморке Греты в кувшине плавало уже пять лилий. Так мы узнали, что она тем временем уже пять раз побывала на пруду. Она стала очень мечтательной. Часто открывала окно и с тоской смотрела вдаль. А затем Грета удра-ла из дому. Ночью. А так как мы ничего не увидели бы, всю светила луна.

Затем она встретила с парнем и спросила:

— Скажи, Алоиз, ты женишься на мне?

— Вот видишь, это как раз неправильно, — возмутилась фрау Пушлик, не дождавшись ответа Алоиза. — Об этом нужно спрашивать раньше, правда, Отто? Я тебя спросила заранее.

— Тогда была война, Трудель. Во время войны и не то пообещаешь.

— Ах, вот оно что. И это я узнаю сейчас!

Мама беспокойно заерзала в кресле.

— Ну а ты думала, — с улыбкой покаялся господин Пушлик, — что я мог жениться на всех, кому обещал?

— Нет, вы только послушайте, — воскликнула она, повернувшись к папе и маме, которые застыли, словно ледяные.

— А ты мне что говорил? Говорил, что любишь меня одну...

— Так всегда говорят, — ответил наш сосед, дружелюбно чокнулся с папой и подмигнул.

— Значит, ты лгал мне, — возмущалась фрау Пушлик. — Лгал, лгал!

— Перестань же наконец, Трудель, не то мы еще посоримся, — успокаивал ее муж.

— Как так? Разве ты не замечаешь, что мы уже ссоримся, а? Это даже Гейнц заметил, правда, Гейнц?

Я глядел мимо соседки, покраснев до ушей, но не соглашаясь с ней, потому что она сказала, что даже я это заметил. Даже!

А Грета, о которой мы все забыли, уже родила ребенка. Но мы не смогли проследить ее судьбу до конца, потому что фрау Пушлик продолжала кричать:

— Одно я тебе скажу, Отто: моя мать — да будет земля ей пухом, — знаешь, что сказала моя мать после того, как я впервые привела тебя в наш дом — ты тогда был еще ужасно голоден. Знаешь, что она потом сказала?

— Она всегда что-нибудь говорила потом.

— Глупости. Вот она что сказала: дочь моя, Трудель, следи за ним в оба, видишь, какой у него странный вид, — да, так и сказала.

— Мало ли чего она наговорила, — заметил господин Пушлик. Теперь и он был зол.

— Да? — соседка сжала зубы и сузила глаза. — Что же она говорила, ну, что же?

— Бог с ней, — отрубил господин Пушлик. — Не хочу я ссориться.

— Да, теперь он идет на попятную, вечно одно и то же... Видишь, Лизель, он всегда так трусит. Сначала оскорбляет меня, мою бедную мать, а потом...

— Гейнц, а ну-ка отправляйся в постель, — велел мне отец, а мама согласно кивнула.

— Это что, из-за нас? — воскликнула фрау Пушлик. — Нет уж, оставьте мальчика, пусть все видит. Это для него полезно на будущее.

Папа очень удачно использовал момент спора и выключил «Лилию». Одной проблемы как не бывало. А другая проблема кричала в комнате, размахивая руками. Папа решил изменить это:

— Ну, а теперь вы заключите мир на вечные времена, правда, Трудель?

— Трудель? Ты сказал «Трудель?» — возмутилась фрау Пушлик. — А почему ты не сказал «Отто», Рихард?

— Ну, конечно, вы оба.

— Оба? — фрау Пушлик вскочила с кресла. — Оба? Нет, это слишком. Кто из нас виноват? Хорошо еще, что ты выключил телевизор. Прошло только полфильма, кто знает, что всплыло бы на свет божий, если бы мы досмотрели до конца.

Господин Пушлик был очень расстроен.

— Я пошел! — заявил оп.

— Я тоже.

Сперва ушел все-таки господин Пушлик, а потом минут через десять и его жена.

Папа сказал мне строго:

— Смотри, Гейнц, ни слова завтра в школе о том, что ты видел по телевизору.

Я пообещал. Между прочим, с чистой совестью, потому что знал: одноклассники мне все расскажут сами.

Гейнц Кноблех

Хотелось бы мне знать

Уселся это я недавно вечером для ради собственного умственного развития перед телевизором и в какой уже раз услышал, что даже самый что ни на есть средний гражданин нашей страны, проявив свои обширные познания в телевикторине, может стать обладателем холодильника, выиграть поездку на Флориду и вознаграждение в долларах. Поскольку в моей жизненной и мебельной программе в графе «холодильник» стоит прочерк, я написал телевизионщикам несколько строк, заявив о своей готовности принять участие в викторине.

И вот не прошло и двух недель, как я, «ваш преданнейший слуга», стою перед камерами и моргаю, потому что софиты слепят мне глаза.

Тому, что я так скоро смог выступить, на два процента я обязан собственной инициативе. Остальные же девяносто восемь — заслуга ста семи преаппетитных фунтов, составляющих фигурку мисс Бетси Брукс, где один прекраснее другого, как сказал однажды известный в городе банкир. Мисс Бетси Брукс — моя добрая давняя знакомая, и мы крепко любили друг друга, пока она вдруг не заявила, что хочет учиться на курсах поварих.

Позднее, выяснив, что те курсы находятся на дому известного в городе банкира, а мисс Бетси Брукс — единственная их слушательница, я очень огорчился. Похоже, мисс Брукс основательно изучила там только одно — как транжирить деньги. В один прекрасный день с учебой было покончено, так как известный в городе банкир переключился на тригонометрию, к занятиям которой, однако, была допущена только худошавая брюнетка по имени Элианор, а мисс Брукс пришлось заново учиться, как не транжирить

деньги. Так или иначе, она сказала при соответствующих обстоятельствах, что вовек меня не забудет и поможет в тяжелую минуту, а такая минута как раз и наступила.

Бетси работает на телевидении секретарем начальника отдела викторин, так что ей ничего не стоило вне очереди доложить обо мне после того, как я своевременно известил ее по телефону, и устроить так, что я свободно, прямо, тайно и не под давлением буду избран для того, чтобы уже в следующее воскресенье продемонстрировать свою эрудицию широкой общественности.

И вот я стою в ярком свете софитов, и ведущий программу викторины выпаливает свой первый вопрос: «Что вы сделаете, когда у вас рассыплется платяной шкаф?», на который я незамедлительно, словно стреляя из водяного пистолета, отвечаю: «Я склею его заново «Вечным клеем»! Не думайте только, что я пользуюсь этой штукой — просто передачу финансирует фирма «Вечный клей», а я в телевизионных делах немножко разбираюсь.

«Правильно-о-о!» — орет ведущий, мальчики из джаза выбивают туш, а в зале слышатся хлопки.

Второй вопрос значительно труднее. Теперь он хочет знать, в какой руке статуя Свободы держит факел, и я отвечаю, что в правой, так как, помнится, моя квартирная хозяйка, мисс Пюр, войдя однажды ночью в темную комнату с лампой в правой руке, сказала: «Однако же вы ведете себя слишком свободно, мистер Хини» в тот момент, когда я с ее дочкой...

И тут ведущий задает третий вопрос: «Каков кратчайший путь из Чикаго в Нью-Орлеан?» и предоставляет мне две возможности: «Через Мемфис или Атланту?»

В географии я не силен, по отвечаю, что, мол, через Мемфис ближе, вспомнив, как было, — этого я им не сказал, — когда я смывался кратчайшим путем, пока меня искали в Чикаго после того, как я ненароком опоздал на корабль, на котором наш полк отбывал в Корею...

На вопрос, что является наибольшим достижением культуры человечества — телевидение, синемаскоп или радио, я дал блестящий ответ: «Телевидение», — так как хорошо знаю, чем обязан мисс Бетси Брукс.

Пока что я выиграл только пару подвязок со светящимся вензелем Алена Даллеса, Библию с цветными фотографиями и годовой абонемент на «Пособие для кормящих матерей». Но тут ведущий вручает мне холодильник.

До сих пор я еще мог отвечать на вопросы, хотя и без особой уверенности. Но вот он спрашивает меня: «А те-

перь трехсотдолларовый ответ: «Что такое гидроцеллюлоза?» Я помешкал секунду-другую, прежде чем выпалить: «Это выпавшая из раствора целлюлоза без волокнистой структуры», — и сам поразился своим знаниям, тем более не будучи уверенным в правильности ответа, что его машинописная копия, которой мисс Бетси Брукс снабдила меня перед передачей, плохо читается. Меня успокаивает лишь то, что ошибка фигурирует и в оригинале, который находится у ведущего. «Правильно! — ликует ведущий. — Да, гидроцеллюлоза — составная часть «Вечного клея». «Вечный клей» клеит навечно!»

Затем он спрашивает меня, хочу ли я поставить весь полученный выигрыш на последний вопрос, что я, конечно, и делаю, так как мне улыбается мебельный гарнитур жилой комнаты — я только мечтаю в душе, чтобы он был склеен не «Вечным клеем».

Перед этим, однако, еще выступает Джейн Уиггл, которую они только что выбрали «мисс телестар», потому что недавно, совершенно самозабвенно вертя бедрами, она потеряла искусственный бюст, обе половинки которого, как два земных полушария, пролетев вокруг ее головы, угодили в публику, где их в конце концов разодрало на части множество рук, что доказывает, сколько народу в этой стране интересуется наукой. Я очень ждал, что Джейн снова запустит спутничков на орбиту, но с той поры она, как сказал ведущий, применяет лучшее связующее вещество на этой планете — «Вечный клей».

Тут оглушительно загремели трубы, и ведущий задал следующий вопрос: «Как зовут величайшего американского генерала нашего времени?» Причем он еще подчеркнул особо патриотический смысл этого вопроса.

Зная, что мебель наверняка моя, я откашлялся и приятно звучащим голосом сказал: «Дженерал моторс».

Потом, когда я растерянный возвращался после своей премьеры домой и играл в кармане поощрительной премией, рука моя вдруг перестала двигаться — поощрительной премией был тубик «Вечного клея», колпачок от которого я нечаянно открыл. Я был в самом деле совершенно сбит с толку и терялся в догадках, так и не зная, в чем моя ошибка, пока меня вдруг не осенило. И не будь моя рука так навечно приклеена, я поднял бы ее, потому что мне пришлось в голову, что правильный ответ на последний вопрос мог быть только «Дженерал электрик».

Альфонсо Альварес Вильяр

Супруги, любившие уединение

Феликс снова попытался сосредоточиться (последний час он был занят исключительно этим). Он надеялся, что все-таки сочинит стихотворение, хотя никакому поэту и в голову бы не пришло сесть за работу в восемь часов вечера.

«Волны распластываются на безлюдном пляже...».

Перо зацарапало по сложенному вчетверо листку бумаги, девственно белому, как фата невесты. Вторая строка никак не придумывалась. После долгих усилий ему удалось ненадолго отвлечься от звуков трех или четырех виброфонов, сотрясающих двор; но до чего же трудно заставить себя думать о безлюдном пляже и пене набегающих волн на фоне ритма пучи-пучи! Однако окончательно похоронил вторую строку разговор двух сервороботов. Они вопили во всю мощь своих динамиков, и болтовня их навела его на мысль о неореалистическом романе, героями которого были бы две скромные прислуги. Потом их разговор, пахнувший луком и кухонным тряпьем, прервался, и тут же началась многосерийная телепередача с треском револьверных выстрелов и голосами, ревущими или сюсюкающими с пуэрториканским акцентом.

«Волны распластываются на безлюдном пляже... Вдали ковбой скачут по степям...».

Проклятье! Неужели нет никакого способа оградить сознание от этих зловредных помех? Но уже поступала исчерпывающая информация о разногласиях между супругами на третьем этаже, о состоянии беременной соседки и положении дел на Марсе: на третьем этаже дети играли в марсиан, и их дикие крики разносились далеко вокруг. А волны все распластывались на безлюдном пляже, и что-то

не видно было, чтобы вторая строка собиралась составить им компанию. Символическим жестом прощания с музами Феликс порвал в клочки четвертушку бумаги, едва начавшую терять свою первозданную чистоту.

Он вышел на улицу. Здесь по крайней мере оглушали только вибраторы гелибусов, жужжание атомных автомобилей и свист поездов, несущихся по монорельсовым дорогам. Этим вечером они с женой собирались в стереокино, но чтобы получить место па стоянке, надо выехать на час раньше и стать в хвосте огромного каравана машин, медленно движущегося к центру города. Только в машине можно было чувствовать себя спокойно, только в ней, а уж никак не в спальне, где никогда не было уверенности в том, что супружеская чета из соседней квартиры, отделенной перегородкой в два-три сантиметра толщиной, не начнет рассказывать днем то, о чем они с женой говорили ночью. Хорошо хоть кровать попалась без скрипа.

О уединение сидящего за рулем машины, окруженной сотнями других герметически закрытых машин! О головы, неслышно говорящие за стеклами окошек, если только их обладатели не высовываются, чтобы обругать тебя, когда ты чуть не задел за крыло или помешал себя объехать! Но уединение — это влажное уединение финской бани, уединение среди тысячи звуков, и в нем нет аромата сосновой смолы и шиповника.

Наконец они приехали в стереокино. Несмотря на страшную давку при входе, а потом при выходе, несмотря на вопли тысяч зрителей во время страшных сцен и хохот во время смешных, здесь они тоже были в уединении, потому что, если не считать этих моментов (а их было не так уж много), возвращавших Феликса к действительности, киносеанс был для него тихой пристанью. Специалисты по акустике обеспечивали абсолютную звукоизоляцию студий, в которых снимались фильмы, и если какому-то нежелательному шуму все же удавалось пробиться на гладкую поверхность пленки, существовали технические средства, более чем достаточные для того, чтобы от него отделаться. Да и какой фильм можно было бы поставить, если бы голоса актеров на звуковой дорожке заглушала реклама моющих средств?

После сеанса они возвратились домой и сели за скромный ужин, но проглотили его наспех и подавляя отвращение, потому что по двору разносились громогласные жалобы одного из соседей, оповещавшие жильцов о тошнотворном вареве, которое подала ему жена.

Была суббота. Теоретически это означало еще несколько часов сна вдобавок к тем, которыми они располагали в будние дни, — но только теоретически. В квартире этажом выше были гости, и вечеринка затянулась до пяти утра, а у остальных соседей гремели телевизоры, работавшие до тех пор, пока телецентр не закончил передачи. Телевизоры и вечеринка мешали друг другу, и это немного утешало Феликса, героическим усилием воли пытавшегося продолжать прерванное стихотворение. А потом он стал засыпать по методу йогов, и сон наконец смежил его усталые веки.

Ему приснился необитаемый остров, где они с женой жили, как Робинзон Крузо. Не было слышно ничего, кроме шелеста листьев на верхушках и шепота моря; но вдруг эти гармоничные звуки расположились в рисунок афрокубинского ритма и на пляже необитаемого острова появился дансинг, из громкоговорителей которого неслась душераздирающая танцевальная музыка...

Их разбудило в семь часов утра звонкое пение трубы: сосед с четвертого этажа под аккомпанемент своей электрогитары и электрического молотка жены, спешно готовившей на кухне отбивные для пикника, ставил жильцов в известность о намерении вывезти свое семейство за город. Мажорный гимн объявлял беспощадную войну лодырям и лежебокам, а еще через полчаса к нему присоединилось серафическое пение детского хора, безбожно перевиравшего модные песенки. Феликс и его жена торопливо оделись, и вскоре их автомобиль стал еще одним звеном в бесконечной цепи машин, двигавшихся к горам. Целых три часа ушло на то, чтобы одолеть девяносто километров, но зато здесь их ждала природа! И они скользнули под зеленую сень сосен, стараясь не наступать на пары, занимающиеся любовью, и на отдыхающих, раскладывающих свои пожитки.

Феликс дышал полной грудью: нельзя было упускать мгновений, когда в ноздри пробивался аромат природы, потому что его тут же вытесняли запахи синтетических аминокислот или других, менее съедобных веществ.

«Отвлекись, любой ценой отвлекись! Неужели зря я занимаюсь йогой?» — с тоской подумал Феликс. Если говорить о радостях обоняния, то весь вопрос здесь, с точки зрения йоги, заключался в том, чтобы путем умственной фильтрации устранить зловоние, а потом наслаждаться без помех благоуханием сосен и ароматом растоптанного тимьяна.

Они двинулись дальше. Здесь отдыхающих почти не было: люди по мере возможности избегали занятий альпинизмом. Со скалы, украшенной щитом с рекламой знаменитой оптической фирмы, они окинули взглядом пейзаж. «Какая прелесть!» — подумал Феликс, обнимая жену за талию. Да, вокруг была настоящая природа — если отвлечься от рекламного щита и двух-трех сигаретных пакетиков, валяющихся под ногами, а также от обедков, оставшихся с прошлых воскресений, от полудюжины окурков и от предмета, который Феликс поторопился затоптать прежде, чем его увидит жена.

Он снова нежно обнял ее. Им хотелось вновь ощутить себя женихом и невестой, которые украдкой обмениваются первыми поцелуями, захотелось насладиться интимным актом, скрытым от посторонних глаз и ушей и уже от одного этого более волнующим. И они пошли дальше в своих ласках, как никогда полно наслаждаясь тем, что другие уже давным-давно привыкли выставлять на всеобщее обозрение.

Над их головами пронесся камень, а вслед за ним и другой ударился о землю всего в нескольких сантиметрах от них. Феликс вскочил, разъяренный, но увидел лишь, как из-за соседней скалы, хохоча, убегают несколько мальчишек. И они решили воздержаться от дальнейших интимностей, точнее — предаться им мысленно. Но уже настал час второго завтрака и давал о себе знать голод. Они развернули свертки, а эпизод с камнями постарались забыть. А потом Феликс спустился с бумагой и остатками пищи к ближайшей урне, которая, по счастью, оказалась пустой, и со спокойной совестью вернулся на их любимую скалу. Здесь можно было говорить обо всем на свете и даже лежать, провояя взглядом облака и стараясь не замечать пролетевшие один за другим три рейсовых космических корабля, эскадрилью турбореактивных самолетов и два гелитакси. Несмотря на все это, были минуты, когда, глядя на пышные тела облаков, можно было пофантазировать и увидеть сказочных чудовищ, пока транзистор где-то рядом не начал информировать их о результатах последних игр и они не поплелись, понунив головы, к оставленной ими машине.

— Есть ли у вас такое место, где мы с женой смогли бы провести несколько дней совсем одни? — спросил Феликс у представителя туристского агентства.

— Вы мечтаете о невозможном, но наше агентство все-таки попробует подыскать для вас что-нибудь похожее на то, что вам нужно, — ответил тот и как-то странно посмотрел

рел на Феликса, будто Феликс был психический больной, сбежавший из соответствующей клиники. Без малейшей надежды на успех Феликс вновь окунулся в уличный шум.

Неужели он обречен до конца дней своих слышать и запоминать наизусть бесконечные рекламные объявления? Когда он был ребенком и учителя в школе заставляли его учить таблицу умножения, у него хоть были дни отдыха. Но теперь для него не осталось никакого просвета. Он то и дело ловил себя на том, что, говоря с женой, пользуется словами и интонациями героев телеэкрана. Да и вся жизнь его, коли уж на то пошло, вовсе не была его жизнью: слово в теле его нашел приют не один мозг, а пятьдесят или более и все они работают одновременно. Например, об интимной жизни соседок он знал не меньше, чем их собственные мужья, и, если бы в один прекрасный день у него появилось вдруг желание обмануть какого-нибудь из них, он оказался бы в постели с женщиной, все тайны которой ему известны. То же самое произошло бы и с его женой — как если бы он и она были обречены на вечное пребывание в чужих постелях.

Отвлекься, отвлекься любой ценой! Но связанная с этим психическая нагрузка была не по силам его организму, и это давало ему право искать уединения.

Через два дня затрезвонил видеотелефон. Нет, это не была ошибка, и это не был один из вечных телефонных шутников или радиодиктор, страшно расстроенный тем, что, не зная о передаче X, которую тгатоонирует компания по производству моющего средства Y, Феликс с женой потерял столько сотен песет. Нет, на этот раз они услышали голос человека, обращающегося к ним лично! Представитель туристского агентства сообщал, что найдено райское местечко на одном из прибрежных островов! Агентство заказало гелитакси, которое перенесет их туда со всем багажом. Гарантируется абсолютное уединение, так как островок необитаем. Правда, спать придется в палатке, а готовить самим, но ведь именно об этом мечтали супруги!

Они приняли предложение, не торгуясь, и на следующий же день были там, одинокие, как Робинзон Крузо, перед лицом одного-единственного свидетеля, бившегося своей бирюзовой грудью об острые грани скал. И еще были чайки и несколько деревьев, крепко вцепившихся корнями в каменистую землю и вознесших высоко в небо пышные кроны.

Первое, что сделал Феликс, оказавшись на острове, было нечто такое, на что он никогда не считал себя способным:

он начал скакать как одержимый, стремясь дать выход мышечной энергии, подавляемой конторской работой и сидячим образом жизни. А потом они стали разыгрывать ту самую сцену, которую им никогда не удавалось довести до конца на их любимой скале с рекламой оптических товаров. Они закатывались смехом, как дети, и, так как был уже полдень, они сорвали с себя одежду, бросились в воды идиллической маленькой бухты, без смущения принявшей обнаженную молодую пару, и прорезвились там больше двух часов.

И это были лишь первые из многих безумств, которым они предались в течение субботы и воскресенья. О, если бы так было всю жизнь! Но будни уже предъявляли свои права па них, и в назначенный срок за ними прибыло то же самое гелитакси, которое сорок восемь часов назад доставило их на остров. С тоской глядели они на крохотную серую точку в кружеве пены, скрывающуюся за горизонтом.

В тот вечер они включили телевизор. Пришлось перетерпеть неизбежные кадры рекламы, вестерн и телеконкурс, но потом они увидели на экране нечто удивительно знакомое — маленький островок, на котором они провели сорок восемь часов счастья. Крупными буквами поверх изображения проплыло название передачи: «Чем бы вы занялись, если бы остались одни?» И им стало плохо, когда в двух Робинзонах, скачущих и кувыркающихся как безумные, они узнали самих себя. Кадры были засняты группой операторов-аквалангистов.

Стефания Гродзеньска

Супружество и телевидение

В западных фильмах показывают, как загнивает высшее общество под влиянием цивилизации. Я люблю смотреть такие фильмы, потому что загнивающие красотки всегда очень хорошо одеты и квартиры у них роскошные; и приятно посмотреть — критическим взглядом, разумеется. Но загнивать они, конечно, загнивают. Только и мы не лыком шиты. Неужели нам такое не под силу? И неужели, если б мы, предположим, захотели гнить, то стали бы оглядываться на западные образцы? Ничего подобного. У нас есть свои пути морального разложения под влиянием цивилизации, и никто у нас этого не отнимет.

В мой дом тлетворное влияние цивилизации проникло вместе с телевизором. Кстати, телевизор смотрят главным образом во время еды, а стол у нас стоит так, что я сижу к экрану спиной. Ужинаю я, повернув голову на 180 градусов, и рука с ложкой то и дело попадает мне в ухо. Не понимаю, почему у меня до сих пор не образовался телевизионный желудочно-кишечный тракт — дополнительный, начинающийся в полости уха.

Но все это чепуха в сравнении с тем, что происходит у нас в семье. От ледяного дыхания голубого экрана на моих глазах угасает домашний очаг,

И мне хочется рассказать, как я пыталась спасти свою супружескую жизнь от губительного воздействия телевидения.

У меня случилась беда: поглупел муж. Приходя домой с работы, он усаживается перед телевизором, вытаращив свои когда-то умные, а теперь безнадежно тупые глазищи, и ни с места. Я часами слежу за выражением его лица. С него не сходит гримаса отвращения, смешанного с омер-

зением. Но смотреть телевизор он не перестает. Если б он на меня смотрел хотя бы так!

Я пыталась отвлечь его разными способами.

— Слыхал новость? — выкрикивала я во время передачи последних известий. — Представляешь, я достала швейцарский сыр! Захожу в магазин, смотрю — а там сыр! И очередь человек пять, не больше. Я спрашиваю: «С дырками?» — «С дырками!» Гляжу, а он и в самом деле с дырками. Взяла полкило, так в нем одних дырок граммов на четыреста. Ты ведь любишь такой сыр, правда?

— Одни собрания да заседания показывают, точно в Польше ничем другим не занимаются, — сказал муж, продолжая смотреть последние известия.

Я начала с другого конца.

— Бегемотик!

Он у нас бегемотик. Нам не нравятся затасканные звёрушки, всякие там котики, песики, зайки.

— Бегемотик! Ты еще не забыл, какой у меня цвет глаз? Последнее время ты в мою сторону и не взглянешь. Голубые у меня глазки! Ты любил их сравнивать с неоновой рекламой «Хлеб» на углу Пулавской. Ну посмотри, в самом деле они такие, как этот «Хлеб»?

— Антициклон! Какой к черту антициклон, когда на дворе слякоть. Антициклон! Вечная дезинформация.

Я подумала, что, может быть, он просто хочет развлечься. Но неужели я не сумею его развлечь?

— Бегемотик, хочешь, расскажу последний анекдот? Послушай. Старушка влезла в переполненный автобус и жалуется: «Никто места не уступит, совсем интеллигентных людей не осталось». А парень на передней скамейке ей отвечает: «Интеллигенции у нас до черта, вот местов маловато».

— Третий раз пускают ту же самую короткометражку. Наглость какая!

Я поняла, что обычные способы не помогут. И решила сыграть ва-банк.

— Я познакомилась с очень интересным молодым человеком. Как ты думаешь, что он во мне нашел? Ума не приложу. Он актер. Самый настоящий. Ты бы поглядел какие красотки за ним бегают. Понятия не имею, чем я могла такого парня приворожить. Лельчак его фамилия-Молодой начинающий актер; говорят, если ему дадут роль он всех этих Лапицких за пояс заткнет. Окончил театральное училище. Десять лет назад. И чем только я его заинтересовала?

— Такой халтуры я уже давно не видел.

Пришлось пойти дальше. Я приложила массу усилий, чтобы действительно заинтересовать пана Лельчака, с которым была едва знакома.

— Знаешь, этот молодой человек весьма самоуверен, — щебетала я во время очередной серии «Кобры». — Я ему сказала, что у меня есть определенные основания вести себя с ним так, а не иначе, а он в ответ: «Смотрите, как бы наши основания не превратились в кислоты», тоже мне, химик, ха, ха, ха! Он слишком многого ожидает от нашего знакомства. Что ты на это скажешь?

— Заранее известно, чем все кончится. И это называется детектив!

Ну что мне было делать?! Я терпеть не могу подобных ситуаций. И Лельчак этот, по совести говоря, был мне нужен как прошлогодний снег, но я хотела вернуть себе мужа. Теперь уже любые способы казались хорошими.

— Я пригласила пана Лельчака на чашку чая, — заявила я. — Надеюсь, ты ничего не имеешь против. Сегодня спортивная программа, а у него нет телевизора. Да и зачем ему телевизор? Он артист. Захочет, сам для себя сыграет.

Я возлагала много надежд на визит пана Лельчака. Должен же наконец этакий натуралистический реализм прошибить моего сурруга.

— Познакомьтесь, пан Лельчак, артист, — сказала я с легкой дрожью в голосе.

Пан Лельчак на всякий случай остановился возле двери, не рассчитывая на особенно любезный прием. Но муж протянул ему руку, не отрываясь от экрана телевизора. Тогда мой знакомый осмелел, и чем дальше, тем больше: сначала сдержанно, а потом все нахальнее стал покрывать поцелуями (так это называлось до 1939 года) мою руку. Я визжала и хихикала, как провинциальная актриса в роли жеманной барышни, но муж и ухом не повел. Тогда я крикнула будто бы пану Лельчаку, а на самом деле мужу:

— Не слишком ли вы далеко заходите? Придется, кажется, вам напомнить, что в этом месте локоть утрачивает свое благородное название.

И тут муж рявкнул:

— Ну, это уже слишком!.. Ничего себе боксерский матч! выхватывают по куску из каждой встречи! Нет, так дело не пойдет.

Пан Лельчак из-за моего локтя покосился на телевизор.

— Точно, — пробормотал он. — Так дело не пойдет.

Переключив свое внимание на экран, он постепенно терял интерес к моей руке. Лишь время от времени машинально ее чмокая, он выкрикивал:

— Пошевеливайся, развалина! Поддай ему, идиот! Вот так! Вот так! Сейчас он ему врежет.

— Кому врежет, куда врежет! — бушевал муж. — Что мне с того, что врежет, когда в самый важный момент они прерывают и показывают комментатора!

— Бой надо показывать! — вторил ему пан Лельчак, размахивая моей рукой. — Комментаторами мы и сами можем быть!

И он со злостью отбросил мою руку.

— Ну скажите на милость, ведь с нашим телевидением инфаркт можно заработать, — жаловался муж пану Лельчаку. — Случая не было, чтобы они что-нибудь не испоганили.

— Вы на сто процентов правы. Дурацкое изобретение.

И оба застыли, уставившись как бараны на вращающиеся шестерни станков, которые демонстрировались в очередном выпуске последних известий.

Иозеф Рединг

Стареешь, Джек!

За танцующей парой следило четыре объектива. Каждый из них выхватывал кусочек кадра под другим углом, вбирал его в себя и выбрасывал на экран монитора. За режиссерским пультом стоял человек с вьющимися рыжими волосами, его неподвижный взгляд был прикован к матовым экранам, к вздрагивавшим на них рассеченным на части телам. Нога — голова — колено — две пары ног — лицо — общий план — две пары ног — два лица — нога — лицо женщины — лицо мужчины.

— Стоп, — негромко произнес рыжеволосый,

Прыщавый помощник, стоявший за его спиной, нажал на кнопку. Звуки оркестра за стеклянной стеной распались и замерли. Женщина в трико, продолжая улыбаться, сделала еще несколько шагов, кивнула партнеру и выпустила его руку. Танцор опустился на табурет у края сверкающей как лед бледно-голубой эстрады и начал шелковым платком вытирать пот со лба и висков.

— Джек!

Танцор поднял голову.

— Минуточку, Джек! — Режиссер сделал знак танцовщице и музыкантам. — Небольшой перерыв!

— Ну как у меня получается? — спросила женщина.

— В лучшем виде. При переходе из шпагата в кувырок можешь даже чуточку сбавить темп. Но в целом — просто изумительно!

Он поднес пальцы к губам, изображая восхищение, потом наклонился к танцору.

— Что с тобой случилось, Джек?

— А что со мной должно было случиться? — спросил танцор вместо ответа, нервно потирая платком шею. Белый

шелк потемнел от пота и грима. Режиссер в раздумье смотрел на разволновавшегося танцора. Он обернулся к женщине.

— Дина, следующий номер прорепетируем в костюме: сапоги, косоворотка. Я хотел бы получить цельное представление еще до передачи. Успеешь переодеться?

— Конечно, — женщина улыбнулась, — за десять минут!

— Вот и прекрасно!

Режиссер подождал, пока она вышла. Оркестранты в углу окружили кларнетриста, который жонглировал звуками своего инструмента, как цирковой артист шарами.

Теперь танцор остался один, и режиссер спросил:

— Справишься?

— О чем это ты? — Танцор резко вскинул голову. — Куда ты, собственно, клонишь? Что ты хлопчешь вокруг меня, как нянька над младенцем?

— Я видел твоё лицо крупным планом, Джек. Мне пришлось прервать репетицию. Лицо было все перекошено от напряжения. В таком виде я танец завтра в эфир пустить не могу.

— Эх, куда загнул! — танцор решительно встал с табурета и выпрямился в полный рост. Он был выше режиссера и давал ему это почувствовать. — Пока мы здесь выкладываемся, ты себе преспокойненько сидишь за пультом. Напряженное выражение ему не нравится. По-твоему, я должен улыбаться, как на афише, когда вкалываю целых двенадцать минут без всякой передышки.

— А у Дины вот получается. Она и сейчас была свеженькая как огурчик.

— У Дины, у Дины... Дина ведь... — Танцор осекся. Он провел уголком платка вдоль носа. — Дина ведь женщина. Женщина всегда хорошо выглядит.

— Неправда, Джек. Ты сам знаешь, что это не так.

— О девчонке вообще говорить не к чему. Она надеется сделать со мной карьеру, потому и лезет из кожи, чтоб не осрамиться. Надолго ее не хватит. Я перетанцевал уже не одно поколение партнерш и до сих пор остаюсь первым в своем деле, а те девушки давно читают в детских радиопередачах бабушкины сказки — на другое с их внешностью уже не берут.

— Но твоё лицо... — мягко начал было режиссер. Танцор перебил его.

— К чертовой матери! Чем я танцую — идиотским лицом или ногами? Вы на телевидении все делаете не так!

Громкие голоса отвлекли внимание оркестрантов от кларнетиста, они стали оглядываться на спорящих. Режиссер кивком головы указал на них танцору. Но тот возбужденно продолжал:

— Не так вы все делаете! Надо давать короткие, по-настоящему захватывающие кадры, а между ними — длинные паузы. Вот так я всегда и снимался. Ты же сам сделал два фильма со мной.

— Но пойми, Джек, мы ведь не в кино, — голос режиссера тоже стал тверже. — Здесь телестудия, и ты подписал контракт. Никаких пауз я включать не могу — передача пойдет прямо в эфир. И не моя вина, если ты просто...

Режиссер так резко оборвал начатую фразу, что даже закашлялся. Он взглянул на танцора. Тот уже готов был открыть рот, рука с платком вновь пришла в движение. И тогда режиссер произнес недосказанное. В его словах не было ни жалости, ни злорадства. Он сказал, как сказал бы посторонний:

— Стареешь, Джек.

Скомканный платок упал на пол. Танцор ладонью вытер пот с раскрасневшегося лица. Он пренебрежительно усмехнулся.

— Ты, видно, рехнулся. Я стою на третьем месте в списке любимцев молодежи. Молодежи, понял? Мо-ло-де-жи, а не клуба божьих одуванчиков. Ты завидуешь моей популярности, вот что. Чего ты сам-то достиг как режиссер? Застрял здесь, в этом... в этом балагане!

Его голос перешел в крик.

— Ты прав, Джек. Ты все еще король чечетки, ты симпатичный парень, ты...

Режиссер говорил тоном участия, медленно подбирая слова. Он перечислил с дюжину дешевых, избитых эпитетов. При этом он не спеша водил кончиком пальца по лицу танцора, замершего от неожиданности. Ноготь извлекал розовый грим из глубоких морщин, протянувшихся от носа к уголкам рта, из глубокого шрама над правой бровью.

— Да ты просто юноша, Джек...

Танцор промолчал. Он поднял платок с пола и направился к выходу, но потом вернулся, похлопал режиссера два раза по плечу и вышел.

Когда захлопнулась тяжелая, обитая кожей дверь, режиссер снова сидел за пультом, глядя в поблекшие безжизненные экраны мониторов.

— Проклятая правда, — проговорил он, — проклятая, неприкрытая, чистая, отвратительная правда...

— Можно начинать? — раздался голос танцовщицы.

— Ты очаровательна, Дина, — ответил режиссер. — В этих сапожках твои ноги на крупных планах выйдут еще лучше, чем обычно.

— Спасибо за комплимент. Ну что ж, начнем!

— Дина, этот номер ты будешь танцевать соло, Джек вышел из игры.

— Неужели из-за меня? Мне.., мне все казалось, что я не попеваю за ним и он недоволен.

Режиссер усмехнулся.

— Нет, Дина. Просто в гонораре не сошлись. Джек предпочитает вернуться в кино. Большое ревью, широкий экран, стереофонический звук. У нас ему негде развернуться.

— Ну ничего, через несколько лет и вы расширитесь, и он придет обратно.

— Через несколько лет? — переспросил режиссер. — Естественно.

Гюнтер Хербургер

Для маленьких и для больших

Он вновь почувствовал страх. Вытирая о брюки потные ладони, Поснер услышал за спиной шушуканье детей, строго взглянул на них, но тут же отвернулся и сквозь отверстие в занавесе посмотрел в зал. Там горел свет, полукругом выстроились телевизионные камеры, направленные на маленькую сцену, звуки музыки постепенно замирали. Сейчас она умолкнет совсем. Он изобразил на лице улыбку и вполголоса произнес в микрофон, висевший на его блузе, плотной шерстяной блузе, делающей его таким толстым, хотя вообще он выглядит еще очень бодро и молодо, и волосы у него опущены на лоб; это делает его похожим на одного из участников сегодняшней детской передачи, на их молодого товарища. И он сказал: «Привет, дорогие девочки и мальчики!» и повторил еще раз немного громче: «Привет, дорогие девочки и мальчики!» Мальчиков все-таки лучше упомянуть первыми.

— Тишина! — прохрипело сверху в зале, — через двадцать секунд начинаем. Рудольф, стой тихо и перестань брякать микрофоном!

— Все я и не брякаю, — возмутился Поснер.

Толстяк Грамель восседал в это время наверху у своего режиссерского пульта в удобном вращающемся кресле и, надо полагать, ощупывал живот, эту заботливо выращиваемую опухоль, чувствующую себя весьма вольготно в просторных светлых брюках. Рядом с ним светловолосая девушка колдовала над кнопками на пульте, вглядываясь в три маленькие экрана перед собой. Позади копался в своих выключателях звукорежиссер и, как обычно, ворчал: то ему надо было громче, то тише, всегда

радуясь поводу придаться к чему-нибудь. В соседнем помещении звукооператор укладывал в аппарат магнитофонную ленту.

Ударили в гонг, заговорила дикторша:

— Дорогие юные зрители, сегодня вы опять увидите передачу из серии «Подумай хорошенько!», которую ведет Рудольф Посснер. Желаем вам приятно провести вечер.

Раздались первые такты вступительной музыки, приятной бодрой музыки, не смолкавшей до тех пор, пока не исчезли титры. Посснер изобразил на лице улыбку и одним прыжком выскочил из-за занавеса.

— Здравствуйте, дорогие мальчики и девочки! Сегодня вам придется разгрызть три крепких орешка. Подумайте над нашими загадками и пришлите открытки со своими решениями. Затем мы по жребию определим десять адресов, и эти дети... эти дети...

Прямо на него уставилось в ожидании маленькое черное отверстие камеры, а слева от нее стоял и зевал переносчик кабеля. «Он просто издевается», — подумал Посснер, еще пристальнее смотря перед собой и как бы вглядываясь в лица полутора миллионов детей, сидящих у телевизионных экранов. Их матери и бабушки, которые в воскресенье к пяти часам уже полностью выбились из сил, наверно были довольны, что дети наконец-то угомонились и сидят спокойно.

— Так вот, дети, — сказал Посснер и засмеялся. — Тот, для кого жребий окажется удачным, сможет, как обычно, прийти к нам в студию и принять участие в следующей передаче. Итак, слушайте внимательно и хорошенько думайте над тем, что вам показывают.

Посснер упруго спрыгнул с дощатого настила, схватился за край занавеса, продолжая держать свое лицо перед камерой с включенным красным сигналом.

— Наши дети из Болгардской школы в Карлсруэ уже готовы показать первую загадочную живую картину.

Он откинул занавес и исчез. Следующие десять минут восемь школьников разыгрывали шараду на слова детской песенки: «Лис, ты украл гуся». Крестьянин, украшенный пушистыми усами, носился с лопатой в руках по сцене и звал служанку, которая путалась в своей чересчур длинной юбке. Они говорили слишком громко, и звукооператор, который сидел на двухколесной тележке, поспешно отодвинул микрофон и сердито покачал головой.

Посснер обвел взглядом зал. Кожа его лица натянута под слоем грима. Те, кому нечего было делать, стояли перед студийными аппаратами, наблюдая за кадрами, передаваемыми в этот момент через телевизионную башню в эфир.

— Где эти премированные болваны? — шепотом спросил Посснер режиссера. — Я жду их.

Режиссер по одному привел из гардероба в студию детей, премированных приглашением на эту передачу, и усадил на возвышении. Они сидели на корточках, в своих накрахмаленных платяцах, белых носочках, мальчики с бабочками на шее и прямыми как стрела проборами. Среди них была и четырнадцати-пятнадцатилетняя Лиза, которая чуть-чуть подкрасила губы и держала в руках лаковую сумочку. Секретарша Грамеля опять не все предусмотрела. Ведь жребий слеп, и его следует немного подправлять, а то получилось так, что дети прибыли издалека, кто по железной дороге, кто самолетом, и вечером их придется доставлять обратно.

Школьники все быстрее приближались к решению шарады. С гусем уже было покончено. Крестьянин держал в деревенском совете речь и косил через очки; в это время пришла служанка, спотыкаясь и хныча: «Гусь! Гусь!» Крестьянин и бургомистр опрокинули скамью и убежали в декорации, изображавшие крестьянский двор. Там стоял работник и прилежно ковырял в носу.

Фрейлен Кауз, которая теперь оказалась рядом с Посснером, проиграла на флейте первые такты песни. Над ее верхней губой блестели маленькие капли пота. Это была та самая учительница народной школы в Карлсруэ, которой пришла в голову мысль о шарадах. Однажды она явилась к Грамелю и заявила, что хочет что-нибудь предпринять со своими детьми. Правда, они не из лучших семей города, но живые и подвижные, школа же чуточку запущена, так что предпосылки, насколько она разбирается в психологии, самые подходящие. Грамель с его чутьем ко всему, что касалось работы, тотчас же понял, что эта ревностная девица преподносит ему чудесный кусок программы.

Посснер ей улыбнулся, она улыбнулась в ответ и, продолжая играть и отбивать такт, пробралась, оставаясь вне поля зрения камеры, на сцену, так как ученики замедлили темп. Звуки ее флейты стали тише, ведь расстояние до микрофона уменьшилось. Видимо, она заранее предусмотрела все детали постановки.

Вокруг еще стояли камеры, за ними операторы, тощие юнцы, которые обучались своей профессии на детских передачах, хотя зачастую именно они являются далеко не простыми, так как любители не придерживаются подобно опытным артистам заранее отрепетированных мизансцен и во время передачи все делают слишком быстро. За операторами тащились переносчики кабеля, парни в теннисных туфлях, а также одна или две девицы из соседней академии искусств. Им хотелось подработать пару марок, и за это они должны были аккуратно укладывать электрический кабель вслед за передвигающейся камерой — довольно скучная работа. Позади всех возлежал в своем суконном креслице старший оператор, он до этого установил свет, а теперь следил за качеством изображения. Сам он не передвигает камеры, а лишь иногда дает указания прибавить или убавить свет. Старший осветитель нажатием кнопки поднимает и опускает прожекторы или говорит другим осветителям, на каком прожекторе надо снять или поставить диафрагму.

И совсем позади всех, зажатая между парой металлических стоек, сидит на своей табуретке дикторша. Перед началом и после окончания передачи она произносит несколько фраз. Во время детской передачи проходила пробу новенькая, мечтающая стать актрисой. Она должна была накраситься, сделать прическу, что-то говорить, улыбаться, ждать два часа, улыбаться и опять говорить.

Больше в зале не было никого. Отдельные работники, не занятые в передаче, передвигались тихо, на двери горел запрещающий вход красный сигнал.

Посснер опять был на своем месте рядом со сценой, там, где на цементном полу нарисован мелом крест. Он отвернулся от камеры, но, когда услышал последнюю фразу школьников, как бы непроизвольно повернул голову налево, в сторону камеры, и сказал:

— Итак, вы все видели. Это наше первое задание, с которым вы хорошо справились. Оно не было сложным и, надеюсь, доставило вам удовольствие. Как называется песня, которую показали вам ученицы и ученики из Карлсруэ? Кто этого не знает, а не знать могут только немногие, пусть спросит свою бабушку, она-то уж наверняка знает. Те же, у кого нет бабушки... — Он вновь представил себе миллион ребятишек, сидящих за экранами телевизоров, и мысли его спутались. Дать бы им по мягкому месту и пусть катятся к своим песочницам! Но, взяв себя в руки, он продолжал: — Что ж, тот не будет знать

разгадки, и ему останется только огорчаться. Ну, а теперь вы увидите победителей предыдущей передачи.

Изображение Посснера исчезло, и на экране появились сидящие на возвышении дети, послушно уставившиеся в камеру с красным сигналом. Он перешел к ним и втиснулся в середину группы. Улыбаясь, он бодро начал свой текст:

— Так вот, здесь сидят победители, которые сегодня у нас в гостях. Как тебя зовут? А тебя? Ты прилетел на самолете? Тебя не тошнило? Нет? Ты пил кофе? Молодец. Итак, это Матильда из Берлина, Герта из Ганновера, Руди из Мюнхена, маленькая Лола из Бобингена, Иоахим, Курт и... Как тебя зовут? Биби?

— Да, Биби, но так меня зовут не в школе, а дома, — сказал одетый в зеленый костюмчик мальчуган и подбежал к Поссиеру.

Он повернул малыша к камере, решив дать ему возможность поболтать. Это был лакомый кусочек, нечто свеженькое, чего не увидишь каждый день в передаче, даже для детей.

— Я кое-что привез для тебя, — сказал Биби, — большой привет от моей мамочки, и вот еще подарок на память.

Посснер, получив коробочку, в которой лежал портрет Биби, поднес его к камере, чтобы Грамель мог показать портрет крупным планом.

— Я подписал мою фотографию, — сказал Биби. — Я уже могу сам написать полностью свой адрес. А Кашперле придет скоро?

— Да, Кашперле сейчас придет.

— Тогда все в порядке — сказал Биби и потрусил на свое место.

Теперь, как обычно, Посснер перешел с детьми мимо камеры к кукольной сцене. Они уселись на скамьи.

— Сейчас придет Кашперле, — сказал он, — еще минуточку терпения. Что бы вы хотели посмотреть?

Самые маленькие хотели увидеть волка и семерых козлят, или снегурочку, или бабушку Кашперле, или разбойника и жандарма, а некоторые вообще не хотели ничего смотреть. Посснер присел рядом с четырнадцатилетней девушкой, которая сидела с самого края на третьей скамье и не смеялась.

— А что хочешь ты? — спросил он ее. — Должен ли я обращаться на «вы» или еще могу говорить тебе «ты»? — Она опустила голову.

Ну ничего, он еще покажет миллионам мамочек и дядюшек, которые сидят сейчас перед экранами телевизоров, на что он способен, они еще увидят в программах его имя, напечатанное крупным шрифтом.

— Лично я посмотрел бы Кашперле, — сказал он, — ведь я еще не такой старый. Ходишь ли ты в кино?

Девушка не отвечала, еще ниже опустила голову, и Посснер увидел, что она залилась краской. Прежде чем он успел задать следующий вопрос, Биби вскочил и заявил, что его папа сам показывает дома кино, он снимает мамочку, собирающую цветочки, и горы, и мамочку на озере, и, разумеется, Биби; он уже много раз видел себя — совсем маленького и раскрашенного.

Камера слева придвинулась поближе, чтобы показать Биби крупным планом. Посснер заметил это и подтянул к себе малыша — он должен рассказать застенчивой тете о Кашперле.

— Убивать, — закричал Биби, — Кашперле должен всех убивать, оторвать тете голову, как я оторвал моему крокодилу! У Кашперле есть топор, а у тети нет ничего!

Актер, управляющий куклами, быстро прошел за свой стенд. Он объяснил детям, что Кашперле уже с нетерпением ждет своих гостей, но он должен заранее знать, далеко ли детям идти до школы, опасна ли дорога. Все сказали «да», кроме Биби, которого возили в детский сад. Хорошо, все они, несомненно, послушные дети. Посснер с удовольствием побеседовал бы еще с Биби, но Кашперле больше нельзя было задерживать. Посснер незаметно улизнул с последней скамьи и посмотрел вверх, туда, где сидел Грамель в своем стеклянном режиссерском ящике и следил за тремя контрольными экранами. Он положил руку на плечо помощнице и каждый раз нажимал на него, когда называл номер нужной камеры.

— Довольны? — тихо прошептал Посснер на ухо учительнице.

— Да, — прошептала она в ответ, и Посснер придвинул свою щеку поближе к ее щеке. Мгновенье — и он опять был за работой. Он подошел к трамплину, который рабочие установили в центре студии. Маркуса Хьюги все еще не было, вероятно, он подгримировывался. Хьюги когда-то раньше руководил туристской базой для молодежи, а потом перешел в цирк. В конце концов он вскарабкался в Киле-Хольтенау на плавучий кран и спрыгнул с пятидесятиметровой высоты в воду. В газетах появились снимки. На доход от таких номеров Хьюги жил длитель-

ное время. Он ездил на велосипеде по крышам, падал на предохранительные сетки, прыгал с мчащегося автомобиля и переползал на животе через горящую нефть. Он снимался дублером в фильмах, прыгал на полном скаку с лошади, падал замертво со скалы и врезался головой в бумажную стену. Иногда он, улыбаясь, показывал в рекламных фильмах забинтованную руку и уверял, что смог все это проделать, так как хорошо застрахован. Так Хьюги заработал много денег и стал ездить в красном автомобиле. Но он начал стареть и боялся, что скоро уже не сможет достаточно зарабатывать. Прачечная, которую он приобрел, не очень преуспевала. Он пытался добиться успеха, открыв кабачок, но к десяти часам вечера страшно уставал. Поэтому вот уже несколько лет он участвовал в детских передачах, тем более что молодые люди помнили его как отважного парня, да и деньги платили ему вполне приличные.

Прежде всего Хьюги проверил трамплин. Потом отошел на несколько шагов и стал ждать сигнала к выступлению. Дети хлопали в ладоши, Кашперле закончил представление, и Посснер опять появился на экране.

— На очереди новый сюрприз, — сказал он, — связанный с нашей второй загадкой. Человек, которого вы все знаете, даст вам это задание. Это... Ну, разумеется, это он.

Посснер простер руки и приветливо улыбался Хьюги, который упругим шагом двигался ему навстречу со словами:

— Большое спасибо, я очень рад быть здесь.

— Мы также рады этому, — сказал Посснер.

— Мне очень нравится эта передача, — сказал Хьюги.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал Посснер.

— Уверю вас, это самая лучшая передача, в которой я когда-либо участвовал, — сказал Хьюги.

— Неужели? — сказал Посснер.

— Мы, спортсмены и артисты, нуждаемся в зрителях, которые нас воодушевляют, — сказал Хьюги.

— С нетерпением жду вашего выступления, — сказал Посснер.

— Когда я еще работал в цирке, — сказал Хьюги, — а это было прекрасное время, со мной произошел такой случай...

Но Посснер уже отошел от Хьюги и устроился на полу рядом с детьми, которые зачарованно уставились на Хьюги, в который раз вспоминая о своей артистической карьере. Наверное, подумал Посснер, он собирается расска-

зять старый анекдот о маленьких плавках, которые его уважаемая матушка сшила для него в качестве талисмана. Потом Хьюги должен был сделать на трамплине несколько сальто, после чего продемонстрируют короткометражный фильм, в котором переодетый Хьюги изображал нечто непонятное, и второе задание для детей состояло в том, чтобы отгадать, что же он делал правильно, а что неправильно. В заключение Хьюги произнес несколько слов о здоровье и спорте. Все это длилось десять минут, и Посснер ушел в гримерную. Гримерши на месте не было. В соседней большой студии балет уже несколько дней разучивал танцы. Там, разумеется, хватало работы по подкраске бровей и накладыванию грима.

Посснер сел в парикмахерское кресло и посмотрел на себя в зеркало. Ему ровно тридцать. У него маленькая квартирка с кухонной нишей и туалетом, мотороллер. Нос изящный, бесхарактерный, но молодящий его. Лицо чуточку полновато, но зато нет морщин. Со светло-коричневой косметикой он выглядит неплохо — большой, сильный, хорошо воспитанный молодой мужчина, умеющий мило улыбаться и сверкать глазами. На груди и ногах у него растут волосы, он сносно говорит по-английски и по-французски, быстро соображает, и у него приятные манеры. Он может быть доволен, что, не будучи артистом или редактором, делает послеобеденные программы и стоит перед камерой. Позже он станет заниматься режиссурой, пробьется в вечерние программы. В течение двух лет Посснер работал в газете, затем перешел на телевидение. Там он понял, что газетная работа становится ненужной. В электронной технике он, правда, не разбирается, для этого имеются мужчины и женщины в белых халатах.

Когда стоишь перед камерой и начинаешь сильно волноваться, думал Посснер, надо только забыть о том, как много людей сейчас на тебя смотрит. Сегодня после обеда на меня смотрели, вероятно, в трех миллионах квартир. Это значит около семи миллионов человек. А ведь я мог бы всех их здорово напугать. Для этого надо все проделать молниеносно: разорвать на себе рубаху, спустить штаны и показать голую задницу — пусть они взвоят от страха. Но нет, у меня не хватит времени, вмешается Грамель и включит картинку перерыва передач по техническим причинам. Пожалуй, лучше я доверительно и с уверенным выражением на лице скажу: — милые дамы, теперь я обращаюсь к вам: вы должны чаще спать с мужчинами. Расскажите об этом, пожалуйста, всем своим знакомым.

Режиссер позвал Посонера из гримерной. Он вновь присоединился к детям, а в центре зала Маркус Хьюги продолжал говорить и главным образом давать юным зрителям спортивные советы. Затем одна из камер опять повернулась в сторону Посонера.

— Ну вот, дети, теперь пойдете со мной к самому большому в мире строительному конструктору и будем строить экскаватор.

Они перешли в другой конец студии, где на большом помосте лежала груда деталей. Дети уселись вокруг на полу, Посонер начал действовать.

Это ему принадлежала идея собирать во время передачи модели разных машин, причем не маленькие модели, а в натуральную величину, или для наглядности даже больше, чем оригинальная конструкция. В столярной мастерской изготавливали деревянные детали, как можно более удобные для соединения, чтобы Посонер мог за четверть часа смонтировать модель машины. Отдельные детали должны быть простыми, а плоскости и блоки — пригодными для использования. Ну, и главное, машина должна работать. Перед этим Посонер длительное время упражнялся в правильности соединения деревянных деталей, смазывал болты, намыливал втулки, ослаблял все, что было перетянато, что-то подстругивал и покрикивал на декоратора, у которого все валялось из рук. Посонер хотел добиться, чтобы без особого труда одновременно собирать машину и рассказывать о том, как она работает и из каких частей состоит. Он уже собрал паровоз, который пускал пары, дорожный каток, который с помощью ручного привода мог двигаться, самолет и большой двигатель внутреннего сгорания, поршни которого работали.

Рядом с экскаватором лежали гусеницы, платформа была смонтирована и укреплена на помосте. Посонер установил кабину водителя и подсоединил канатный блок. Он кричал от напряжения. При установке стрелы ему помогали наиболее сильные ребята. Когда он привинчивал стрелу, гайка выпала из его дрожавших рук.

— Мой папа это делает лучше! — закричал Биби.

— Жаль, что его нет здесь.

— У моего папы мастерская в подвале и он работает там, когда у него плохое настроение.

— Это хорошо, — сказал Посонер и наконец закрепил болт. Освободившись, он обернулся, уставился на Биби и сказал: — Желаю твоему папе еще многих Биби. — Затем Посонер подвесил грейфер и натянул канат, занял место

водителя и дважды ударил ногой в боковую стенку. Это был условный знак для рабочего, который лежал на полу позади экскаватора и сразу же начал поворачивать платформу то влево, то вправо и вращать гусеницы. Для полноты картины звукооператор добавил шум мотора и лязг гусениц.

Посснер выглядел весьма импозантно, сидя в экскаваторе, который вертелся в разные стороны; грейфер приподнимался и опускался, то открываясь, то закрываясь.

Посснер крутил обеими руками канатный барабан и внимательно следил за канатами, идущими к грейферу и к стреле. Это было довольно утомительно. Внезапно из доски под его ногой выскочила железная скоба, грейфер с грохотом упал вниз, канатный барабан взметнулся вверх и, пролетев мимо головы Посснера, застрял в распорках. Дети вскочили. Рана на лбу причиняла ему боль, кровь крупными каплями растекалась по шерстяной блузе. Опомнившись, Посснер сказал перед камерой:

— Ничего не случилось, не бойтесь, я здоров. — Он слизнул с пальца кровь и засмеялся, он чувствовал себя настоящим героем. — Дорогие мамы, сидящие у телевизоров, ваши дети чувствуют себя прекрасно.

Но что случилось с Биби? Биби ревел, подняв свою мокрую, полную отчаяния мордочку. Посснер спустился с помоста, взял Биби на руки — вот она, долгожданная минута! Обращаясь к уважаемым дамам, он ровным голосом объявил, что сейчас начинается третья загадка, и это будет очень веселая история. И действительно, тут же дети в других декорациях начали декламировать. Какая же это была прекрасная картина! Посснер со следами крови на лице, а на его шее плачущий, доверчиво прижавшийся мальчуган.

Дети разыгрывали сильно растянутую пьеску на пословицу: «Пусть сапоги тачает сапожник». Певец хотел отдать сапожнику в починку свои ботинки, но у него не было денег, сапожник восхищался артистом, и они обменялись профессиями. Начались всяческие осложнения и недоразумения, закончившиеся тем, что сапожник остался сапожником, а певец — певцом. Посснер выкапывал такого рода истории из сборника немецких шуток. Диалоги писал приглашенный на временную работу референт из пресс-бюро. Сама пословица не приводилась, ее надо было угадать из представления.

Посснер потихоньку вышел из зала и вымыл лицо в туалетной комнате. У него была шишка па голове и безобидная ранка на лбу. Посснеру наложили на лоб крест-

накрест два пластыря. Секретарша Грамеля, которая сидела наверху в режиссерской, спустилась вниз и спросила Посснера, сможет ли он закончить передачу. На студию было много телефонных звонков. Грамель считает, что он отлично держался. Посснер опять вернулся в зал. Там все ободрительно кивали ему, улыбались, а некоторые подходили и шептали: сегодня все идет очень хорошо, видимость прекрасная, изображение цветное, он наверняка получит кучу писем.

Посснер подошел к учительнице, которая сидела в стороне на скамье и смотрела на него.

— Больно? — спросила она.

— Чуть-чуть.

— Если вы приложите что-нибудь холодное, шишка опадет.

— Вы сразу же уезжаете?

— Тотчас же. Нам на автобусе добрых два часа. Детям надо домой.

— Но кружку пива вы можете со мной выпить?

— Для кружки пива времени хватит, — прошептала она.

Посснер опять перешел к занавесу и приготовился.

— Итак, — сказал он, когда на камере, направленной на него, загорелась красная лампочка, — это было наше третье задание. Напишите решения на открытке и вышлите нам. Жребий определит, кто будет участвовать в нашей следующей передаче. Надеюсь, что вам понравилось. Я сегодня получил особое удовольствие и к шишке на голове позже приложу холодную примочку. Всего хорошего, до следующей передачи.

С заключительными тактами музыки Посснер поклонился, чуть-чуть улыбаясь.

Все в зале оставались еще некоторое время на своих местах, пока дикторша не приготовилась и не произнесла извинения за перерыв в передаче в районе Вахзенштайн-Бинген. Тотчас же появился на возвышении декоратор. Он поднял вверх металлическую скобу и стал ругать столяра, который не отвечал за скобу, так же как и другой столяр, который лежал за экскаватором и поворачивал его. Посснер назвал декоратора неряхой, а его работу примером легкомысленного свинства; ясно, что впредь на него полагаться нельзя.

Растерянный декоратор молча вертел скобу.

— Мы должны быть вам благодарны, — сказал Грамель, который, сияя, вошел в студию, — передача имела огром-

ный успех. Нагляднее и непосредственной быть ничего не может. Я благодарю всех.

Посснеру он сказал:

— Такovy преимущества прямой передачи. Зритель видит ошибки и как бы непосредственно в них участвует. Вы сегодня были молодцом. Задали работы телефонисткам, звонят на студию без конца. Придете в ресторан?

Приглашенные дети прощались. Некоторые из них тотчас же уезжали поездом, других надо было проводить в аэропорт. Всю эту неблагодарную работу брала на себя секретарша Грамеля. Юноши кланялись Посснеру, девочки делали реверанс, в том числе и четырнадцатилетняя, но она уже не интересовала его. Биби был бледный и безучастный.

— Биби, передай от меня привет папе, пусть мастерит и дальше.

Малыш не отвечал, глазенки у него слипались, и он крепко держался за руку секретарши. Две мамы, которые привезли детей из близлежащих окрестностей, благодарили Посснера. Теперь уже он кланялся и сиял. Это были стройные холеные женщины в светлых праздничных нарядах с дорогими перстнями на пальцах. О таких женщинах, богатых, гордых и уверенных в себе, Посснер думал с алчным благоговением и огромным вожделем. Но сейчас он только кланялся и благодарил за прелестных, умных и послушных детей.

Обычно после передачи все направлялись в ресторан. Техники первыми усаживались сплоченной группой в ожидании угощающих. Они о чем-то шептались, временами вызывающе смеялись, остерегаясь, однако, громко упоминать имя режиссера. В отношении Грамеля это было слишком рискованно, техники были им основательно запуганы.

Если здесь был Хьюги, вино текло рекой. Еще перед началом передачи он раздавал бутылки рабочим сцены, осветителям и людям в белых халатах, от которых все зависело и о которых никто толком не знал, чем они собственно занимаются.

Посснер мог наконец выпить пива. Первая кружка испарилась в горле, после второй, выпитой глотками вперемежку с водкой, ему полегчало.

— Надо как-нибудь организовать прямую передачу из Шварцвальда, с палатками и сосисками, — сказал он.

Ученики благодарно засмеялись. Они уже побывали перед камерой и теперь знали, насколько все это сложно. С точностью до сантиметра поворачивать голову. Не говорить слишком громко, не строить гримасы, поменьше же-

стикулировать и все время находиться в напряжении. Здесь нельзя валять дурака — камера видит все.

Затем пришла стайка балерин, проходивших пробу в другой студии. Они заполнили пустые места за столом, держась, однако, друг друга; многие сидели по двое на одном стуле. Это были тонкие девушки с ямочками между ключицами, бледными вытянутыми лицами, в облегающих трико и шелковых накрахмаленных лифчиках.

После четвертой кружки пива, когда Посснер стал благосклонно относиться ко всем разговорам вокруг, пришло несколько танцоров, стройных мужчин, которые сразу же начали осматриваться по сторонам, пытаясь найти знакомых. Говорили они на смеси двух языков, в большинстве случаев заканчивая фразу каким-либо профессиональным жаргонным словечком, которое могло означать все что угодно, в том числе и любое свинство.

Стало уже традицией, что вечером после передачи все ужинали вместе: Грамель, артисты, выступающие с куклами, секретарша Грамеля, Маркус Хьюги и Посснер. Обычно они выбирали итальянскую, но иногда и греческую, югославскую или французскую кухню. На этот раз Посснер предложил пойти в кабачок в старом городе, в котором подавали прекрасные сочные мясные клецки. Хьюги возразил, заявив, что еда в грязных гостиницах вредит его пищеварению, это напоминает ему о днях его молодости, когда он гастролировал с одним из цирков в Египте. Грамель сделал вид, что у него важное свидание в клубе. Тогда Посснер уехал на своем мотороллере домой.

Выпитые водка и пиво давали себя знать, он включил полный газ, машина понеслась с ревом по городским улицам, и покрышки яростно скрипели каждый раз, когда на большой скорости он вписывался в крутой поворот. Да, вольная жизнь шофера, путешественника, рыцаря пыльных дорог — это в его вкусе. Конечно, не здесь, а вот мчаться бы где-нибудь в степи, на вольных просторах, когда под рукой оружие и фляга с водой. Ночью спать под грузовиком, завернувшись в плащ-палатку, и слышать, как воют вдали хищные звери. Пять дней ехал он по трассе, одинокий и сильный, уверенно держа руль; он целовал свой амулет, замасленная нижняя сорочка натягивалась на его загорелых плечах; он знал, что ему надо; он потел; он не говорил лишних слов. Его груз был ценным, он вез его с большой скоростью и доставил в сохранности...

Дома Посснер принял теплый душ и уселся у телевизора с бокалом красного вина. Его родители живут в Ди-

полдсройте, маленьком городке в Нижней Баварии. К аппарату подошла мать.

— Каков был я? — спросил он.

— Мы опять собрались в гостинице «Ангел», ты знаешь, в той комнате, в которой стоит телевизор, — ответила его мать. — Там всегда так мило и специально отпирают для нас. Бог мой, как же я испугалась! Это было так опасно, тебя могло убить. Мы все закричали. Дорогой мой, мы гордимся тобой. Как ты все это делаешь? Как ты все это запоминаешь?

— Вам понравилось?

— Ах, и малыш был такой милый. Нет, подумать только, какой развитой ребенок. Не были ли дети чересчур взволнованы тем, что им разрешают участвовать в передаче? Если бы телевидение было в пору твоего детства, ты бы не давал мне покоя, ведь ты всегда был за все новое.

— Была ли с вами бабушка?

— Нет, на этот раз нет. Ах, она постоянно мешает смотреть и все время задает вопросы, так как ничего не понимает. Но ты чуточку похудел. Высыпаешься ли ты? Ешь ли каждый день что-нибудь горячее?

— Да, я сплю и ем достаточно, — сказал он.

— Ты должен отдавать себе отчет в том, что ты делаешь. Пожалуйста, береги себя. Я все понимаю — город, интересная профессия, но можно забыть, нельзя всему поддаваться.

— Поняла ли ты, что я объяснял, когда собирал экскаватор?

— Каждое слово. Все было очень понятно. Я не имею ни малейшего представления о машинах, но ты все это делаешь так интересно. Когда я завтра пойду за покупками, меня опять будут расспрашивать самые разные люди. Пермутсы, — ну, ты знаешь, врач, который купил наш земельный участок во дворе, — они приобрели телевизор только для того, чтобы увидеть тебя на экране. Вполне понятно, что мать гордится своим сыном.

— Да, это понятно. Дай-ка мне поскорей папу.

— Итак, будь здоров, дорогой, и думай иногда о нас. Скажи, не сможешь ли ты приехать в конце следующей недели?

— Вряд ли, у нас еще четыре воскресных передачи.

— Целую, — сказала мать и засмеялась.

Поснер также послал ей воздушный поцелуй и засмеялся. Затем к аппарату подошел отец.

— Недурно, мой мальчик, твое дорогое воспитание все же оказалось ненапрасным. Прими мои поздравления, ты был убедителен.

— Спасибо, — сказал Посснер, — пока это только для детей, но с чего-то надо начинать.

— Все правильно, ты находишься на верной дороге. Я уверен в этом.

— Я выбрал свой путь.

— Хочу только обратить твое внимание на одну деталь, — сказал отец, — меня временами коробило, что в твоей речи все еще немного чувствуется диалект, чуть заметно мягкое баварское произношение в окончаниях слов. Вероятно, тебе надо брать уроки. Театр, с его правильным произношением, всех избаловал. Как я уже сказал, это мелочь, но я хочу быть объективным.

— Я не артист. Самая малость диалекта персонифицирует передачу.

— Как знаешь, мне лично это не мешает, я лишь обращаю на это твое внимание, — отвечал отец. — Мой мальчик, делай как знаешь, будь прилежным и приезжай, когда сможешь. Мы довольны. До свидания.

Его квартира была прибрана, было и что поесть, но он не знал, чем себя занять, читать не хотелось, он включил радио, передавали какой-то доклад, потом оперетту. Он вышел из дома.

Через холмистый город шла улица, расширяющаяся на поворотах. Над главным вокзалом нависал городской виноградник, все остальные склоны были сплошь застроены домами с коваными оградами, розами и стриженными газонами под окнами. Богатый город, окруженный туманом и копотью. В извивающейся вокруг долине стояли фабрики из стекла и металла, с фресками на стенах.

Когда Посснер был в хорошем настроении, он любил такие прогулки по городу. Он искусно лавировал между автомобилями, влетал на полном газу высоко в гору, со скрипом мчался по ленте асфальта вниз, тормозил, брал подъем, вновь давал газ и мчался, сидя очень прямо и слегка наклоняясь в ту или иную сторону для сохранения равновесия на поворотах. В это время ветер пронизывал его насквозь. В часы таких прогулок на нем была обычно шляпа, которую удерживала натянутая под подбородком резинка.

Улица проходила через перекрытый бетонными плитами ручей, который протекал в долине мимо вокзала, через промышленный район. Слева в гавани канала стояли краны и силосные башни, справа возвышались горы угля, принад-

лежащего электростанции, которая имела и коксовальню. Видно было, как люди работали у печи, как сбрасывали в вагонетки сверкающий в ночи кокс, а из дверей печи полыхали огненные языки. Посснер вновь дал полный газ и поехал, не держась за руль, прямо по ярко освещенной улице, ведущей из города. При каждом толчке колес о швы между бетонными плитами сиденье мотороллера уходило куда-то в сторону и его бросало вперед. Он был быстр и мужествен. Он пел. Давление воздуха от обгонявших его автомобилей он выравнивал небольшим наклоном корпуса. Так отдыхал он и был горд. Временами его обволакивала удушливая вонь городской бойни, кожевенного завода, а еще ниже — запах горелого жира, который шел с резиновой фабрики. Долина стала шире и холоднее. Посснер вновь сжал руками руль. Воздушный поток выдавил у него слезы из глаз, потекло из носа.

После такой езды, прерываемой посещением кабачка и небольшой выпивкой, Посснер обычно направлялся ночевать к своей приятельнице Розе. Она была хрупкой и энергичной женщиной, и у нее была четкая программа: к тридцати займет мужа, в тридцать один — ребенка, желательно сына. Отец Розе был директором шоколадной фабрики. Она имела уютно обставленную маленькую квартиру и работала переводчицей на автозаводе. Автомобиль она хотела приобрести только после того, как сможет оплатить его из своей зарплаты.

Когда она открыла Посснеру, через одну руку у нее была перекинута юбка, а в другой она держала платяную щетку.

— Ты должен был позвонить, — сказала она, — я не приготовилась.

— Я счастливый человек, — сказал он, — и не виноват, что счастлив.

— Ты пьян.

— На это я могу только сказать, что ты не пьяна. Но если это так, то ты давно не была счастлива.

— Хочешь есть?

— Нет. И все же я счастлив. Меня просто переполняет счастье, даже когда я чищу твою юбку и выбиваю из нее воскресную пыль. Мне просто трудно представить, что ты не счастлива.

— Ты омерзительно пьян, — сказала она.

— У меня пахнет изо рта?

Он поплелся за ней в комнату, кухню, ванную и опять в комнату, чуть дыша, распространяя кислый запах пере-

гара, неуклюже топая, со вздувшимися жилами на шее. Он смеялся и просил ее сказать ему правду, понюхать и беспристрастно определить.

— О, ты настоящая грязная свинья. Убирайся и не смей больше приходиться, — закричала она.

— Нет, я не грязная свинья, я просто счастлив.

— Ты не имеешь права так себя вести.

— Нет, я имею право! — сказал он, схватил ее за шею, стал гладить затылок все быстрее и сильнее. Задыхаясь, она барабанила по его груди, щипала своими длинными пальцами, делая ему больно и возбуждая его, молочная кожа на ее лице стала прозрачной, они боролись, пока, наконец, оба не упали на пол.

— Послушай-ка, — сказала она, — мои часы сломались.

Посснер встал на колени и осмотрел ее ручные часы, у которых разбилось стекло и сломалась минутная стрелка.

— Это я, разумеется, оплачу, — сказал он, — я отнесу их завтра в ремонт.

— Они не очень дорогие, — сказала она, — мой отец подарил мне их на рождество. Накладное золото.

— У меня болит голова, — сказал Посснер.

Рози сделала ему холодную примочку, и, пока она прибиралась, разбираала софу, стелила постель, он сел в кресло, приложив ко лбу мокрую тряпку.

— Тебе лучше? — спросила она. — Приготовить что-нибудь поесть? — Она вышла и разделась на кухне. Посснер воспользовался этим, чтобы тоже быстро раздеться и свои не очень чистые трусы спрятать во внутренний карман пиджака. Прежде чем лечь в постель, она, совсем голая, позвонила в службу поручений и попросила разбудить ее в половине седьмого: когда Посснер у нее ночевал, она не доверяла своему будильнику.

Завтраки Рози были великолепны: зеленый чай, ветчина, сардины в масле, мед, белый хлеб, жареный миндаль, незрелый мягкий сыр, вестфальский пряник; правда, на столе никогда не было сливочного масла, колбасы, салами и яиц. Посснер привык к тому, что эти обширные завтраки были у нее всегда наготове, даже если он приходил к ней без предупреждения. В те дни, когда он ночевал у Рози, он в девять часов уже сидел в бюро, тогда как обычно появлялся на работе только около одиннадцати.

Грамель, который отвечал за передачи для детей, молодежи и передачи для женщин, решал все вопросы только сам. Если во всех остальных студиях существовал редакционный штаб из дюжины работников, занятых составлением

программ, то Грамеля, этого мягкого, сговорчивого человека, не покидала жажда деятельности. Он разговаривал по телефону, покупал фильмы, передавал их для разрезки и синхронизации, щедро рассыпал идеи, ровным голосом диктовал режиссерские ремарки к сценариям.

Когда рано утром Посснер появился в бюро, бледный и утомленный бессонной ночью, Грамель уже обсуждал вместе с пожилой дамой новую постановку — историю в рисунках на библейскую тему. Это должна была быть передача из десяти серий, включающая шестьсот рисунков. На пятой сотне даму покинуло мужество; апостолы на гравюрах становились все костлявее, а ландшафт все засушливее, так что пришлось попытаться использовать для последних серий рисунки, уже ранее показанные. Кроме того, Грамель расширял дикторский текст и подбирал сопровождающую его драматическую музыку. Он раскладывал рисунки, нумеровал их красным карандашом и пытался использовать Аввакума из третьей передачи уже в качестве Якоба в десятой... Дама хранила глубокое молчание.

В десять утра в бюро появился Маркус Хьюги в рубашке с манжетами до кончиков пальцев и стал просить выписать ему аванс в счет следующей передачи, возмущаясь, что этот осел — новый портье не пропускает его красный автомобиль во двор. Грамель выписал ему две тысячи марок и направил к директору, который должен был поставить свою подпись. Хьюги ушел, пришел кривой архивариус и принес катушку с записью аранжированных в джазовых ритмах народных песен, которые Посснер собирался прослушать для возможного использования в своих передачах. Затем секретарша попросила Посснера просмотреть с ней первые детские письма, заполнившие две бельевые корзинки. Он отказался. Полистал журнал для тех, кто увлекается различными самоделками, и позвонил декоратору, у которого не ладилось с вертолетом для следующей передачи. Посснер хотел собрать настоящий вертолет с сиденьями в кабине для шести детей. Лопасты вертолета должны были вращаться с помощью ручного привода, находящегося в кабине; нарисованные на заднем плане облака и стрелка, устремленная в небо, должны были усиливать впечатление. Иллюзия полета создавалась с помощью небольших поворотов камеры и трюков с диафрагмированием, в то время как дети должны были махать руками, высовываясь из иллюминаторов и смотря вниз. Вначале декоратор и Посснер хвалили друг друга, потом начали ругаться. Декоратор просил Посснера прислать ему журнал с описанием самоделок. Нако-

нец Посснер ушел в другую комнату и, усевшись за монтажный стол, начал просматривать одну из частей планируемого двадцатипятисерийного фильма под названием «Когда я еще был деревенским парнем». Каждую серию ему предстояло укоротить на три минуты. Он добросовестно взялся за работу.

Большое здание, в котором раньше находилась телефонная станция, после войны передали радио. Позднее к нему пристроили крыло, в котором теперь разместились работники телевидения. Производственные помещения находились через улицу, в бывшем спортивном зале. В главном здании был ресторан, основной обеденный зал со стенами, обшитыми коричневыми пластинами.

Между десятью и одиннадцатью в дверь ресторана протиснулись редакторы сельскохозяйственных передач — серьезного вида мужчины, усевшиеся далеко друг от друга за отдельными столами. Им достаточно было подать знак — и уже официантка тащила пиво, водку и кокосовое молоко: господа твердо придерживались своих привычек. Мрачно смотрели они поверх стаканов, глотая слюну и сдерживая благородную отрыжку. Вскоре подали еду: жаркое, рис, овощное рагу со шпиком. Продефилировал мимо заведующий газетным архивом, он купил в буфете свою ежедневную порцию красного вина и выкатился прочь.

Во время обеденного перерыва здесь нередко появлялись и ловкие комментаторы, плотные, затянутые в песочного цвета жилеты, дикторы и тщательно причесанные секретарши. В стороне сидели двое стройных мужчин и ели салат и диетические блюда, держа вилки в левой руке. Это были представители отдела критики. Для подготовки своих двух-трех передач в год у них было более чем достаточно времени. Они расспрашивали бесстрастно и лаконично, прищелкивая пальцем, никогда не говорили одновременно, чудесно дополняя друг друга. Дождавшись, когда осветитель, оператор и помощник оператора покончат со своей работой и кадры соберутся на катушке, они осмеивали их все до одного. Впрочем, именно в этом и состояла их многотрудная работа. Но сейчас они смеялись нежно и доброжелательно.

Каждому приятно, когда директор садится обедать не в отдельной комнате, как все члены административного совета, а за столиком рядом с вами.

Еще несколько лет тому назад никто не знал этого одетого в темное холостяка средних лет, худого, в очках без оправы. Затем он появился и незаметно вполз на самую вершину. У него не было своего мнения, но для каж-

дого была наготове ироническая улыбка, и никто не смел утверждать, что он глуп. Он был беспартийным и говорил на искусно дозированном диалекте.

Так как передачи в обоих домах продолжались далеко за полночь, выбор блюд в вечерние часы значительно расширялся. В меню включались запеченные бутерброды с устрицами и листочками салата, острые приправы к молодому сыру, благоухающее розой мясо, крендели и оригинальные наборы колбас. Прилично зарабатывающим хостякам, а таких было не мало в отделах эстрады и драматургии, приходилось следить за тем, чтобы не располнеть. Объединившись здесь с единомышленниками, они чревоугодничали, проводя вечер за вином и поучая своих протеже, которые вели жизнь там, вне этих стен, и теперь, когда им в конце концов все же удалось проникнуть сюда, в ресторан, жадно ловили каждое слово, рождающееся за столиками, в надежде услышать то, которое окажется заветным ключом к успеху. Рядом жевали и чавкали господа и дамы, которые только что закончили репетицию музыкальной радиопередачи, а до этого всю первую половину дня простояли на нарисованных мелом крестах и декламировали перед камерой; вскоре им предстояло еще раз выйти на сцену. Они всегда выглядели очень усталыми.

В стороне, под лампой величиной с тарелку, сидит всем известная и всеми поносимая руководительница телевизионных спектаклей. Она профессор и прекрасно знает свое дело. Многие перемыкают ей косточки за спиной, но никто не осмеливается сказать, что он о ней думает, прямо в лицо. Вот и сидит она одна, несколько минут ни о чем не думая, наслаждаясь переспелым сыром ромадур, осторожно выжимает вилкой сок из кучки салата из редьки, запивая салат холодным пивом. У профессорши тонкие вьющиеся волосы, острый нос, а на пальцах перстни с бесцветными камнями. Вокруг шеи прозрачный сиреневый платок, которым она драпирует круглый вырез платья. Она достает деньги из крошечного кошелька из мягкой кожи и, заплатив, выходит, садится в автомобиль и на полной скорости уезжает к себе в пансионат, в котором живет уже давно. Пансионат дает приют только четырем гостям, постоянно живущим в изолированных квартирах.

Посснер заел куском хлеба свою последнюю сардину в масле и отправился домой. Там он сразу лег и крепко уснул.

Во вторник на его письменный стол легло первое письмо. Писала учительница из Карлсруэ:

«Дорогой господин Посснер, мы начали репетиции на тему песенки «Человек, который называл себя Колумбом». Я написала на эту мелодию новый текст, чтобы дети не сразу поняли, о ком идет речь и только в ходе представления могли догадаться, что речь шла о Колумбе. Но вот передо мной встал вопрос, должны ли действия разворачиваться так, как будто Колумб со своими матросами, как мы это вначале договаривались, уже высадился на сушу и встретился с индейцами, или же лучше вначале показать корабли, что будет весьма красочно, а уже потом встречу белых с краснокожими, которые должны вести себя весьма воинственно. Пожалуйста, ответьте мне сразу же, так как у нас есть время для репетиций только до пятницы.

Передайте от меня привет господину Грамелю. К сожалению, в воскресенье у меня не было времени пойти с вами в кабачок, автобус сразу же отправлялся, но я надеюсь, что вы насладились своим пивом. С сердечным приветом, ваша Анна Мария Кауз».

Грамель заявил, прочитав письмо, что Посснер может поступать как ему заблагорассудится, главное, чтобы сценка продолжалась не свыше восьми, самое большее девяти минут. Посснер ответил срочным письмом, что корабли должны быть при всех условиях. Затем он позвонил тощему декоратору, у которого сразу нашлась куча возражений, в частности, — у него не хватит столяров, чтобы соорудить фасад хотя бы одного парусника. Единственное, на что он способен, — это взять пару ящиков, повесить над ними канаты, а все остальное придется нарисовать на кулисе. Посснер ответил, что ему это безразлично, и обозвал декоратора ленивым психопатом; у декоратора от этого сразу улучшилось настроение.

В среду утром Посснеру передали, что фрейлейн Кауз просила его позвонить в канцелярию школы. Посснер сейчас же позвонил.

— Господин Посснер, я никак не могу свести концы с концами, — сказала она, — индейцы, вернее дети, они, конечно, очень послушные, но я не могу никак с ними справиться. Все идет кувырком. Вы не могли бы... сегодня после обеда мы опять будем репетировать.

— Я приеду, — сказал Посснер, — я сейчас же выезжаю.

— О, большое спасибо. До скорого!

— Командировку мне! — закричал Посснер. — Когда отправляется поезд? Который теперь час?

Секретарша Грамель проявила чудеса оперативности. Посснер выписал командировку, Грамель подписал ее. Посснер заполучил у секретарши денег. Скорый поезд отправлялся через полчаса, ровно в двенадцать, и Посснер поехал на вокзал на такси. Около трех Посснер был в Карлсруэ. Подремал в душном купе мягкого вагона, прочитал спортивную газету и дважды ел мороженое.

На такси он подъехал к школе, красному зданию из песчаника, поднялся по лестнице и посмотрел детские рисунки, которые были развешаны на стенах коридора. На одном из плакатов он увидел ребенка, бегущего за мячом под самыми колесами автомобиля. С удовольствием он дышал пыльным, пропахшим запахом пота воздухом школы, чувствуя себя опять подростком. Посснер вспомнил, как незадолго до окончания школы, поднимаясь однажды по такой же лестнице, он думал о том, что, став взрослым мужчиной, когда-нибудь вновь поднимается по школьной лестнице. Улыбаясь, он вошел в музыкальный зал.

Фрейлейн Кауз стояла, прислонившись к роялю, и отбивала такт, а индейцы в плавках, с петушиными перьями в волосах танцевали вокруг группы матросов, в лыжных ботинках. Георг от имени школьников приветствовал Посснера и выразил восхищение тем, что он пришел на репетицию.

Дел было не так уж много. Учительница выписала отдельные роли на лист бумаги с указанием смены позиций, откуда следовало выходить на сцену или уходить за кулисы, и всюду рядом было проставлено затрачиваемое время. Всего уходило чуть более одиннадцати минут.

Шарада была спланирована правильно, Посснеру оставалось только сократить некоторые мизансцены. В представлении участвовала и девочка, исполнявшая роль предсказательницы. По ее повелению индейцы должны были принять бледнолицых как своих друзей. С помощью этой маленькой хитрости фрейлейн Кауз хотела ловко избежать на сцене военных действий.

Индианка завернулась в отделанный бахромой платок, на запястьях у нее были нитки кораллов. Она оказалась высоким, тощим двенадцатилетним подростком. Когда Посснер сказал ей, что надо говорить медленнее, на ее маленьком потном личике ничего не отразилось, как будто бы она и не слышала его слов. Ему пришлось дотронуться до нее и вернуть в реальный мир.

Фрейлейн Кауз считала, что прорицательницу следует заменить лекарем, в параллельном классе был юноша, который с удовольствием принял бы участие в представлении; Посснер возразил, что присутствие девушки среди юношей оживляет картину. Учительница не должна забывать, что девочка совсем еще ребенок и самозабвенно погружается в игру.

— Тебе нравится? — громко спросил Посснер девочку.

Прорицательница молча кивнула.

— Не будем приносить тебя в жертву. Ты — прорицательница и превосходишь мужчин, вопящих вокруг тебя и собирающихся начать войну. Они повинуются каждому твоему слову. Или это не так? — воскликнул он. — Эй вы, индейцы, не забывайте, что прорицательница не просто женщина!

Георг заявил, что раз господин Посснер так считает, то, значит, так тому и быть, ведь у него большой опыт работы на телевидении.

— Да, его у меня хватает, — сказал Посснер, — а теперь еще раз с самого начала.

Фрейлейн Кауз с силой ударила в гонг, уверенно дирижируя спектаклем. Едва только Колумб успел взглянуть в свою подзорную трубу и наконец-то увидеть землю, как она звуками флейты погнала индейцев исполнять воинственный танец, тут же кивком головы заставила вступить в игру миролюбивую прорицательницу, подав, однако, ей знак слишком рано, когда Колумб со своими матросами еще не успел приблизиться к индейцам, чтобы обменяться с ними приветственным рукопожатием. В заключение индианка произнесла свое пророчество о том, что позднее эту открытую страну назовут Америкой, дав тем самым ключ к разгадке шарады.

— Прекрасно! — воскликнул Посснер, подняв секундомер высоко вверх, — семь минут и пятьдесят секунд! Каждый должен хорошенько выучить свою роль. На сегодня достаточно. В субботу утром мы увидимся на студийном прогоне.

Дети не тронулись со своих мест.

— В чем дело?

— У нас еще не все получается, — ответил за всех школьников Георг.

— Все будет хорошо, — заверил Посснер, — я убежден в этом. Не волнуйтесь. Репетиция окончена.

Медленно выходили ребята из зала, спускаясь по лестнице в свою классную комнату переодеться.

Девочка вернулась и сняла индейский платок. Теперь Посснер отчетливо увидел, что она покрасила руки и лицо темно-коричневой краской.

— Гретель, — сказала ей учительница, — тебе придется подождать, пока все уйдут из класса, тогда ты сможешь умыться.

— Пошли, — сказал Посснер. — Что вы думаете насчет чашечки кофе?

— О да, это как раз то, что мне сейчас необходимо.

Они медленно пошли в направлении вокзала, а индейцы и матросы обгоняли их на своих велосипедах, начиная звонить задолго до того, как они подъезжали к ним, а потом громко их приветствуя.

Недалеко от зоопарка, рядом с магазином мужской одежды, было два кафе. Одно с крытыми качалками перед столиками, а другое, получше, с пальмами в кадучках. Но они никак не могли сделать выбор, так как фрейлейн Кауз считала, что в лучшем кафе кофе с мороженым слишком дорогой, а в кафе похуже его просто не было.

— Сколько вы получаете? — смеясь, спросил Посснер. Она объяснила, что купила кушетку и поэтому несколько стеснена в деньгах. Они забыли о кофе и мороженом и пошли дальше в зоопарк, мимо больших клеток с птицами, к павианам, вольеру с зебрами и антилопами, мимо слонов, вверх на маленькую насыпную горку, поросшую кустарником, туда, где стояли скамейки.

Учительница рассказывала.

Раньше она работала в школе в Мангейме, а потом переехала в Карлсруэ. Класс, который она приняла, ей нравится. Дети живые, правда, есть несколько крикунов и бузотеров, но с ними она уже справилась. И мало девочек, которых она считала более скучными, чем мальчики. У одного из своих коллег она случайно увидела телевизионную передачу: было это вечером в субботу, она сейчас уже не помнит, какая именно шла передача, но, во всяком случае, ей понравилось представление, в котором участвовали дети, и она, не долго думая, начала сама ставить спектакли.

— Мой последний рождественский спектакль в Мангейме, — сказала она, — имел большой успех. Он продолжался полтора часа. Три восточных короля из старой библейской истории стали каменщиком, трубочистом и бензозаправщиком из разных европейских стран. Они должны были прийти издалека. Это сбило с толку роди-

телей. Но дети, они так играли, так веселились, что стены дрожали. Я считаю, что нынешним детям нечего рассказывать про королей.

— А текст, — спросил Посснер, — вы хотите сказать, что действие у вас происходило в наши дни?

— Разумеется, я взяла эту старую библейскую сказку только как основу и просто заменила действующих лиц. То, что они говорили, получалось как бы само собой. Трубочиста играл толстый парень в очках, который поразил учителя физкультуры. Дело в том, что перед яслями (вместо них мы поставили ванночку из пластмассы) трубочист перед народившимся божественным младенцем сделал стойку на голове. Я узнала об этом только во время представления, так как он тайком тренировался дома.

Они вышли из зоопарка через запасной выход и оказались в тихом квартале, застроенном старыми домами.

— Но вы не должны думать, — сказала она, — что все шло без трудностей.

— Это я могу себе представить. Коллеги?

— Особенно директор. Он очень консервативен. Вы знаете, он считает, что телевидение портит детей.

— А что думаете вы?

— Ерунда, — ответила она, — мы делаем передачу, и на этом все кончается. Дети все забывают, играют в футбол и ведут себя в школе так же хорошо или плохо, как они вели себя и до этого.

— Те гроши, которые получают у нас дети, пять марок и бутылку кока-колы, — сказал Посснер, — это, разумеется, не может испортить детей.

— Это директор знает, кроме того, школа получает за каждую передачу четыреста марок.

— Так много! Об этом мне Грамель не рассказывал.

— А вы получаете меньше? — спросила учительница смеясь.

— Вдвое больше.

— Извините, — сказала она, — я просто пошутила.

— Нет, нет, все правильно. По правде говоря, вы работаете больше, чем я.

На одном из магазинов Посснер увидел часы. Было уже поздно, и поезд ушел. Фрейлейн Кауз стала извиняться за то, что так долго задерживала его, он должен сейчас же ехать на вокзал. Посснер возразил, что она может не волноваться, — он успеет на более поздний поезд. У него только одно желание — он бы охотно с ней поужинал. Он взял ее за руку и спросил: «Договорились?» Она молча

кивнула. В ближайшем магазине он купил большой пакет закусок, салата, фруктов.

У учительницы была однокомнатная квартира с кухней. На подоконнике стояли цветы и целая коллекция кактусов; на стенах висели разные самodelки. Комната казалась чуточку узкой, так как старомодный обеденный стол и четыре стула занимали много места. Кроме того, в комнате стояли кресло, шкаф и новая кушетка. Посснер нашел, что все очень уютно и говорит о настоящем хорошем вкусе. Он рассматривал рукоделие, гравюру и латунную пепельницу — все это фрейлейн Кауз сделала своими руками.

Смеясь, она ответила, что у нее типичный вкус учительницы. Меблировка могла бы быть элегантнее. Посснер уверял, что он говорит все искренно, и не отклонился от темы разговора, пока они не съели весь салат и консервы.

Содержимое пакета с деликатесами учительница выложила на маленькие тарелки, налила чай и зажгла свечи. Посснер сидел в кресле, она расположилась на кушетке, но то и дело вскакивала, убегая на кухню за вилкой, ложкой, солью или брусничным мармеладом.

— Одной быть совсем неплохо, если у тебя есть цель и ты знаешь, что надо делать, — сказала она.

— Это так, но у меня всегда не хватает времени. На неделе я никогда не ложусь в постель раньше двенадцати, — пожаловался он. — Я должен интересоваться всем, даже техникой, хотя не имею о ней ни малейшего представления.

— Но зато у вас интересная профессия, — заметила она.

— Интересная, это верно, но надо иметь четкую линию, иначе тебя съедят.

— О, это я могу понять, — сказала она и начала рассказывать, что не все принимают ее новые методы работы с детьми. Посснер встал и пересел к ней. Она продолжала говорить, а он начал играть ее пальцами, но в этот момент раздался звонок. Она не отдернула руки.

— Кто бы это мог быть?

— Может, кто-нибудь из коллег? — спросил он.

— В такое время? Ко мне? Нет, я не буду открывать. Звонок дважды повторился.

Посснер отпустил ее руку и открыл дверь. За дверью стояла группа матросов и индейцев.

— Хорошо, что вы здесь, — сказал представитель класса Георг. — Мы недовольны Гретель, прорицательницей.

Посснер пропустил ребят, которые втиснулись в маленькую квартирку; учительница убрала остатки ужина и исчезла на кухне. Дети болтали друг с другом и хихикали, так как один из них умудрился схватиться за кактус.

— Ну, что же вы хотите? — громко спросил Посснер.

— Мы зашли просто так, но, наверное, помешали.

— Нет, нет, вы не помешали, — закричала учительница и вошла из кухни. — Как вы можете так говорить! Ах, для такого количества людей у меня не хватит стульев. Вы можете сесть прямо на стол.

— Гретель нам все портит, — сказал Георг. — Мы придумаем что-нибудь другое, прорицательницы были только в сказках, а не на самом деле. Мы не можем избежать борьбы. — Все одобрительно кивнули.

— Вы не справитесь с этим, — сказал Посснер. — На это можно было бы пойти только в том случае, если бы вы умели бороться по всем правилам и знали артистические трюки. Зрители очень избалованы. У вас не было необходимости являться сюда.

Учительница заметила, что некоторые ученики имеют хорошие отметки по физкультуре. Она семенила вокруг, выносила кактусы и угощала детей кексом. Посснер посмотрел на нее.

— Все это вздор, — сказал Посснер, — прорицательница остается.

Учительница перевела взгляд на Посснера, который теперь стоял у двери: ему негде было сесть, так как повсюду сидели дети. Она хотела что-то сказать, но вместо этого ей пришлось урезонивать мальчугана, который пытался поджарить свой кусок кекса на пламени свечи. Староста класса, который играл Колумба, принес с собой темно-красный бархатный берет с голубыми шелковыми кисточками. Он хотел знать, можно ли его использовать во время передачи. Другой показал раскрашенные красной и зеленой краской петушиные перья и допытывался, можно ли сделать из них головной убор со шлейфом до земли.

Посснер одобрил все, хотя красный и зеленый цвет на экране телевизора выглядят одинаково черным.

— Не пора ли вам идти домой? — опросил он ребят.

— Еще не так уж и поздно, — сказала учительница. — Выкладывайте, что у вас там еще? Ведь родители знают, что вы репетируете для телевидения. Господин Посснер специально приехал в Карлсруэ, и мы не должны его опозорить. Знаете ли вы свой текст?

Дети начали повторять сценку с Колумбом, вначале медленно, спотыкаясь, так как сидели они не в том порядке, в котором шло представление. Тогда они встали, разделились на матросов и индейцев, и вскоре все пошло как надо. Учительница взяла на себя роль отсутствующей прорицательницы.

Кушетка опять освободилась, и Посснер смог сесть. На него напирали дети. Он видел только их спины и не мог вытянуть ноги.

— С шарадой все идет как по маслу, — сказал он, — больше ничего делать не надо.

После второго прогона он стал прощаться. Уже стоя в дверях, он задержал руку учительницы и спросил, довольна ли она.

— Вы действительно избалованы телевидением, — ответила она и убрала руку.

Дети гурьбой пошли провожать его до вокзала. На всем пути, когда он еще подумывал, не вернуться ли ему, и затем во время ожидания поезда, они говорили только о Колумбе.

Бенгт Даниельссон

Гость телевидения

Известно, что англичане были не совсем довольны тем, как американское телевидение показывало фильм о коронации королевы Елизаветы. Дело в том, что ленту то и дело останавливали и на экране возникал шимпанзе, рекламирующий мыльные хлопья.

Однако даже сама королева вряд ли нашла бы к чему придаться, доведись ей участвовать в американской телепередаче, в которой недавно выступал я. Трудно представить себе более содержательную, более милую, более непринужденную программу! Вот как было дело.

Однажды мне позвонил сотрудник телевизионной компании Икс и спросил, не смогу ли я принять участие в их завтрашней передаче.

— У нас есть такая рубрика: «Гости Уола Уилли». Если вы придете без четверти двенадцать, он успеет вам все объяснить до начала.

Я пришел на студию точно в назначенное время. Блондинка с парикмахерскими кудряшками и секретарским голосом провела меня в просторное помещение, где снова-ли, таская за собой кабели и аппаратуру, десятка два рабочих. Не успел я опомниться, как двое в белых халатах, с козырьками на лбу схватили меня и усадили в нечто вроде зубо-врачебного кресла. Я оторопел: кажется, не туда забрел? Но оказалось, что меня всего-навсего будут гримировать. Двое в халатах объяснили, что без грима изображение будет нечетким, и в два счета изменили мою внешность до неузнаваемости.

Только они закончили свое дело, как явился детина с видом профессионального боксера и отвел меня на эстраду, обтянутую черным бархатом, по которому большими

буквами из серебряной фольги было выложено: «Гости Уола Уилли».

— Садитесь, — сказал боксер.

Я не посмел ослушаться, хотя предпочел бы сперва встретиться с Уолом Уилли и выяснить, как задумана передача.

Тут подошел пожилой бравый усач и сел рядом со мной. В этой толпе суматошливых дурачков он производил впечатление единственного рассудительного человека. «Не иначе сам Уол Уилли», — облегченно подумал я. Но когда он представился, оказалось, что это отставной полковник, которого тоже пригласили выступить. Что нам предстоит, он представлял себе так же смутно, как я.

В конце концов откуда-то вынырнул и Уол Уилли.

— Подумайте, о чем говорить, — выпалил он и тотчас исчез опять.

Мы с полковником решили рассказать что-нибудь очень веселое и остроумное. Не успели мы закончить свои приготовления, как снова появился Уол Уилли. Я схватил его за рукав и прониновенно сказал:

— Дорогой мистер Уилли, может, вы все-таки объясните подробнее...

— Тсс, — перебил он меня, — сейчас начнется передача. Только называйте меня не «мистер Уилли», а «Уол».

Вспыхнули светильники, и Уол Уилли быстро затараторил. Какой-то человек подъехал на огромной камере вплотную к полковнику, и ведущий представил телезрителям первого гостя.

— Вы ведь из Чикаго? — спросил Уилли. Сразу стало очевидно, что он подготовился к передаче.

Полковник был человек методичный. Он не ограничился скудным «да», как это бывает в наших шведских радиointервью, а принялся во всех подробностях рассказывать о своем чикагском детстве. Он уже дошел до первой мировой войны, когда настало время рекламировать пиво.

После рекламы полковник хотел продолжать, но Уол Уилли сделал оператору знак перевести камеру на меня.

А я как раз в эту минуту обнаружил в углу студии огромный телевизионный приемник, который воспроизводил наши лица почти так же реалистично, как зеркала в комнате смеха главного увеселительного парка города Стокгольма. Понятно, все заготовленные слова вылетели у меня из головы, и я понес какую-то околесицу. Вдруг меня осенило, что не худо бы вовлечь в разговор самого Уола Уилли. Как-никак, передача его! Но, повернувшись к нему, я

не обнаружил ведущего. А когда наконец отыскал его взглядом, он стоял за кулисами, потягивая пиво из кружки.

Что ж, буду действовать самостоятельно. Только я разошелся, как подскочил, размахивая руками, помреж: пора опять рекламировать пиво. (То самое, которое пил Уол Уилли.) Четыре девушки в купальниках спели песенку о том, как чудесно освежает пиво.

Решив, что моя миссия окончена, я покинул эстраду и укрылся среди аппаратов. Никто не заметил моего исчезновения, а мой стул тотчас добровольно заняла толстая женщина с очень самодовольным лицом.

— Вот это да! — произнес Уол Уилли, снова появляясь в кадре. (Он, видимо, подразумевал пиво.)

Женщина только что вернулась из Италии и явно была экспертом по модам, потому что она с ходу заговорила об одежде. Уол Уилли сразу смекнул, как оживить выступление, и обратился к гостье:

— Скажите нашим друзьям-телезрителям что-нибудь по-итальянски!

Гостья издала какие-то невнятные звуки, не имеющие ничего общего с итальянским языком, и возобновила свой рассказ по-английски. Особенно рьяно расхваливала она «настоящий полинезийский узор». Эту модель показывали две манекенщицы. Они храбро вспорхнули на эстраду, облаченные в желтые пляжные пижамы с узором из черных закорючек, напоминающих черепа. Режиссер немедленно бросил в бой подкрепление — еще две камеры.

— Очаровательный узор, настоящая Полинезия, верно? — вдруг выпалил Уол Уилли, повернувшись ко мне.

— Нет, — честно ответил я.

Камера, которая двинулась было в мою сторону, поспешно вернулась к манекенщицам. Женщина продолжала болтать. Я не сдержал стона и получил замечание от помрежа за то, что мешаю передаче.

Наконец Уолу Уилли удалось унять велеречивую модистку, и вошел следующий «гость» — столяр, в свободное время увлекающийся авиамоделями. Он пришел с двумя сыновьями, втроем они тащили такую огромную модель, что я чуть не принял ее за настоящий аэроплан. Уол Уилли попросил завести мотор, решив, что это должно понравиться телезрителям. Сыновья долго и упорно крутили пропеллер, но мотор молчал, и в конце концов они сдались.

Слегка разочарованный, Уол Уилли перешел к следующему номеру: выступление двух мойщиков посуды из ре-

сторана, которые любили петь во время работы. Ведущий совершенно справедливо объявил, что такое чудо увидишь не каждый день, и я сел удобнее, чтобы хорошенько насладиться. Мойщики были из Бруклина и очень скучали по родному Нью-Йорку. Об этом они и пели, а также о ребятах с Тринадцатой улицы. Если они моют посуду так же, как поют, ноги моей не будет в их ресторане.

Опять реклама пива. На этот раз без пеня.

Наконец последовал заключительный номер программы: девушка в цилиндре и фраке пыталась петь и танцевать одновременно. Она не справлялась ни с тем, ни с другим, к тому же камеры никак за ней не поспевали, и Уолу Уилли пришлось прервать номер.

Прощаясь с телезрителями, он обещал на следующий день показать еще более увлекательную программу. Но я искренно сомневаюсь, что ему это удалось.

Артур Лундквист

Стреляй! Стреляй!

Дети смотрели телевизор, закрывшись в комнате, чтобы не мешали взрослые. Их крики и гиканье смешивались с выстрелами и конским топотом.

Отец поднял голову, оторвавшись от книги, которую читал, удобно сидя в кресле. Мать была занята вязаньем. Почувствовав на себе взгляд мужа, она прислушалась к звукам, доносящимся из комнаты, где были дети и телевизор. Свет из окна падал так, что ее глаза казались намного голубее его глаз.

— Вот ведь разошлись! — сказал он. — Войди сейчас туда, еще убьют тебя!

— Ну что ты, они просто играют! — возразила она. — Дети фантазируют!

— Хорошие фантазии — все об убийстве да об убийстве! Кончится тем, что в самом деле кого-нибудь убьют.

— Игра есть игра, они из этого быстро вырастут.

— А по-моему, зря мы купили телевизор. Теперь их еще и дома убийствами накачивают!

— Будто уж ничего другого не показывают.

— Показывают, да они не смотрят. Им смертоубийство подавай — глядят как замороженные.

— От телевизора только польза. Меньше по двору гоняют. Хоть знаешь, чем они заняты. Я тоже иногда люблю посмотреть какую-нибудь программу.

— А мне эти маленькие серые картинки не нравятся. То ли дело хороший фильм в кинотеатре. Или книга.

— Ты один такой книжник. Я больше никого не знаю, кто бы книгами увлекался.

— Тем хуже. И здесь телевизор виноват. Взрослых превращает в детей.

— Но ведь все покупают телевизоры. С какой стати нам отставать от жизни.

— И ты думаешь, телевизор тут поможет!

— Во всяком случае, он показывает настоящую жизнь. А не выдумки, как в твоих книгах.

— Детективы и вестерны — тоже действительность!?

— Если хочешь, да. По-своему.

Он пожал плечами и снова уткнулся в книгу. Она продолжала вязать.

В соседней комнате перед телевизором сидели трое — девочка и два мальчишка. Высокая худенькая девочка была старшей. Один мальчик был ее брат Эвальд. Он вырядился в костюм ковбоя и сжимал в руке красный с белым пластмассовый пистолет. Вторым мальчик, лучший друг Эвальда, Буссе, пришел к ним в гости. На нем были синие джинсы и простая рубашка.

Дети возбужденно подпрыгивали на стульях, переживая то, что происходило на экране. Они кричали, размахивали руками, целились, «стреляли». Эвальд выхватывал пистолет из кобуры так же быстро, как герои фильма, и одновременно с ними щелкал курком. У Буссе не было оружия, но и он прицеливался пальцем и кричал: «Бах! Бах!» Здорово целился, левый глаз щурил так, что все лицо кривилось.

Только девочка — ее звали Вендла — не участвовала в пальбе; она вскидывала руками, точно хотела лететь, и что-то бормотала. Мальчишки не обращали на нее внимания. Глупенькая, но в общем-то ничего, можно терпеть.

В фильме три героя сражались с бандитами и косили их почем зря. Никто не мог сравниться с ними в быстроте стрельбы, и в бесцельных схватках они оставались невредимы, только одному чуть задело руку. Из раны сочилась кровь — пустяки! Как ни в чем не бывало он продолжал стрелять!

Едва фильм кончился, как Эвальд вскочил на ноги, размахивая своим пластмассовым пистолетом.

— Я долговязый Рей! — вопил он. — Всех бандитов убью!

Буссе выстрелил указательным пальцем и закричал:

— А я Немо, который никогда не мажет!

Вендла приплясывала вокруг них, взмахивая руками.

— Тогда я Бак! — крикнула она. — Я тоже хочу играть!

Эвальд резко повернулся к сестре:

— Не придуривайся! Разве Бак девчонка!

— У меня веснушки, как у него! И волосы ничуть не длиннее!

— Все равно, какой ты стрелок! Девчонки не умеют убивать!

— Умею, вот увидите, только примите в игру!

— Ты даже целиться не можешь!

— Могу, могу! Вот посмотри!

Вендла неловко прищурила правый глаз и подняла левую руку, изображая пистолет.

— Вот видишь! — презрительно процедил Эвальд. — Не тем глазом целишься! И стреляешь левой!

— Ну и что! Все равно стрелять умею!

— Не умеешь ты ни целиться, ни стрелять, ни убивать! Не будешь играть с нами!

Напрасно Вендла спорила. Эвальд повернулся к Буссе:

— Пошли, поищем Джонни! У него пугач есть! Мы строем против остальных, пусть будут бандитами!

— У меня пистолета нет. Только рогатка!

— Рогатка, тоже сказал! Надо пистолет! Разве рогаткой кого убьешь!

— Но я здорово попадаю! И больно!

— Все равно не то! Нужно такое оружие, чтобы убивало наповал! Вот бы найти!

— Твой пистолет тоже не по-настоящему стреляет!

— Не по-настоящему? Сейчас я тебя убью!

Эвальд прицелился пластмассовым пистолетом в своего друга и трижды выстрелил ему в грудь. Но Буссе отказывался упасть на пол, продолжал стоять целый и невредимый.

— Что, видал? — сказал он. — Не стреляет!

— А ты играешь не по правилам! — сердито крикнул Эвальд. — Что было бы в фильме, если бы они не выполняли уговор!

— В фильме? Так ведь там стреляют по-настоящему!

— Вот и нет, это только уговор такой. Думаешь, они взаправду всех убивают? Разве не заметил: убьют его в одном фильме, а в следующем — опять он!

— Верно, они потом оживают...

— Значит, не взаправду убиты!

— Ну и пусть, а стреляют все-таки из настоящих пистолетов и винтовок!

— Точно, — согласился Эвальд, — Эх, достать бы настоящее оружие!

— А знаешь... — Буссе быстро проверил, слышит ли Вендла, но она ушла из комнаты, обиделась, что ее не приняли. — Знаешь... Только не говори никому: я попро-

бую достать пистолет брата! Я знаю, где он его держит, — настоящий, с настоящими патронами!

— Не боишься?

— Вот еще! Только пока никому не говори!

— А мне дашь поиграть? Пострелять?

— Посмотрю. Понимаешь, он ведь братьев! Значит, только мне стрелять можно!

— А потом, когда ты убьешь нескольких человек, — дашь мне хоть ненадолго?

— Ну, я — домой, за пистолетом! Встретимся во дворе!

— Ладно! Я скажу остальным ребятам!

Буссе побежал домой. Эвальд не спешил, он целился пластмассовым пистолетом в разные предметы. Они представляли бандитов, которые падали от его выстрелов.

— Вам! Готов! Вам, бам, еще один!

Пробегая через комнату, где сидели родители, он на ходу «застрелил» их.

— Бам, бам! Вы убиты оба!

— Прекрати эти глупости, — сердито сказал отец. — Не то расстанетесь с телевизором!

— Ты куда, Эвальд? — спросила мать.

— Как — куда: бандитов убивать!

— Чтобы поддесятого дома был, не забудь!

— Есть, мамуля! Бам, бам!

Эвальд выстрелами очистил себе дорогу, выскочил за дверь и продолжал пальбу на лестнице.

— Это уж слишком, — сказал отец. — А все эти американские фильмы — сплошь стрельба и убийства, без конца. За что наших детей пичкают такой дрянью! Занимались бы американцы этим у себя дома, а нас оставили бы в покое!

— Детям нравится! Надо же им тоже повеселиться!

— Будто это так уж весело — убивать людей! — буркнул отец, углубляясь в книгу.

Эвальд бежал вдоль дома, стреляя во все стороны своим пластмассовым пистолетом. Выскочив из-за угла, он сперва сделал несколько выстрелов, потом быстро метнулся к сосне и укрылся за ее стволом. Оттуда перебежками приблизился к мальчишкам, которые играли в роще. Между деревьями торчали скалы, словно нарочно созданные для того, чтобы прятаться и устраивать засады.

Эвальд открыл огонь по ребятам, потом крикнул им, что всех уложил. Выдул из пистолета воображаемый дым. И подошел к «убитым», которые, однако, продолжали вести себя, как живые.

Эвальд рассказал, какую игру задумал: все как в американском фильме, который показали по телевизору, три героя — против шайки бандитов. Эвальд и Буссе, — конечно, герои, ведь они видели фильм. Третий — Джонни, а если нет пистонов — пусть живей принесет.

— Когда кого из вас застрелят, вы должны падать как мертвые! — объяснил Эвальд будущим «бандитам».

— А как мы узнаем, что вы попали? — возразил кто-то.

— Мы всегда попадаем! И будем кричать: «Ты убит! Ты убит!» Понятно?

— Мы не хуже вашего стреляем! — ответил один из «бандитов».

— Это будет не по фильму! Мы же уговорились!

— А у меня бомба есть! — сказал один из мальчишек, доставая из кармана бомбу и показывая другим.

— Она взрывается?

— Еще как! Все с лица земли стирает! Это атомная бомба!

— Не знаю, — нерешительно произнес Эвальд. — В фильме не было никаких бомб. Нет уж, подожди со своими бомбами, когда будем в войну играть!

— Ну и давайте лучше в войну! Старший брат, Улле, смотрел фильм про войну, он мне рассказывал. Вот где стреляют: та-та-та-та!.. Снаряды, бомбы так и сыплются. А убитых сколько — тысячи, миллионы! Эх, жаль, детям не разрешают смотреть про войну!

— Никто из нас не видел этого фильма! А «Дикий Запад» видели, вот и будем играть, как там! О'кэй!

— Вон и Буссе! Где же у него пистолет?

У Буссе не было ничего в руках. Эвальд надулся, но тут же заметил, что один карман джинсов Буссе сильно оттопыривается. Еще не хватало, чтобы он бежал мимо дома, держа на виду настоящий пистолет!

— Нашел, Буссе? — крикнул он.

— Есть; стащил! — ответил Буссе, запыхавшись. — Теперь постреляем!

Ребята разделились. Три героя укрылись за скалами, а «бандиты» стали наступать на них, подпрыгивая, как будто верхом на конях.

Эвальд и Джонни «стреляли» безостановочно. Эвальд кричал «бам!», щелкая пластмассовым пистолетом, Джонни не жалел пистонов и лежал в облачке синего дыма. Буссе пока не открывал огня. То ли не освоился со своим оружием, то ли побаивался. «Бандиты» быстро приближались, ни один из них не падал.

— Я тебя застрелил! — крикнул Эвальд ближайшему. — Ты убит! Ложись!

«Бандит», поглядев кругом, нехотя лег на землю. Тройка пыталась убедить других «бандитов» тоже лечь, — мол, они убиты, но те не слушались.

— Стреляй! — крикнул Эвальд Буссе. — Почему не стреляешь? Струсил?

— Нет... Да ведь я могу убить кого-нибудь! — ответил Буссе запинаясь.

— Убивай, чего там! — возбужденно кричал Эвальд. — Коси бандитов! Или дай мне пистолет, я им покажу!

Он нетерпеливо протянул руку за пистолетом. Буссе, растерявшись, уступил. Эвальд схватил пистолет и направил его на «бандитов».

— Ну, держитесь! — крикнул он, нажимая спуск.

Звук настоящего выстрела перекрыл шум и гам. Эвальд до того вошел в роль, что даже не удивился, ощутив сильную отдачу. Он увидел, как один из мальчиков падает — совсем как в фильме! Опять нажал спуск, но выстрела не получилось, только шелчок. Он нажимал спуск снова и снова — тщетно. Опустив пистолет, Эвальд недовольно поглядел на оружие, потом на Буссе.

Буссе побелел.

— Ты застрелил его! — прошептал он. — Я один патрон зарядил! Я не хотел стрелять! Хотел только показать!

Ребята, позабыв, что они «бандиты», сгрудились вокруг упавшего. Кто-то коснулся его и испуганно отдернул окровавленную руку. Кто-то звал застреленного по имени. Несколько ребят пустились наутек. Буссе забрал пистолет у Эвальда, сунул в карман и тоже побежал прочь.

Откуда-то подошел мужчина и спросил, что случилось. У ребят словно отнялся язык. Мужчина опустился на колени возле мальчика, разорвал ему рубашку на груди.

— Да он мертвый! — хрипло сказал мужчина. — Вы его застрелили! Кто стрелял?

Ребята не стали показывать на Эвальда, они просто расступились, так что он остался один. Эвальд побледнел и весь дрожал.

— Он не слушался, не хотел падать, — упрямо сказал он. — В фильме они падали и умирали. А он не слушался.

Он уже поднял с земли свой красно-белый пластмассовый пистолет и держал в руке, будто из него убил товарища. В этом было что-то потешное, но никто не смеялся.

Цуцуи Ясутака

Муниципальный пандемониум

Искусство, рассчитанное на восприятие зрением и слухом одновременно, — немногого стоит. Лично я читаю книги. И всем советую делать то же. Чем посмотреть пять кинофильмов, лучше прочесть три книги, а фильмов и двух хватит. Читать же лучше всего научную фантастику. От чистой беллетристики мне становится как-то не по себе, а считаешь фантастику — и в голове полная пустота. Это и для здоровья полезнее. Главное — сплю крепко. Если не верите — почитайте перед сном сборник фантастики. Всю ночь спишь как убитый. Проспишь ночь, потом целый день, три дня пройдет — и на все тебе наплевать.

Наверное, поэтому я почти не смотрю телевизор. Но вот однажды, когда я вернулся с работы домой, жена сказала:

— Сегодня приходил человек, потребовал, чтобы мы заплатили за телепередачи. Пришлось отдать деньги.

Я швырнул нож и вилку и закричал на жену:

— Вот дура! Зачем ты заплатила? Я же говорил — не плати!

— Но ведь мы смотрим телевизор, значит, должны платить, — жалобно возразила жена.

— Да ерунда! Именно потому, что смотрим, мы и знаем, что эти передачи не имеют ровно никакой ценности, поняла? Почему ты не слушаешь, что я тебе говорю?!

— Но я просто не могла отказаться, — сказала жена плачущим голосом. — Уж разговаривай с ними сам.

— Но ведь агенты приходят в дневное время, значит, я никак не могу с ними встретиться. — Я рядовой служащий. Днем я в фирме. — И потом, я же тебе самым подробным образом объяснял, как отказаться!

— Я так все и говорила. Но он меня переспорил.

— Ну хорошо, что ты ему сказала?

— Я упирала на то, что мы смотрим только передачи частных компаний.

— А он что?

— Он притворился страшно огорченным. Как жаль, говорит, что вы не смотрите наши интереснейшие передачи. Наши программы такие развлекательные, такие полезные — обязательно посмотрите. Если что-нибудь не понравится, тут же напишите нам. Мы постараемся улучшить все, что возможно. Ведь муниципальные передачи, говорит, — для вас всех, для народа.

— Ну и загнул! — Я слегка заинтересовался. — Что же ты ответила?

— Хорошо, говорю, как-нибудь посмотрим. Если будет интересно, то в следующий раз и заплатим.

— Хм... Дальше?

— А он и говорит с таким сочувственным видом: ведь это же муниципальные передачи! Разве вы не знаете 33-го параграфа уложения о телевидении? Телевизор у вас есть, и, раз вы не выполняете контракта об оплате телепередач, значит, вы нарушаете положение о телевидении, не так ли? Я испугалась и заплатила.

— Ну так я и думал! Вот и выходит, что дура! — закричал я. — Послушай меня! Можно не вносить плату, и тут нет никакого нарушения закона. Ведь это самое уложение о телевидении — не закон, оно только устанавливает основные правила, касающиеся свободы вещания и...

— Да разве мне разобраться во всех этих сложностях?! — Жена была почти в истерике. — Что ты меня мучаешь? Всегда ведь говоришь, что я дура! Где же дуре понять такие мудреные вещи?! Ну ладно. Пусть я дура! А ты умный!

И она расплакалась.

— Да я совсем не о том. — Я испугался и принялся ее успокаивать. — Я вовсе не это имею в виду.

— Ты все время хочешь дать мне понять, что я дура. Да, да! Все твои разговоры к этому сводятся.

— Я не на тебя сердит, — сказал я. — Я возмущаюсь системой муниципального телевидения.

— Нет, на меня, — плакала жена. — И ты, и этот человек, вы оба на меня напали! Ну и ладно... Ну и...

— Хорошо. — Я покорился. — Больше я ничего не скажу. Так что перестань плакать.

По счастливой случайности, когда к нам снова пришел агент, у меня был отгул. Я сидел дома и читал кпигу.

— Позвольте пойти! Прошу прощения, я пришел получить плату за телепередачи...

Услышав ДТОГ голос, я подпрыгнул на месте и, отстранив жену, вылетел в прихожую.

— А, явился!

Должно быть, вид у меня был престранный. Агент даже отпрянул. Это был еще молодой человек, с прекрасным цветом лица и нагловатым взглядом. Правда, может быть, в ту минуту мне это только показалось.

— Тот самый? — уточнил я у жены и, когда она кивнула, снова повернулся к нему.

Он ухмыльнулся.

— Так это вы велели вашей супруге не платить за телевизор? Понятно, понятно.

— Что вам понятно!? Не морочьте голову. В прошлый раз вы силой отобрали у жены деньги. Вот и верните!

— Вы что, обвиняете меня в насилии? — он натянуто улыбался.

— Вы угрозами вынудили женщину, которая не разбирается в законах, отдать вам деньги. Это насилие!

— Ваша супруга отдала деньги, потому что убедилась в моей правоте.

— Совсе нет! Да она каждый день плачет от досады, что вы ее обманули!

— Вы преувеличиваете. Допустим, я обманул вашу жену; тогда, по-вашему, выходит, что муниципальное телевидение обманом вымогает деньги у телезрителей всей страны!

— Этого я не говорю. Есть же люди, которые сами согласны платить. Пусть платят те, кто считает, что муниципальное телевидение ценно именно тем, что оно муниципальное. А у меня другое мнение!

— Что же вам не нравится в наших передачах?

Наконец-то мы, кажется, подошли к сути спора. Я позвал жену и велел принести подушечку для сидения. Положил на порог и уселся. Агенту, разумеется, подушку не предложил. Несколько растерявшись, он почесал в затылке.

— А мне все не нравится, — начал я. — Прежде всего политические беседы за круглым столом, дискуссии. Содержание тенденциозно...

Агент взволнованно перебил:

— Вы хотите сказать, что слишком большое внимание уделяется пропаганде взглядов правительственной партии?

— Вот именно! Это слишком заметно.

— Но ведь естественно, что муниципальное вещание подробно информирует народ о политике нынешнего правительства. И притом мы же не навязываем какую-то одну точку зрения. Всякое противоположное мнение непременно обсуждается.

Видно, этого агента долго натаскивали, отвечал он без запинки.

— Ну да, рассказывайте, — возразил я. — Это одна фикция. Стоит только посмотреть на состав выступающих, как все станет ясно. Ведь те представители политических кругов, что выступают по телевизору, все из шайки правительственной партии, не так ли? И ученые, и деятели культуры, и всякие неофициальные лица, — сразу видно, что все они правые. Да вот недавно была дискуссия, — кажется, на следующий день после шумихи с первой японской экспедицией на Марс, — так то же самое. Среди выступавших не было никого от оппозиционной партии, ни одного представителя левых.

Вся эта шумиха поднялась из-за того, что глава управления по науке и технике единолично решил вопрос о составе экипажа космического корабля. В полном соответствии с установкой правительства все трое были выбраны из числа офицеров войск самообороны.

— Понял. — Агент пригасил улыбку. Взгляд его стал холодным и настороженным. — Вы, видимо, левый?

— Кто вам сказал? — гневно загремел я. — Просто я хочу, чтобы соблюдалась объективность.

— Мы с вами придерживаемся разных точек зрения. А я вот считаю, что объективность соблюдается. Подлинная объективность. — Он выпрямился. — Левые, вероятно, думают иначе. Однако наши передачи предназначены для широких масс всей страны.

— Давайте внесем ясность. Я-то не левый. Но ваши передачи и у левых не должны вызывать возражений. Разве не такова задача муниципального телевидения? Вот недавняя постановка в жанре «литературы факта», «Экран политики», была вполне приемлема. С ней каждый мог согласиться. Сначала все шло нормально. А со второй половины передачи телевизор вдруг онемел. Звук пропал, все выступающие хватали ртом воздух, как золотые рыбки. Только началась следующая передача — звук появился. Почему все это произошло? Видно, по требованию репертурного комитета.

— Что вы, ничего подобного! Это была техническая неисправность,

— Так я вам и поверил! А почему на этом передачу не продолжили?

— Но она не была задумана как серийная, должна была передаваться только раз.

— Хватит болтать! Я прекрасно видел заглавие. Никого вы не обманете. Все говорят, что телецентр подвергается давлению со стороны правительства.

— Давлению со стороны правительства!? — Агент, которого, как видно, развеселило мое невежество, покосился на меня с легкой улыбкой.

— Отношения между правительством и телецентром давным-давно испорчены. Двадцать лет назад тогдашний премьер-министр и министр связи рассорились по поводу повышения платы за телепередачи. С тех пор отношения остаются плохими. Какое там давление, ничего похожего. — Он вдруг пришел в сильное возбуждение. — Вы глубоко заблуждаетесь, если считаете телецентр слабой организацией, готовой уступить правительственному давлению. Да что нам правительство! Мы его совершенно не боимся! Пусть только попробует нас раздавить!

Теперь он завел глаза куда-то вверх, то тяжело дыша, размахивал руками, то пожимал узкими плечами. Глаза его горели, ноги подкашивались. — Дайте мне, пожалуйста, стакан воды.

— Сейчас. — Я торопливо налил ему воды. В последнее время молодые люди от двадцати до тридцати лет все чаще оказываются гипертониками. Еще умрет у меня в передней — вот будет история!

— Извините, пожалуйста, мне стало нехорошо, — залпом осушив стакан и, видимо, успокоившись, агент поклонился и, уколов меня сердитым взглядом, торжественно произнес:

— Когда нам все же отказываются платить, мы вынуждены обращаться с иском в гражданский суд.

Я знал, конечно, что это пустое бахвальство. Где это слышано, чтобы возбуждали дела против тех, кто отказывается платить очередные взносы!? Однако я был подавлен его высокомерием.

— Подадите иск? — Мой голос дрожал. — Вот оно что... Хотите разок попробовать? Подавайте, пожалуйста. Я еще никогда не имел дела с судом. И для меня такой опыт будет полезен.

Это уже звучало как вой побитой собаки.

— Впрочем, подавать в суд не обязательно, есть еще лучшие способы.

— Что такое? — сказал я пронзительно. — Угроза?

— Вы ведь работаете на токийском предприятии компрессорных приборов, и ваша фирма занимается изготовлением и ремонтом компрессорных подъемников.

Я откинулся назад в крайнем изумлении.

— Когда это вы успели узнать?

— А что тут такого?

— Конечно, по спискам владельцев телевизоров можно выяснить все, что угодно. Список домашних адресов служащих на любом предприятии и то, наверное, не так точен.

Чтобы успокоиться, я достал сигареты, хотя как раз собирался бросить курить. Рука, в которой была зажигалка, тряслась, как от приступа малярии. Разнервничавшись, я зажег сигарету со стороны фильтра. Пока я пытался погасить ее, она выпала из рук, и огонь, разгоревшись, перекинулся на подушку. Подскочив, я стал затапывать огонь, но подушка соскользнула на пол, и я скатился с порога в переднюю.

— Не пора ли прекратить это представление? — сказал агент, холодно смотря на мое замешательство. — Кстати, ваша фирма наверняка получает подряды от телецентра.

— Ну и что?

— Ничего. Я приду еще раз. — Он повернулся на каблуках, собираясь уйти.

— Погодите! Эй! Да подождите, пожалуйста! — Я поспешно удержал его. — А плата вам уже не нужна? Уже сдались?

— Я устал, — протянул он со старческой улыбкой, и, обернувшись, посмотрел на меня. Взгляд его был пуст; то ли он видел меня, то ли нет.

— Вы не умеете разговаривать с людьми. — Голос его звучал надтреснуто. — Все пошло прахом с тех пор, как у нас перестали обучать правилам общения. Подумайте сами, ну зачем нам надо было спорить?

— Что вы имеете в виду? Хотите оказать на меня давление?

— Вовсе нет. Даже наоборот, я пытаюсь вас убедить, а это еще хлопотнее. — Он равнодушно улыбнулся. — Я хочу как следует подумать. Недалеко отсюда живет моя любовница. Отправлюсь к ней. Пустое дело вы затеяли. — И, бормоча под нос: «Пустое дело, пустое дело», он удалился.

Я снова принялся за роман. Но мне не читалось. Слова его не шли из головы, и я никак не мог полностью погрузиться в атмосферу книги.

«У нас перестали обучать правилам общения». Явный намек на то, что теперь народ воспитывается средствами массовых коммуникаций. Не иначе как он считал, что и я вырос под тем же влиянием. «Как следует подумать», — о чем это он собирается думать?

«Прежде чем сделать что-либо, надо еще раз хорошенько, спокойно все обдумать, не правда ли?» — это, сдастся мне, излюбленное выражение муниципального телевидения. Вот, например, недавно, когда произошел тот скандал с первой японской экспедицией на Марс, комментатор новостей говорил так:

— Прежде чем протестовать против посылки на Марс офицеров войск самообороны, нужно еще раз хорошенько, спокойно обдумать, есть ли, кроме них, в современной Японии люди, которых можно было бы отправить в космическом корабле.

Я наконец сообразил, в чем дело. Может быть, эта фразочка в конечном счете призвана заглушить мысль.

Наверное, среди простых людей мало найдется таких, кто, услышав призыв подумать, примет его за чистую монету и всерьез задумается. А если и впрямь задумается, его сразу же отвлечет следующая передача. А большинство решит, что раз диктор так говорит, — значит, на телестудии найдутся какие-нибудь умники и наверно подумают за них. Кончается тем, что народ молчит. Недаром агент намекал, что незачем мне ломать голову, поскольку он сам берет на себя труд думать о плате и обо всем прочем.

Видно, телецентр — учреждение нового типа? А его работники, если можно так выразиться, — чиновники массовых коммуникаций? Тогда тот агент — тоже служитель массовых коммуникаций, пусть самый мелкий.

Наконец я смутно уяснил себе, что замышляет телецентр. Хорошенькое дело. Даже у мелкого агента есть любовница. Он сказал — любовница, а в старину сказали бы «содержанка», содержанки же обходятся дорого.

На следующий день, зайдя к заведующему отделом с отчетом о принятых заказах, я как бы невзначай спросил его:

— Телецентр, кажется, добрый клиент нашей фирмы?

— Да, заказы у него принимает соседний отдел. Но сегодня там никого нет, видно, все больны. Заведующий секцией просил, чтобы кого-нибудь туда направили. Может, ты пойдешь?

— Я готов, — немедленно ответил я.

— Ты свое дело знаешь и, я уверен, никаких промахов не допустишь, но держи ухо востро, — многозначительно предупредил меня управляющий.

У него был такой вид, будто он ожидает от меня вопроса, а так как разочаровывать его мне не хотелось, я спросил:

— Что вы хотите сказать?

— Как бы тебе объяснить... — Некоторое время заведующий, казалось, был погружен в размышления. Наконец он поднял голову. — Видишь ли... Если обращаться с тамошними служащими, как подобает вести себя с правительственными чиновниками, я думаю, никаких затруднений не будет. Мы ведь должны подлаживаться к партнеру. Не надо смеяться, тем более громко. Но и ругать из угождения им частные компании тоже не стоит. Хуже всего — позиция враждебности.

— Понятно.

Во второй половине дня я отправился в телецентр, находящийся в районе Яманотэ.

К центральному зданию, построенному лет двадцать назад, примыкало множество подсобных строений, больших и малых, которые даже вторгались в сад храма Мэйдзи. Я вошел внутрь, остановился посреди роскошного, как во дворце, вестибюля и увидел громадную цветную стереофотографию нынешнего директора муниципального телевидения, вмонтированную в противоположную стену и освещенную изнутри, как бумажный фонарь. За конторкой справочного бюро сидел прекрасно сделанный робот-информатор, внешний облик которого воспроизводил наружность Макихара Коэда, новой звезды из драмы «Того Хэйхати», идущей сейчас по телевизору.

— Скажите, у себя ли заведующий отделом строительства и ремонта господин Камауэ? Я из токийской компрессорной фирмы, — сказал я.

— Будьте любезны, подождите минутку, — произнес робот голосом Макихара Коэда; внутри у него затрещали приборы, и через некоторое время он ответил: — Прошу прощения. Вам нужно добраться до центрального холла четвертого этажа. — Робот приветливо улыбнулся.

— Спасибо, — невольно бросил я, прикусил язык с досады и поднялся на пневматическом лифте до четвертого этажа.

У входа в центральный зал меня окликнул робот, на этот раз выполненный под маршала Того. Пока я отвечал,

глаза его так и сверлили меня. Несомненно, он проверял рентгеном, нет ли при мне оружия. Робот торжественно пропустил меня, я вошел в зал и сел на диван.

Этот зал тоже сверкал роскошью. В длину и ширину было метров сто, высота потолка — около шести метров. На стенах рядами висели цветные стереофотографии знаменитостей, способствовавших процветанию центра. Больше половины занимали фотографии бездарностей, которым нечего делать в истории искусства. Значимость каждого актера центр измерял не по шкале подлинного дарования или популярности, а по величине вклада в свое процветание.

В этот зал, видимо, был вхож кто угодно: там и сям слонялись группами люди, похожие на актеров. Для важных гостей наверняка существовала другая приемная.

— Ох, извините, я заставил вас ждать меня. — Добродушный голос принадлежал мужчине примерно моего возраста с узким разрезом глаз. Одет он был в костюм землистого цвета, но марка костюма и покрой были безупречны. Когда я представился ему, он слегка поклонился и сел на диван напротив.

— Ваша фирма, наверно, тоже получила проект дальнейшей строительства центра?

Я кивнул.

— Как раз перед тем, как отправиться сюда, я смотрел его. Великолепный проект!

Он склонил голову набок.

— О! Вы так думаете? — Похоже, он хотел дать мне понять, что сам он не разделяет моего восторга. В его манерах было нечто общее с манерами вчерашнего агента, а в тщательности подбора выражений, в которых сквозило едва прикрытое вежливостью нахальство, ясно чувствовалось сознание своей избранности. Типичный служащий ведомства массовых коммуникаций.

— Господин заведующий отделом, — сказал я, — но ведь в мире нет телецентра, столь хорошо обслуживаемого, как ваш. — Мне показалось, что я хватил через край, но ведь, в сущности, я прав, тут уж ничего не попишешь.

— Верно. Однако наши верхи не вполне удовлетворены. — У него, видно, затекло плечо, и он потер его. Неожиданно юноша-актер, смотревший в нашу сторону с соседнего дивана, сорвался с места и подскочил к нам.

— Господин заведующий! Позвольте, я разотру вам плечи?

— Ну что ты, что ты... Видишь, у меня гость.

— Позвольте, я разотру плечи вашему гостю? — Неизвестно как очутившийся за моей спиной другой юноша-актер стал тереть мои плечи.

— Вот ведь пристали. Ну что, разрешим? — Заведующий натянуто улыбнулся.

Я сразу понял, что он затеял все это неспроста. Хочет подавить меня своим авторитетом.

Разошедшиеся актеры массировали нам плечи с таким искусством, как будто были профессиональными массажистами. Должно быть, им часто приходилось этим заниматься.

— Какая вам корысть растирать мне плечи? — обратился к актерам заведующий. — Я ведь из отдела строительства и ремонта. Дать вам роль не могу. Даже если бы я был главным режиссером, все равно, — вот уже двадцать лет, как почти все программы составляет EDPS. Это техническая система программ, а отбором актеров занимается IBM 98 700. Неужели вы этого не знаете?

— Вы изволите ошибаться! У нас нет никаких задних мыслей. Ботиночки вам почистить?

— Нет уж, мне тут чистили и поцарапали.

— Позвольте, мы попробуем. Мы в этом большие доки!

— Ну что ж, разрешить вам, что ли...

Актеры принялись чистить нам ботинки. Весь инвентарь чистильщиков обуви был у них подготовлен. Работали они с таким пылом, что чуть не вылизывали обувь языком.

— Сценарий и режиссуру тоже осуществляет электронно-вычислительная машина? — спросил я.

— Сценарий — да, но не постановку. Как вы, наверно, поняли, посмотрев пьесы, которые мы передаем, они почти не нуждаются в режиссуре. Фиксированное яркое освещение, фронтальная композиция — вот уже много лет, как существует готовая и совершенная форма. И все актеры естественно усваивают манеру игры, принятую в системе муниципального телевидения, так что не приходится опасаться, что они сыграют плохо.

Если бы разговор продолжался, я непременно сказал бы заведующему что-нибудь неприятное. Поэтому я поспешно вернул разговор в деловое русло.

— А что именно в проекте не нравится верхам?

— Им хотелось бы большей автоматизации. Как вы думаете, возможно, чтобы по всей студии работали компрессорные подъемники? Замысел такой — не собирать

людей в студию, а перемещать студию туда, где находятся люди. Например: под землей расположить оборудование, на первом этаже установить реквизит, на втором — поместить актеров, а чтобы студия могла подняться до того этажа, где будет находиться помещение координаторов, — тогда можно было бы сэкономить много времени наших руководителей.

— Теоретически это возможно, но без дополнительных исследований мне трудно что-нибудь сказать о технической стороне дела.

— Мы и хотим, чтобы исследования были проведены. А сегодня мы вас вызвали потому, что вышел из строя четвертый западный лифт центрального здания. Я прошу вас непременно его проверить, и, когда обнаружите неисправность, сразу пришлите монтера.

— Все ясно. Извините, что оторвал вас от дела. — Я поднялся. Еще немного, и они протрут туфли до дыр.

— Вот вам пропуск на проверку лифта. — Он протянул мне карточку. — Предъявите, если потребует охрана.

Я попросился с ним, взял этот пропуск, разрешающий мне передвижения по телецентру, и вышел из зала.

Пока я шел по длинному коридору, направляясь в западную часть здания, одна из дверей открылась, и из нее неожиданно появился вчерашний агент. Я чуть не подскочил от удивления. Эта комната, видимо, была учебным помещением — из нее толпой валили люди, с виду типичные агенты. Впереди всех, по направлению ко мне шествовал мой вчерашний посетитель, на ходу разговаривавший с каким-то человеком, наверно, начальником.

Я открыл дверь на противоположной стороне коридора, нырнул в полутемную комнату и, оставив узкую щель, прислушался.

— Я считаю, что надо сделать объявление по телевидению, и тогда нам вовсе не потребуется ходить за платой, — недовольно говорил вчерашний агент. — Если неудобно делать это непосредственно, можно обратиться к подсознательному восприятию или как-нибудь еще...

— Ну, знаешь... Сбор платы — тоже служба центру, — отвечал человек, похожий на начальника. — По правде говоря, и без того многие семьи автоматически переводят плату через банк, и уже этим расходы центра с лихвой окупаются. И если мы ходим за платой по домам, это, пожалуй, просто рисовка со стороны центра...

Они прошли мимо, и я собрался выйти. Уже выходя, я оглянулся назад, но увидел вовсе не комнату, а узкий

коридорчик для регулирования верхнего и бокового освещения и внизу — обширную телестудию. Я перегнулся через перила и посмотрел вниз. У меня потемнело в глазах. Студия была подо мной метрах в двадцати. Там ставили пьесу.

Что-то с шуршанием зашевелилось во мраке рядом со мной. Повернувшись, я всмотрелся и заметил в нише человека, прижавшегося спиной к стене, который что-то усиленно жевал, обхватив руками бумажный сверток. Подвинувшись ближе, я узнал популярного актера, новую восходящую звезду, Вакакуса Горо.

— Что это вы делаете в таком месте? — удивленно спросил я.

— Перекусываю, — ответил он.

Это лакомство, которое он с такой жадностью поглощал, оказалось дешевыми вареными на пару булочками из кукурузы, на которые и ребенок не польстится.

— В столовой-то лучше... — сказал я, но он покачал головой.

— В столовой слишком дорого. Это я купил в Ситама-ти и хотел съесть в уголке студии, но ведущий передачу приказал — иди лучше туда, еще репортеры заметят...

— Вы так мало получаете?

Он не ответил.

— Я знаю, что расценки у вас тут низкие, — снова заговорил я. — Но ведь вы, наверно, можете подрабатывать в других местах и получать денег сколько хотите...

— Вот и нет. Я этого совсем не могу.

— Запрещено?

— Дело не только в этом. Прежде всего в другом месте меня не примут.

— Ах, ну конечно, ведь есть соглашения с другими организациями. Вернее сказать, давление на них со стороны центра.

— Пойдите-ка, а вы... — произнес он, глядя на меня, и запнулся. — Вы не шпион частных компаний?

— Да нет, вовсе нет.

Громко сопя, он снова вонзил зубы в булочку и принялся жевать, рассыпая вокруг кукурузную муку. Глаза его горели ярко, как у животного, и, видно, даже во время еды он ни на миг не оставлял честолюбивых помыслов и мечтал о славе.

Я вновь вышел в коридор.

Западный лифт номер четыре, когда я попробовал подняться на нем, действительно работал как-то странно.

Скорость сжатия была низкой, и двигался он медленно. Один этаж он проходил секунд за десять — двенадцать. Сравнивая движение стрелок манометра и ручных часов, я несколько раз поднялся и спустился с подземного шестого этажа до самого верхнего, двадцать восьмого. Разница давления между верхней и нижней частями подъемного устройства едва достигала трех атмосфер. Видно, придется менять турбину.

Во время спуска кабина остановилась на четырнадцатом этаже. Может быть, кто-нибудь остановил, подумал я и открыл дверь. Какой-то человек, видно, важный чин, собрался войти, и я решил предупредить его.

— Этот лифт немного не в порядке. Едва тащится. Может быть, вы поедете на другом?

— Это не важно. Закрой-ка поскорее дверь. Мне так надоел этот тип, который все время меня преследует.

Он вошел в кабину, не обращая на окружающее ни малейшего внимания.

— О, господин директор, подождите, сделайте милость! — Подхалимски согнувшись, преследователь директора впрыгнул за ним в кабину. Он оказался не кем иным, как главным секретарем кабинета министров. Я перепугался.

— Вы мне так решительно, наотрез отказали. Что же мне теперь делать?

Директор сделал страдальческое лицо и, не отвечая главному секретарю, мотнул подбородком в мою сторону.

— Мне все равно куда, давай на третий.

Я закрыл дверь и нажал кнопку третьего этажа. Кабина начала медленно опускаться.

— Я вас очень прошу, господин директор, — голос главного секретаря дрожал. — На будущих выборах нам предстоит ожесточенная борьба.

— Выступать с изложением своей платформы нельзя, — сердито ответил директор. — Министерство культуры по своему усмотрению и без нашего ведома составило бумагу, в которой определило муниципальному телевидению всего четыре социальные функции: как воспитательного органа, образовательного, информирующего и развлекающего. Выступления же — я имею в виду предвыборные — проходят по ведомству общественного мнения, а это к нам отношения не имеет. Бывают же передачи, связанные с коммерцией (я говорю о частных телекомпаниях), такие передачи выполняют функции рекламные и посреднические, вот и обращайтесь туда.

— Я заплачу, — сказал главный секретарь. — Достаточно 500 миллионов иен?

Директор горько улыбнулся.

— Телецентр, даже когда молчит, получает миллиард 800 миллионов иен ежедневно.

— Однако вы, наверное, все же не страдаете от избытка денег?

С той же горькой улыбкой директор сказал:

— Ну ладно. Допустим, я беру деньги. Устраиваю вам по телевидению выступление. Хорошо. Но разве вы этим удовлетворяетесь? — Посерьезнев, он со злостью посмотрел на главного секретаря. — Ничего не выйдет. Я вам отказываю. Можете говорить что угодно, все бесполезно.

Я открыл дверь, поскольку мы прибыли на третий этаж.

— Так что уходите, пожалуйста, — бросил директор главному секретарю и повернулся ко мне. — Отвези секретаря на первый этаж.

И вышел в коридор.

— Завтра я приду опять, вместе с министром связи, — взволнованно заявил главный секретарь.

— Хоть с премьер-министром, все равно ничего не выйдет, — бросил директор, даже не обернувшись, и ушел.

Я затворил дверь, а главный секретарь затопал ногами и принялся вопить:

— Да что ж это такое! Ведь это я, я выхлопотал ему директорское местечко. Такая неблагодарность! Пригрел змею на груди...

Мы достигли первого этажа, и он вышел, продолжая сыпать проклятия.

— Тоже мне, гуманист выискался... Ах ты пес паршивый! Пошел вон отсюда!

Я снова закрыл дверь и поехал вниз, чтобы посмотреть турбину на нижнем этаже. На шестом подземном этаже вышел в коридор и стал искать лестницу, ведущую в помещение, где установлена турбина.

Наконец сход вниз нашелся, но, когда я спустился примерно на этаж по узкой, в полметра шириной, лестнице между двумя глухими стенами, я с удивлением обнаружил, что и тут тянется длинный коридор с множеством дверей по обеим сторонам. В справочном табло ничего не говорилось о существовании седьмого подземного этажа, и сначала я решил, что попал в аппаратную, но, видно, ошибся. Пол был сплошь устлан коврами.

Я с опаской открыл ближайшую дверь.

Передо мной была громадная комната. На полу тоже лежал толстый ковер с длинным ворсом, пылал камин. Стояла здоровенная тахта, двуспальная кровать и рояль; на них, раскинувшись, лежали голые женщины; одна — на тахте, две — на кровати и одна — на рояле. Еще одна была привязана к ножке рояля, и смуглый мужчина, совершенно раздетый, изо всех сил хлестал ее мокрым полотенцем.

Три женщины заметили меня. Это были танцовщицы, иногда выступавшие в шоу на мелких ролях.

Я остолбенел от изумления.

— Что вам надо? — спросил мужчина, повернувшись ко мне.

Я поспешил предъявить пропуск.

— Я из фирмы-субподрядчика вашего отдела ремонта и строительства. Мы будем строить новое центральное здание, поэтому я осматриваю помещения.

— Пожалуйста. — Он уселся на тахту. — В новом здании, наверно, тоже будут режиссерские комнаты?

С этими словами он вынул сигареты. Женщина, лежавшая на тахте, щелкнула зажигалкой и поднесла ему огонь, другая спустилась с рояля и стала вытирать ему пот на груди мокрым полотенцем.

— Эта комната называется режиссерской? — спросил я.

— Формально да. Я — ведущий передачи. Разумеется, актерам никакой режиссуры не требуется. Однако вы, вероятно, понимаете, что режиссерские комнаты все же необходимы.

— Понимаю. — Я хотел было выйти, но он остановил меня.

— Эй, послушай. Может быть, возьмешь одну из этих? У меня есть лишний талон для служащих управления.

Одна из женщин, лежавших на двуспальной кровати, подмигнула мне.

— Нет, я спешу. — Сделав равнодушное лицо, я вышел из комнаты. Некоторое время ноги плохо мне повиновались.

Обнаружив наконец турбинный зал, я вошел в каморку в самом низу четвертого западного подъемника и проверил механизмы. Инструментов у меня с собой не было, и осмотреть их внутри я не мог, но по звуку мне показалось, что сломано лопастное колесо. Оставаться здесь было бесполезно, и я направился к выходу.

У порога я задел мыском ботинка какой-то железный лист, раздался звон. Приглядевшись, я увидел, что это дверца люка. Заинтересовавшись, я нажал на кольцо — плита поднялась, и открылась уходящая вниз пожарная лестница.

Любопытство — это мое большое достоинство, но и мой большой недостаток. Ага... Лестница...

Я спустился по этой лестнице вниз. Значит, существует еще восьмой подземный этаж. И сколько же таких этажей с секретными подземными помещениями? На этом этаже тоже был широкий коридор с четырьмя разветвлениями, но он был не так шикарен, как на верхних этажах. Пол был бетонный, с потолка светили флуоресцентные лампы без абажуров.

По обе стороны коридора шли такие же небольшие двери. Я слегка приоткрыл одну из них и заглянул внутрь. В нос ударил ужасный смрад. Какой-то человек — мужчина это или женщина, определить было невозможно — сидел посреди комнаты метров в девять, словно приклеившись задом к расстеленной циновке, и неотрывно пожирал взглядом четырнадцатидюймовый экран стоявшего в углу старого телевизора. Волосы этого странного существа свешивались до колен, на грязном лице, похожие на вулканические кратеры, темнели фиолетовые следы опухолей. Одето оно было в некое подобие рваной ночной рубашки из самой грубой ткани. Поясом служила простая веревка. Вокруг валялось несколько тарелок, на одной из которых лежал гнилой помидор вместе с экскрементами. В комнате стояла и небольшая кровать, застланная грязным одеялом.

От кошмарной вони у меня начало резать глаза, но все же, преодолевая себя, я вгляделся как следует и понял, что это создание — не то мужчина, не то женщина — смотрит низкопробную пьесу, передававшуюся лет десять назад. С чего это вдруг ее повторяют? Я еще раз заглянул в лицо человеку и чуть не задохнулся. Да ведь это же, кажется, Тама Соноко, десять лет назад игравшая главные роли в телевизионных постановках. А увлечена она многосерийным телеспектаклем «Госпожа о-Кана», который, очевидно, транслировался только в эту комнату. После того как прошел этот многосерийный спектакль, Тама Соноко уже не появлялась на экранах телевизоров, и я никогда не задавался вопросом — что с ней случилось, но не представлял себе, что она могла пасть так низко.

Перемена, приключившаяся с ней, была настолько

разительна, что я стоял широко раскрыв глаза от удивления.

Актеры, которым по случайности доставались крупные роли, приобретали популярность с такой же быстротой, с какой потом ее теряли. Даже если они выступали в других ролях, им не удавалось заслонить в глазах зрителей созданного ими прежнего образа. Зрители ощущали дисгармонию. Тем более верно это было в отношении актеров, игравших в комедиях, — они уже не могли выступать в серьезных пьесах. Они становились просто ненужными.

К тому же большинство режиссеров ненавидит актера, которого выдвинул другой режиссер или организация начинающих актеров.

Но поскольку на актера было положено много трудов, центр не решается уволить его, уже ставшего ненужным, к тому же тогда его могут использовать частные компании, да и связанные с искусством журналы, наверно, поднимут шум. Актеров и содержат здесь до самой смерти.

Я распахнул другую дверь.

Там, почти парализованный, лежал Акасака Ёсихико, исполнявший главную роль в «Генерале Ноги».

С истерическим хохотом, задрав до пояса полы кимоно, смотрела свою пьесу Окадзаки Ясуко, игравшая в «Холме желаний». Похоже было, что она сошла с ума.

Разглядывая себя в телевизоре еще молодой, Итикава Мики из «Дома, в котором любят», непрерывно скребла длинными ногтями какие-то шишки вроде фурункулов, рассыпанные по всему телу. Лицо ее было темно-серого цвета.

В каждой комнате по телевизору передавалась та программа, главную роль в которой когда-то исполнял находящийся тут актер. Актеры, вероятно, радовались, полагая, что эта передача транслируется по всей стране. Потому-то они и согласились на заточение.

О том, что центр не только открывает новые таланты, но и губит их, поговаривали уже двадцать лет, но я не думал, что дело зашло так далеко. Как же им удастся держать актеров в этой огромной богадельне, — я был слишком поражен, чтобы восхищаться или негодовать по поводу ловкости или бесчеловечности центра.

Потрясенный, я бесцельно шел по коридору, и тут из-за угла, метрах в двадцати от меня, показались двое в форме, похожей на военную, и направились ко мне. Долж-

но быть, охранники. Опешив, я остановился. Потом повернулся и быстро зашагал в обратную сторону.

— Стой! — услышал я за собой зычный мужской голос, отдавшийся эхом.

Я пустился бежать. Неизвестно, простят ли мне появление здесь, если я покажу пропуск; скорее всего, нет.

— Кому сказано — стой!

— Не остановишься — стрелять будем!

И оба тут же выстрелили. Пули просвистели мимо моего плеча. Как было бы ужасно — погибнуть в таком месте. Я нехотя остановился и, подняв руки вверх, повернулся к ним. Не опуская пистолетов, охранники медленно приближались. Между нами еще было метров двадцать.

И тут я оглушительно заорал:

— Господа актеры! Сейчас будет проведена репетиция перед камерой. Прошу собраться скорей! Возьму того, кто будет первым!

Двери вдоль коридора с треском открылись, и оттуда выскочили дикого вида актеры, наступая на полы ночных халатов. Появился даже полупарализованный Акасака. Я понял, что моя затея удалась, и бросился бежать по лестнице, крича на ходу: «За мной! Преимущество первым пришедшим!» Испуская воинственные кличи, они гнались за мной по пятам, как злые духи. Охранники не стреляли, боясь попасть в актеров.

Бывшие актеры превратились в ужасных чудовищ. Когда я наконец достиг пожарной лестницы и, карабкаясь вверх, оглянулся на них, я снова подумал об этом и вздрогнул. Им в лапы только попадись...

Задевая дрожащими коленями о перекладки, я наконец добрался до аппаратной и пустился вверх по лестнице. Сначала хотел было подняться лифтом, но потом испугался, как бы меня не настигла перед дверями лифта эта орда чудовищ, с головы до ног вымазанных в грязи и усеянных фурункулами.

От одной этой мысли кровь схлынула с лица. С трудом подавляя желание помочиться, которое я всегда чувствую в минуту опасности, я продолжал бежать вверх по лестнице к первому наземному этажу. От первого бежавшего за мной актера, похожего на выходца с того света, меня отделяли каких-нибудь десять ступенек.

Еле держась на подгибающихся ногах, я добрался до первого этажа. Выйдя из лестничной клетки, я оказался перед большой студией, которую недавно видел сверху.

Не раздумывая, я вбежал в студию. На помосте стояла веселенькая декорация пошлой бытовой пьесы; помощники режиссера, операторы, Вакакуса Горо и человек десять других актеров стояли, застыв на месте, как полагается за пять секунд до начала передачи.

Заметив меня перед камерой, операторы в гневе закричали: «Эй!» Но тут же увидели свору оборотней, мчащихся за мною, и завопили все разом.

В одно мгновение студия наполнилась невообразимым шумом. Тама Соноко, с которой сыпались вши, взобралась на помост с декорациями и повалила наземь актрису, новоявленную «звезду», собиравшуюся вот-вот войти в транс. Итикава Мики, воображая себя главной героиней, обхватила Вакакуса Горо и принялась целовать его куда попало — в лоб, в щеки, в губы. У того показалась пена на губах, и он в судорогах грохнулся на пол. Параличный Акасака Ёсихико, ковылявший позади всех, встал навтыжку перед камерой и затянул песню генерала Ноги. Остальные актеры облепили ассистентов режиссера, одни пели, другие плясали, поминутно падая.

Времени терять было нельзя, — заметив другую дверь, я выбежал через нее в вестибюль. Вслед за мной из студии выпорхнули две молодые актрисы из юных дарований. Несколько оборотней, принимавших меня за режиссера, опрометью кинулись вслед за нами. В вестибюле образовался водоворот, поднялся визг. Молодые актрисы, со стонами бежавшие рядом, в конце концов, видно, сошли с ума от страха и залились истерическим хохотом.

Из вестибюля я выскочил на улицу. Затем безобразные чудища показали на белый свет. С нечеловеческими воплями они неслись за мной по пятам. Долго ли они собираются меня преследовать? Они так рвались оказать-ся первыми перед камерой. Похоже, что и меня они почти довели до помешательства.

Заметались испуганные прохожие. Не знаю, что подумали чудовища, но некоторые перестали преследовать меня и заинтересовались удирающими прохожими, за которыми они тут же погнались. Я от всей души сочувствовал ни в чем не повинным прохожим, за которыми вдруг помчались невиданные оборотни вроде сгустков бактерий. На живых существ они были мало похожи, и прохожие начали терять сознание.

Кроме того, многие чудовища, видно, были близки к помешательству на сексуальной почве: заметив красивого представителя противоположного пола, они начинали пре-

следовать его, цеплялись за него сзади и поднимали ужасный гам. Я наконец добрался до станции Сибутани и, нырнув в такси, медленно курсирующее в ожидании пассажира, оказался в безопасности. Но пока я не вошел в здание своей фирмы, находящейся в Канда, дрожь не покидала меня.

На следующий же день в утренней газете появилась большая статья.

«Люмпены подняли переполох в Ёёги среди бела дня. (На самом деле производились натурные съемки телефильма.)

19-го числа в четыре часа дня случилось скандальное происшествие: человек десять люмпенов, мужчин и женщин, неожиданно выскочивших из телецентра в районе Ёёги, стали хватать прохожих и устроили беспорядки.

На самом деле это были просто натурные съемки. Актеры, одетые люмпенами, перепутали партнеров, а их одежда и грим были похожи на настоящие. Кто-то решил, что началось выступление профсоюза бандитов-люмпенов, и на некоторое время был даже введен в действие отряд полиции...».

Как все же ловко они умеют скрыть истинное положение дел! Да, такое учреждение, как центр, — страшная политическая сила.

Что случилось с теми оборотнями — я не знаю. Да и знать не хочу.

Месяца через два, когда я опять взял отгул и сидел дома, тот агент пришел снова.

— Прошу прощения, я пришел получить плату за телепередачи. — Сказав это, он посмотрел мне в лицо и ухмыльнулся.

С меня уже было довольно.

Я заплатил.

Об авторах

Джон Бойнтон Пристли (John Bointon Priestley) — известный английский прозаик и драматург, автор романов, пьес, эссе и рассказов. Многие его произведения, переведенные на русский язык, пользуются популярностью у нас в стране. Для творчества Дж.-Б. Пристли характерен глубокий интерес к современности и ее проблемам, подчас — острая публицистичность. Рассказ «Дядя Фил и телевизор» («Uncle Phil on TV») взят из сборника рассказов Пристли «The other place» (1953).

Джордж Микеш (George Mikes) — современный английский сатирик. Творчество Микеша широко известно, многие его произведения или отрывки из них опубликованы в советской периодической печати. «Похвальное слово телевидению» («In praise of television») — глава из книги Дж. Микеша «How to be inimitable» (1960).

Фред Хойл (Fred Hoyle) — всемирно известный английский астрофизик, и одновременно — автор научно-фантастических романов и рассказов, пользующихся широкой популярностью как на родине Хойла, так и за ее пределами. Некоторые произведения Ф. Хойла переведены на русский язык. Рассказ «Шантаж» («Blackmail») переведен по тексту, напечатанному в антологии «The best SF stories from New Worlds» (1967).

Сигон Маккеттриг (Seaton Mckettrig) — американский писатель, автор научно-фантастических рассказов. Рассказ «Передышка» («After a few words», буквально — «После нескольких слов») был напечатан в антологии фантастики «SF Horizons-1» (1968).

Аврам Дэвидсон (Abram Davidson) — современный американский писатель, автор многих научно-фантастических и детективных ро-

манов и рассказов, некоторые из них отмечены литературными премиями. Рассказ «Эту штуку называют любовью» («Lose called this thing») взят из антологии «Science fiction for people who hate science fiction» (1966).

Дональд Уэстлейк (Donald Westlake) — современный американский писатель. Рассказ «Всего хорошего, доброй ночи!» («Good night!») взят из журнала «Atlantic» (1968, № 7).

Х.-А. Харгривс (H. A. Hargreaves) — канадский писатель, автор научно-фантастических рассказов. Филолог по профессии, Х.-А. Харгривс преподает английский язык в университете Альберты в Канаде. Рассказ «И в небе, и в земле сокрыто больше...» («More things in heaven and earth») взят из антологии научной фантастики «New writing in SF-17» (1970).

Бад Шульберг (Budd Schulberg) — известный американский сатирик, автор романов, рассказов и киносценариев. Рассказ «С приветом к вам из Арканзаса» («Your Arkansas traveler») был напечатан в его сборнике «Some faces in the crowd» (1953).

Сирил Т. Корнблат (Cyril Kornbluth) — один из известнейших американских научных фантастов, автор многих романов и сборников рассказов, из которых некоторые уже знакомы советскому читателю. Рассказ «Пришествие по двенадцатому каналу» («Advent on channel twelve») взят из антологии «Star 14» (1968).

Гюнтер и Иоганна Браун (Günther und Johanna Braun) — современные писатели ГДР. Рассказ «Возвращение блудного сына» («Die Rückkehr des verlorenen Sohnes») взят из сборника их рассказов «Die Nase des Neanderthalers».

Курт Давид (Kurt David) — современный писатель ГДР, лауреат премии имени Алекса Веддинга (за книгу о жизни Бетховена). Рассказ «Как мы смотрели телевизор» («Wie Herr Puschlik immer mit Keksen gefuttert wurde und Mama errotete», буквально — «Как господина Пушлика кормили печеньем и как мама покраснела») вышел в его сборнике «Freitags wird gebadet» (1969).

Гейнц Кноблах (Heinz Knobloch) — немецкий писатель и журналист (ГДР). Долгое время работал в сатирическом еженедельнике «Ойленшпигель». Рассказ «Хотелось бы мне знать» («Ich wollte es wissen») взят из сборника Гейнца Кноблеха «Ein gewisser Reginald Hinz» (1963).

Альфонсо Альварес Вильяр (Alfonso Alvarez Villar) — современный испанский писатель-фантаст, ученый-социолог, преподаватель Мадридского университета. Рассказ «Супруги, любившие уединение» («La pareja que amaba la soledad») напечатан в антологии «Antología de novelas de anticipation» (1967).

Стефания Гродзенська (Stefania Grodzienska) — популярная польская писательница, автор многих сборников сатирических рассказов и фельетонов. Рассказ «Супружество и телевидение» («Matzenstwo i telewizja») взят из ее сборника «Spotkanie ze mna» (1961).

Йозеф Рединг (Josef Reding) — известный писатель (ФРГ). Рассказ «Стареешь, Джек!» («Wenig Luft für alte Manner») взят из антологии рассказов современных немецких писателей «Querschnitt» (1967).

Гюнтер Хербургер (Gunther Herburger) — известный западногерманский прозаик и драматург. Рассказ «Для маленьких и для больших» («Für die Kleinen und die Großen») взят из его сборника «Eine gleichmabige Landschaft» (1964).

Бенгт Даниельссон (Bengt Danielsson) — известный шведский писатель и крупный ученый-социолог. Рассказ «Гость телевидения» («Gästupptradande i television») взят из сборника «Djunglevandringar och havsseglatser», (1954).

Артур Лундквист (Artur Lundkvist) — виднейший современный шведский писатель, лауреат Международной Ленинской премии. Рассказ «Стреляй! Стреляй!» («Skjut! Skjut!») взят из сборника «Sida vid sida» (1962).

Цуцуи Ясутака — член японского клуба писателей-фантастов, автор многих научно-фантастических романов и рассказов, некоторые из которых уже известны советскому читателю. Рассказ «Муниципальный пандемониум» взят из сборника Ясутака Цуцуи «Операция Альфа-альфа» (1968).

Содержание

М. Стура. <i>Ящик Пандоры.</i>	5
Дж.-Б. Пристли. <i>Дядя Фил и телевизор.</i>	9
Перевод с английского В. Ашкенази	
Дж. Микеш. <i>Похвальное слово телевидению.</i>	30
Перевод с английского Н. Кузнецовой	
Ф. Хойл. <i>Шантаж.</i>	35
Перевод с английского Л. Ермаковой	
С. Маккетриг. <i>Передышка.</i>	40
Перевод с английского Е. Вансловой	
А. Дэвидсон. <i>Эту штуку называют любовью.</i>	49
Перевод с английского М. Литвиновой	
Д. Уэстлейк. <i>Всего хорошего, доброй ночи!</i>	61
Перевод с английского М. Беленького	
Х.-А. Харгривс. <i>И в небе, и в земле сокрыто больше.</i>	70
Перевод с английского Е. Вансловой	
Б. Шульберг. <i>С приветом к вам из Арканзаса.</i>	117
Перевод с английского Л. Беспаловой	
С.-Т. Корнблат. <i>Пришествие по двенадцатому каналу.</i>	155
Перевод с немецкого Е. Факторович	
Г. и И. Браун. <i>Возвращение блудного сына.</i>	159
Перевод с английского М. Литвиновой	
К. Давид. <i>Как мы смотрели телевизор.</i>	163
Перевод с немецкого Е. Факторович	
Г. Кноблох. <i>Хотелось бы мне знать.</i>	168
Перевод с немецкого Л. Завьяловой	
А.-А. Вильяр. <i>Супруги, любившие уединение.</i>	171
Перевод с испанского Р. Рыбкина	

С. Гродзеньска. <i>Супружество и телевидение.</i>	177
Перевод с польского К. Старосельской	
Й. Рединг. <i>Стареешь, Джек!</i>	181
Перевод с немецкого М. Цвиллинга	
Г. Хербургер. <i>Для маленьких и для больших.</i>	185
Перевод с немецкого Е. Девиса	
Б. Даниельссон. <i>Гость телевидения.</i>	213
Перевод со шведского Л. Жданова	
А. Лундквист. <i>Стреляй! Стреляй!</i>	217
Перевод со шведского Л. Жданова	
Ц. Ясутака. <i>Муниципальный пандемониум.</i>	223
Перевод с японского Л. Ермаковой	
Об авторах.	243

Дядя Фил и телевизор. Предисл. М. Стура. М.,
Д 99 «Искусство», 1974.

248 с. (Рассказы зарубежных писателей).

На обороте тит. л. сост.: Р. Рыбкин.

Среди авторов сборника — Б. Шультберг, А. Лундквист, Дж.-Б. Пристли и другие. В произведениях, созданных мастерами зарубежной прозы, перед читателями предстанут разные грани темы «роль и место телевидения в жизни людей», уже давно волнующей виднейших представителей западной культуры. Книга рассчитана на самого широкого читателя.

С63

80107-124
Д 025(01)-74 141-74

Дядя Фил и телевизор

**Рассказы
зарубежных
писателей**

Составитель Ростислав Леонидович Рыбкин

Редактор *Е. С. Сабашникова*

Художник *С. М. Бархин*

Художественный редактор *Ю. А. Марков*

Технический редактор *А. Н. Кузнецова*

Корректоры *В. П. Акулинина и Т. М. Медведовская*

Сдано в набор 1/X 1973 г. Подписано к печати 12/V 1974 г. Формат издания 84x108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Уел. п. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,455. Изд. № 6158. Тираж 25 000 экз. Заказ 735. Цена 68 коп. Издательство «Искусство», 103051, Москва, Цветной бульвар, 25. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.